

Кристофер Брук

САКСОНСКИЕ И НОРМАНДСКИЕ КОРОЛИ

450–1154 гг.

Кристофер Брук

**САКСОНСКИЕ
И НОРМАНДСКИЕ
КОРОЛИ
450–1154**

Christopher Brook

**THE SAXON
AND NORMAN
KINGS**

Кристофер Брук

**САКСОНСКИЕ
И НОРМАНДСКИЕ
КОРОЛИ
450-1154**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)4
Б89

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Брук Кристофер
Б89 Саксонские и нормандские короли. 450—1154 /
Пер. с англ. Л.А. Карповой. — М.: ЗАО Издательство
Центрполиграф, 2011. — 255 с.

ISBN 978-5-227-02590-6

Кристофер Брук, историк, профессор Лондонского университета, посвятил свою книгу истории королевской власти в Англии. Наблюдая за сменой королей на престоле, автор сообщает не только даты их правления и сражений, он дает представление о том, какими они были: их вкусы, интересы и достижения. Почему король Этельстан был таким знатоком «реликвий», был ли Вильгельм II атеистом, участвовал ли Генрих I в убийстве Вильгельма II? Отвечая на эти вопросы, Брук изучает природу монархической власти, стараясь освободиться от современных предрассудков и мнений тех историков, которые видели в королевской власти лишь источник тирании.

Книга снабжена иллюстрациями, генеалогическими таблицами и картами.

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-227-02590-6

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

САКСОНСКИЕ
И НОРМАНДСКИЕ

КОРОЛИ

450–1154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Невозможно написать биографии саксонских и нормандских королей в обычном смысле этого слова, и нет портретов, которые дали бы нам ясное представление о том, как они выглядели. Поэтому эта книга, безусловно, отличается по своей цели от книг, написанных о королях нашего времени. В главе 1 я постарался четко обрисовать, какую попытку я собираюсь предпринять. К этому следует добавить, что, хотя среди иллюстраций есть ряд изображений королей, ни одно из них не является портретом в современном понимании этого слова. Но от этого, я надеюсь, они не становятся менее интересными. Они неизбежно нуждаются в большем количестве разъяснений, чем собрание портретов, и к ним предлагаются довольно полные комментарии, помещенные под сопроводительными подписями к ним в списке иллюстраций.

В тексте изложена часть того, что я узнал за многие годы от учеников, друзей и учителей. Особенно следует отметить некоторые из моих многочисленных обязательств. То, чем я обязан господину Х.Э. Уокеру, не так легко суммировать: все, что я пишу о происхождении Уэссекса и гобелена из Байо, в большой степени основано на его предположениях и интуиции. Моя жена и доктор Х. Мейр-Хартинг прочитали всю книгу

в рукописи, а последний прочитал ее также и в гранках. Оба они внесли предложения по ее улучшению и убрали много ошибок и погрешностей, но их не стоит упрекать за те, что остались. Мне также помогали советами доктор П. Чэплис, господин Дж.В.Г. Имс, профессор М. Глакман, господин П. Хантер Блэр, доктор Э. Питерс, господин А. Томпсон и издатели.

Я очень благодарен нижеперечисленным господам за разрешение процитировать отдельные отрывки: госпоже Марджори Чибнелл и «Т. Нельсон и сыновья лтд.» за отрывки из *Historia Pontificalis* Иоанна Солсберийского; профессору Дороти Уайтлок и господам Эйр и Споттисвуд лтд. за отрывки из «Английских исторических документов», том 1; профессору Ф. Барлоу и господам Нельсон за отрывки из «Жизнь короля Эдуарда Исповедника»; доктору Маргарет Мюррей и господам Фейбер и Фейбер за отрывки из «Бога ведьм»; профессору Г.Н. Гармонсвею и «Дж.М. Дент и сыновья лтд.» за отрывки из «Англосаксонской хроники»; Томасу Саймонсу и господам Нельсон за отрывок из *Regularis Concordia*; господину Д. Райту и «Пенгвин-букс, лтд.» за отрывки из «Беовульфа». Особую благодарность следует выразить также «Фейдон-пресс, лтд.» за разрешение напечатать фотографии из «Гобелена из Байо» под редакцией сэра Фрэнка Стентона; признательность за другие иллюстрации содержится в «Списке иллюстраций».

Книга Х.Р. Лойна «Англосаксонская Англия и нормандское завоевание», содержащая ряд очерков о правлении английских королей, и книга Дж.М. Уоллес-Хэдрилла «Длинноволосые короли и другие исследования по истории франков» появились слишком поздно, чтобы я мог руководствоваться ими при написании этой книги, хотя я и извлек пользу из того, что имел возможность услышать и обсудить с господином Уоллес-Хэдриллом часть новых очерков из его книги.

Глава 1

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Чем больше мы удаляемся от современного мира и углубляемся в Средние века, тем меньше у историка материала, с которым он мог бы работать. Если человек хочет подробно изучить человеческое общество в действии или узнать, как выбирать важные детали из массы информации, ему лучше заняться исследованием самой новейшей истории. Если он желает понять и получить удовольствие от детективного элемента истории, посмотреть, как можно выбирать информацию из немногих разрозненных путеводных нитей, или он хочет увидеть человеческий характер в действии в среде, отличающейся от его собственной, расшевелить свое воображение изучением своих собственных далеких предков — далеких не только во времени, но и по своим мыслям и интересам, — тогда ему остается лишь порекомендовать заняться исследованием Средних веков. И он будет щедро вознагражден за свои усилия. Эта книга не могла надеяться на то, что станет сборником биографий, подобно другим биографиям в подобных сериях. Королей было слишком много, а информация у нас слишком скудная. Поэтому я вполне сознательно сделал ее сборником вопросов: как люди становились королями? Что они делали? Как вообще появились короли? В начальных главах, занимаясь поиском ответов на эти вопросы, я надеюсь раскрыть природу монархической формы правления в те далекие вре-

мена, освободить ее от чуждых политических представлений, которые крепко держатся возле нее иногда из-за современных предрассудков, а иногда из-за давнего влияния историков XVII или XIX вв., которые видели в королевской власти источник тирании XVII века, а в королевских советах — источник парламентской свободы.

Мы увидим, что в давние времена королевская власть была окружена представлениями, совершенно отличавшимися от тех, к которым мы привыкли. И по мере исследования истории первых английских королей мы увидим, как эти представления реализуются на практике. Редко бывает, что первые короли — это нечто большее, чем просто имена. Но проходят века, и мы находим таких, которые оставили свой след в истории Англии. Это Этельберт, Эдвин, Оффа, а начиная со времен Альфреда (871—899) мы узнаем обо всех английских королях больше, чем даты их правления и сражений. Каким бы путем источники ни открывались нам, я старался изучить этих королей и показать, что за люди они были: их вкусы, интересы и достижения. Лишь озаботясь какой-то конкретной проблемой, мы можем надеяться узнать их. Почему король Этельстан был таким большим знатоком «реликвий»? Был ли Вильгельм II атеистом? Был ли Генрих I соучастником в убийстве Вильгельма II? Главная трудность состоит в том, что мы редко имеем представление о физической внешности этих людей. Не сохранилось портретов — в современном их понимании — ни одного из них. У нас есть нечто вроде описания Эдуарда Исповедника и трех первых нормандских королей, есть изображения многих королей, но все они стилизованы и условны. Тем не менее внешние атрибуты королевской власти: короны, доспехи, платье, дворцы, замки и другие объекты, более или менее тесно связанные с ними, кольца и драгоценности, сделанные для них, книги, написанные для них, монеты, отека-

ненные от их имени, — все это может дать нам некоторое ощущение физического контакта с ними. А на гобелене из Байо мы видим историю нормандского завоевания, рассказанную английским мастером для одного из величайших нормандских владык Одо, епископа Байо, единоутробного брата Завоевателя. На нем изображены Эдуард Исповедник, Гарольд и Вильгельм Завоеватель. Эти изображения воспроизведены на вклейке иллюстрации. Они являются неотъемлемой частью нашей цели, которая состоит в том, чтобы узнать все возможное о саксонских и нормандских королях Англии¹.

Иногда полагают, что настоящее изучение исторических проблем нельзя проводить без множества подстрочных примечаний фактологического характера. В этом, конечно, немало правды, и одной из основных трудностей при написании этой книги было представить подлинные аргументы, не делая их слишком специальными. Отчасти я избежал этого, поместив такой материал в приложение, которого, я надеюсь, достаточно, чтобы показать серьезным исследователям материалы, на которых основывается текст. Но я также сознаю, что, если мы уберем элемент поиска, расследования проблем, «раскапывания червоточин», мы лишим историю значительной части того, что вызывает к ней интерес. Изучение средневековой истории, особенно раннего Средневековья, в значительной степени детективный труд, и нет причин не получать от него большого удовольствия в таком качестве.

Тема моего исследования — королевская власть в Англии, какой ее знали англосаксы, германский народ, который в V—VI вв. завоевал и заселил территорию, которую мы называем Англией, и образовал

¹ Я намеренно не предпринимал попытки включить сюда королей Уэльса и Шотландии. Их история не менее интересна, но она совершенно другая, и ее нельзя рассматривать как дополнение к истории Англии.

множество крошечных королевств, из которых выросла королевская власть Англии. Этот период длится приблизительно от 450 до 1154 г. В 400 г. большая часть острова представляла собой часть Римской империи. В 406 г. вандалы и бургунды переправились через Рейн и вторглись в Галлию. В 410 г. Аларих и вестготы разграбили сам Рим. На востоке Римская империя просуществовала до 1453 г.; на западе она погибла в V в. — погибла на самом деле, а память о ней продолжала жить, оказывая мощное влияние на все ее бывшие провинции. Тем временем военные неудачи заставили римлян покинуть Британию и сделать ее добычей вторгшихся варваров из Ирландии (скоттов), Шотландии (пиктов) и Германии. Римские провинции распались на королевства, точное число и размеры которых неизвестны. По преданию, самым большим из них правил король по имени Вортигерн в середине V в. Нам известно, что на протяжении нескольких поколений до Вортигерна саксы из Северной Германии приплывали в Англию как пираты и наемники. Но по преданию, Вортигерн собрал особенно сильное войско из наемников-саксов, которыми командовали военачальники Хенгист и Хорса. Саксы вскоре изменили отношение к своему господину и образовали свое собственное королевство, которым традиционно считается королевство Кент. С тех пор поселенцы из Северной Германии стали прибывать на многочисленных кораблях. Они поднимались вверх по течению Темзы, рекам Уош и Хамбер, основывали поселения, образовывали небольшие королевства и союзы и завоевывали местных бриттов. Бритты не были совершенно беззащитны. В начале VI в. у них объявился сильный вождь, которого предание называет Артуром. Он изгнал германских захватчиков из большей части юга центральных графств Англии. Но этот успех был недолгим. К концу VI в. германцы вернули себе все, что потеряли, и завоева-

ли по крайней мере две трети той территории, которую мы называем Англией. И их верховная власть была быстро признана остальными.

Захватчиков обычно называют англами, саксами и ютами. Саксы прибыли из Северной Германии («Старой Саксонии», как мы называли бы Северо-Западную Германию), англы — из тех мест, где стыкуются Германия и Дания, а юты (если быть краткими) — вероятнее всего, из Фрисландии или из Рейнской области. В Англии они встретились и перемешались. Говоря приблизительно, англы имели перевес на севере и в центральной части страны, саксы — на юге и западе, а юты — в Кенте и Гемпшире. К 600 г. страна была плотно заселена англосаксами и стала оформляться группа ведущих королевств. Главными из них были: Нортумбрия, самое могущественное королевство в VII в., Мерсия, которое в VII в. бросило вызов Нортумбрии и добилось превосходства, в свою очередь, в VIII в., и Уэссекс, который, возникнув позже, добился главенства в начале IX в. Также приблизительно в 600 г. произошло главное событие англосаксонской истории — приезд из Рима св. Августина с целью начать обращение англичан в христианство. В течение десятилетий, последовавших за 597 г., миссионеры из Рима, а также из христианской Ирландии, Уэльса и Шотландии трудились среди англосаксонских язычников в поте лица. В конце VII в. сформировалась английская церковь благодаря усилиям грека из Сирии, посланного папой в Англию в качестве архиепископа Кентерберийского, по имени Феодор Тарсийский. К этому времени большая часть английских королевств уже приняла христианство, по крайней мере номинально. И в VII в. во времена Беды Достопочтенного английская церковь была одним из центров западной цивилизации.

В начале IX в. возвысился Уэссекс. К концу IX в. он превратился в единственное английское королев-

ство; в X и XI вв. он стал королевством Англия. Это было результатом совместной работы датских захватчиков и династии короля Альфреда. Датчане совершали набеги, а затем поселились в Англии в X в. К 871 г. они завоевали большую ее часть, за исключением Уэссекса. Другие королевские династии угасли. С 871 по 899 г. Англией правил король Альфред, неутомимый воин и человек, продемонстрировавший исключительную гибкость ума как в искусстве поддерживать мир, так и вести войну. Он просто спас Уэссекс и заложил основы, на которых его преемники смогли построить объединенное английское королевство. Но это едва ли могло бы случиться, если бы его наследники не были исключительно талантливыми правителями: это его сын Эдуард Старший (899—925), его внук Этельстан (925—939) и его правнук Эдгар (959—975). Датчане были язычниками, и обращение Англии в христианство должно было в какой-то степени начаться заново. Это было быстро завершено на волне возрождения церкви в X в. в ходе реформ, особенно монастырей. Однако возрождение власти английских королей было грубо остановлено в конце X в., когда возобновились нападения датчан. В 1013 г. датчанин Свен завершил процесс лишения прав английского короля Этельреда Непослушного, но в 1014 г. Свен умер, а его младший сын Кнуд упрочил свое положение на престоле не раньше 1016 г. Кнуд мог располагать верностью как своих английских, так и датских подданных в равной мере и, таким образом, в некотором смысле был первым королем объединенного королевства Англия.

Кнуд умер молодым, и вскоре после его смерти королевство перешло в руки коренной английской династии в лице Эдуарда Исповедника (1042—1066). Смерть Эдуарда в 1066 г. стала сигналом к самому известному в истории Англии перелому. Его преемником стал его шурин Гарольд II. Но девять месяцев

спустя Гарольд был сражен то ли нормандской стрелой, то ли топором в битве при Гастингсе, и вместо него стали править нормандцы. Этот период завершается правлением Вильгельма Завоевателя (1066—1087), его двух сыновей Вильгельма II (1087—1100) и Генриха I (1100—1135) и его внука, племянника Генриха, Стефана (1135—1154).

Из всех этих королей Альфред единственный, о ком нам известно больше всего. Имеется ряд работ, написанных или инспирированных им, — его переводы и его законы. И у нас есть «Жизнь короля Альфреда» Ассера. Это не биографический шедевр, и его подлинность подвергается серьезным сомнениям. Спор продолжается, но сейчас мы не будем обращать на него внимания. «Жизнь» Ассера — это бутерброд, составленный из версии «Англосаксонской хроники» с описанием различных сторон жизни Альфреда и втиснутой в него его деятельности. В этой книге ее вполне можно использовать в качестве свидетельства того, что сведущий, но не слишком умный представитель королевского двора Альфреда посчитал бы соответствующим действительности. Этой точки зрения и по сей день придерживается большинство ученых, хотя от нее можно и отступить.

Альфред единственный король, собственные письменные труды которого дошли до нас с тех времен; он один из весьма немногих королей, имевших образование. От первых королей до нас дошли виньетки и другая ценная информация, сохранившаяся на страницах великолепной «Церковной истории народа англов», написанной Бедой Достопочтенным (731), в самом замечательном историческом труде, который когда-либо выходил из-под пера ученого в Европе того времени. О последующих королях у нас есть упоминания в различных летописях и других повествовательных источниках. У нас есть биография Эдуарда Исповедника, написанная его современни-

ком, а также панегирики и различные летописи, в которых говорится о нормандских королях. О большинстве саксонских королей до Альфреда и о многих после него не сохранилось рассказов ни в каких повествовательных источниках, кроме кратких записей в «Англосаксонской хронике». О королях маленьких королевств нам обычно известно мало помимо их имен; о королях Линдси — ничего, кроме имен; короли средних англов и средних саксов (если у них вообще были короли) безымянны.

Первых королей, за исключением тех счастливых, которым нашлось место у Беды, следует изучать, используя один из четырех путей: «Англосаксонскую хронику», генеалогию, народную поэзию, археологию. «Хроника», насколько нам известно, была написана в годы правления Альфреда. Она явилась частью того возрождения, центром которого был король и результатом которого стали произведения на родном языке, а не на языке литературы — латыни, потому что король хотел, чтобы их понимал более широкий круг людей. Был ли сам Альфред вдохновителем написания «Хроники» — это вопрос спорный; но трудно в ней не увидеть отражения его интересов или сомневаться в том, что он внимательно прочитал ее копию. Одна из ее копий, сделанная при его жизни, до сих пор хранится в библиотеке колледжа Тела Христова в Кембридже. Благодаря ей и более поздним копиям, которые получили распространение и продолжение в различных монастырях, до нас дошли варианты этой хроники вплоть до Нормандского завоевания и даже немного после него. Одна ее версия, которая была продолжена сначала в Кентербери, затем в Питерборо, заканчивается 1154 г. В конце она дает нам знаменитое описание правления короля Стефана.

Источники нормандского периода гораздо богаче источников саксонского периода, особенно раннесаксонского. И дело тут не в шансе на сохранение,

хотя, конечно, бесчисленное количество средневековых рукописей исчезло. Главная причина в том, что в VII или IX вв. просто писали гораздо меньше, чем в XII. Даже такие эпохи сравнительно образованных людей, как времена Беды Достопочтенного или Дунстана (ум. 988), дали нам гораздо меньше, чем эпоха «возрождения XII в.». От этого немногого до нас дошла удивительная часть. В Бодлианской библиотеке в Оксфорде содержится копия одного из переводов короля Альфреда, которую он отправил в кафедральный собор Вустера. В библиотеке колледжа Тела Христова есть рукопись «Хроники» IX в. и книга, которую король Этельстан лично подарил общине св. Кутберта, которая тогда находилась на Честер-стрит (позднее община собора Дарема) (рис. 6а). В коллекции Коттона в Британском музее имеются два из пяти уцелевших экземпляров «Церковной истории» Беды, которые были написаны в том же веке, когда жил Беда, до 800 г. Не случайно мы находим эти книги в коллекции Коттона или в колледже Тела Христова. После закрытия монастырей большинство средневековых рукописей должно было быть уничтожено. Изобретение книгопечатания сделало многие из них бесполезными. Но в XVI в. были такие люди, как Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский в годы правления Елизаветы I, которые испытывали жадный интерес к древней истории английской церкви — естественный интерес на волне Реформации. Паркер и его помощники были фанатичными собирателями старинных рукописей, особенно летописей. И коллекция Паркера осталась в колледже Тела Христова в Кембридже, который он когда-то возглавлял. Позднее в лице сэра Роберта Коттона появился такой же пылкий коллекционер, который разделял интерес Паркера к церкви, но также занимался разработкой теорий о происхождении парламента. В начале XVII в. было широко распро-

странено представление о том, что английские парламентские свободы взяты из англосакского витана (национальный совет, представлявший интересы знати и духовенства при короле. — *Пер.*), и это возбудило у Коттона особый интерес к саксонским хартиям: длинные списки подписавшихся под ними людей или свидетелей являются для нас почти единственными источниками информации о том, кто входил в витан. Вероятно, правильно будет сказать, что большая часть оригиналов хартий «дозавоевательного» периода обязана своей сохранностью сэру Роберту Коттону. Практические интересы (если не сказать «причуды») Паркера и Коттона в соединении с настоящей преданностью прошлому спасли много ценных документов как раз вовремя. За это мы должны быть им благодарны, но если говорить о более раннем саксонском периоде, то там почти нечего было спасать.

Паркеровская копия «Хроники», «Жизни» Ассера (рукопись которой была сохранена Коттоном, но сгорела в страшном пожаре 1731 г.; так что ее знают по копиям XVI и XVII вв.), подарок Этельстана святому Кутберту (см. вклейку) и другие рукописи, включая манускрипт начала IX в. из коллекции Коттона, содержат родословные и списки первых английских королей. По ним — если к ним относиться с определенной долей скептицизма и проверять по мере возможности другими свидетельствами — мы можем воссоздать первые династии. Возможно, нас самих не вдохновила бы перспектива быть представленными будущим поколениям чем-то что сродни телефонному справочнику. Но умелое исследование дало возможность экспертам получить много интересной информации из этих списков и родословных. А дошедшая до нас древняя поэзия, особенно великолепная поэма «Беовульф» (еще одна находка сэра Роберта Коттона), дает нам возможность немного приодеть голый скелет.

«Беовульф» также помогает нам представить себе облачения королей и дома, в которых они жили, — в этом отношении археология достигла за последнее время очень многого. Благодаря лопатам археологов были извлечены на свет божий много реликтов этого времени из могил, на местах поселений, из саксонских и нормандских церквей и городов, нормандских замков. Но археолог может откопать лишь то, что сохранилось, то есть, вообще говоря, камень и керамику, металл, не полностью изъеденный ржавчиной, и кости; но не дерево или ткань. Поэтому есть доля иронии в том, что самыми сенсационными находками, связанными с саксами, были деревянный корабль в Саттон-Ху и обшитые деревом залы дворца в Иверинге. В Саттон-Ху древесина сгнила, но железные болты по-прежнему видны, а следы шпангоутов можно найти в почве. Во всяком случае, открытие было таким захватывающим именно из-за содержимого корабля. В Иверинге древесина совершенно исчезла. Но обшитые деревом залы построенные вокруг колонн, вставленных в предназначенные для них отверстия или выемки. Когда древесина гниет, эти отверстия заполняются субстанцией другого качества, отличающейся от почвы, что их окружает. Это влияет на плодородие этого места; так что на более богатой почве зерновые вырастают более высокими, а если она бедная, то они ниже, чем на окружающем участке. Обычно это чрезвычайно трудно заметить. Но если лететь на самолете низко над полем на утренней заре или на закате, когда солнце стоит невысоко, можно увидеть тень, которую отбрасывают более высокие зерновые на более низкие. А аэрофотосъемка, произведенная в таких условиях, покажет структуру обшитого деревом зала, спустя много веков после того, как дерево совершенно исчезло. Так был открыт Иверинг, и с тех пор ведутся раскопки дворца королей Нортумбрии.

С течением времени источники становятся более разнообразными: благодаря существованию обычных средств денежного обращения археолог находит большое количество монет; растущая грамотность предоставляет историку массу хартий, законов и (к XI—XII вв.) летописи и биографии, которые он может прочитать. Появляется больше каменных построек, а особенно громадные постройки, возведенные в таких количествах первыми нормандцами, дают нам более основательное, зримое представление о памятниках прошлого. А случайно сохранившаяся вышивка изображает на гобелене из Байо и летопись, и диафильм сразу. Мы можем изучать события, оружие и одежду, а также многое другое одновременно.

Я не планировал составлять каталог, и эта книга далеко не полная. По мере нашего продвижения вперед я постараюсь время от времени приоткрывать завесу над тем, как историки используют различные материалы для воссоздания прошлого, объяснять что-то более подробно и представлять другие материалы, не описанные здесь. В этот период часто представляет большой интерес, увлекает и удовлетворяет интеллектуально попытка подумать, *откуда* нам что-то известно, нежели *что* нам известно.

Глава 2

КАК СТАНОВИЛИСЬ КОРОЛЯМИ

В книге профессора Плама «Первые четыре Георга» нам представляют четырех королей, правление которых охватывает чуть более столетия. Задача этой книги — охватить семьсот лет и, наверное, двести королей. Что еще хуже, большинство из них ничем не прославились, и мы знаем только их имена; несколько из них вообще безымянные. И все же исследование этих личностей далекого прошлого обладает особой притягательностью: их неизвестность бросает нам вызов и заставляет искать любую путеводную нить и следовать за ней, куда бы она нас ни привела. И если мы сделаем это, мы узнаем много удивительного о первых английских королях. Окажется, что мы исследуем корни королевской власти в Англии, самого старого и типичного для Великобритании института правления. И это тоже полезно. Это поможет нам понять кое-что об английской монархии, некоторые причины того, почему ее непрерывность так мало нарушалась. Но это случится только в том случае, если мы с самого начала будем четко понимать, что в большинстве частных королевская власть в саксонские и нормандские времена была совершенно не похожа на конституционную монархию Елизаветы II.

Исторические ярлыки легко вводят нас в заблуждение, а самые обманчивые из них те, что окружают представления о правлении и королевской власти. Никому не приходит в голову, что средневековый ко-

роль, будь то в Англии, Франции или Германии, был конституционным монархом в современном понимании. Но часто можно услышать или прочесть споры о том, была ли их власть ограниченной или абсолютной, выборной или передаваемой по наследству. Без сомнения, эти вопросы мы будем держать в голове по мере изучения этих королей и способа их правления, но в первую очередь нас должны интересовать менее абстрактные понятия. Если мы будем обращать внимание на то, как эти люди действовали и как они описывали свои действия, мы гораздо лучше поймем их притязания; мы лучше поймем их образ мыслей не как отражение последовательных принципов политической мысли, а как поле боя противоборствующих притязаний и стремлений без явной связи между собой. Человеческая природа, как говорят нам психологи, подвержена изменениям. Но дворянин, шумно приветствующий саксонского короля, действовал, подталкиваемый смешанными побуждениями, такими же сильными, беспорядочными и захватывающими, что и современный избиратель. Это сказано не для того, чтобы преуменьшить интерес к политической теории или ее влиянию на дела людей. Как мы увидим, интеллектуальные влияния, совершенно далекие от местной традиции саксов, сыграли решающую роль в формировании английской монархии. Но значение этого станет очевидным лишь тогда, когда мы тщательно изучим некоторые особенности власти первых королей. И первый вопрос состоит в том, как люди становились королями.

Эта проблема стала предметом многих необычных представлений. В 1867 г. в первом томе своей огромной «Истории Нормандского завоевания Англии» Эдвард Огастес Фриман предложил одно из самых абсурдных. Вот что он написал о витенагемоте, совете англосаксонских королей: «В каком-то смысле он был более демократичным, чем что-либо, о чем

осмелился бы мечтать самый продвинутый либерал; но в каком-то смысле — более авторитарным, чем что-либо, что осмелился бы защищать самый нестигаемый консерватор. А на практике он, вероятно, должным образом представлял чаяния народа. А если так, то ни один народ никогда не пользовался более полной политической свободой, чем англичане в эти давние времена. Ведь полномочия древнего витенагемота сверх всякой меры превышали полномочия, которыми наш писанный закон облакает современный парламент. В некоторых отношениях они превышали полномочия, которыми наша традиционная конституция облакает палату общин. Король не мог абсолютно ничего сделать без согласия своих советников. Прежде всего, именно от них он получал свою политическую жизнь, и именно от них он зависел в том, чтобы она продолжалась. Совет избирал короля, и он же мог низложить его. Возможность свергнуть короля — это возможность, которой по самой ее природе можно пользоваться редко, и поэтому не найдется много королей, низложенных по постановлению парламента хоть до, хоть после Нормандского завоевания...

Если витан мог свергнуть короля, то нет никаких сомнений в том, что витан его и выбирал. Удивительно, как люди этого не видят... Королевская власть в древней Англии была выборной. Она была выборной точно так же, как была выборной власть во всех германских королевствах. Люди, в глазах которых рождение имело высокую ценность, желали, чтобы король был потомком прославленных предков королевских кровей. Во времена язычества считалось, что король должен быть потомком богов. Такие настроения повсеместно указывали на какую-нибудь династию как королевскую, члены которой имеют особое право на голоса избирателей. В каждом королевстве имелась королевская семья, из членов лишь которой

при обычных обстоятельствах избирались короли. Но здесь витан был волен выбирать».

Фриман имел намерение доказать несостоятельность старой теории тори о божественном праве королей на престол. Он обращает внимание на то, что в разных странах существует бесконечное количество различных правил порядка наследования, и неразумно предполагать, что одно из них более естественное или неизменное, нежели другое. Странно, что он допускает, что английский закон всегда был ясным и последовательным, даже если он меняется в определенные периоды. Он, как и мы сейчас, жил при монархии, правила престолонаследия в которой были точно определены законом. Они, возможно, представляют собой самую точную и четкую схему, окружающую наших современных монархов. Когда умирает король или королева, мы знаем, кто будет их преемником — или, скорее, кто в тот же миг стал им. Вся королевская семья организована согласно порядку наследования в соответствии с четким принципом, установленным законом; в данном случае — письменным законодательным актом.

В раннем Средневековье законы в Англии не имели письменной формы. В этом утверждении есть исключения, как мы увидим, но они не затрагивают нашу нынешнюю проблему. Это значит, что восхождение на престол регулировалось обычаями и традициями. Обычай может быть очень определенным и живучим, но у первобытных народов он имеет свойство казаться определенным и понятным только тем людям, которые живут по нему и принимают его, а для чужака он кажется неясным, неопределенным, даже противоречивым. Особая трудность связана с изучением древних монархий: со временем обычаи менялись, а наши сведения часто настолько скудны, что мы должны пытаться вытянуть путеводную нить то там, то сям, чтобы создать связную картину, охва-

тывающую большой промежуток времени. Еще одной трудностью является то, что в разные времена существовало большое разнообразие точек зрения, больше, чем обычно было позволено. А так как порядок престолонаследия всегда был жизненно важным вопросом, он часто становился предметом обсуждения и споров.

На самом деле никаких четких правил не было. Но порядок престолонаследия в англосаксонских и английском королевствах был окружен рядом условностей, обычаев и допущений, и с учетом этих условностей каждый раз решался вопрос о престолонаследии — иногда мирно, иногда с применением силы. Часто «сильный вооруженный человек» захватывал трон; в более поздние века он, по крайней мере, считал себя обязанным как-то оправдать свой поступок. И по тому, как он оправдывал его, мы можем сказать, каким правилам он делал вид, что следует. Если это было возможно, он демонстрировал свои родственные связи с предшественником, то есть что он имел наследственное право. Он доказывал, что народ принял его власть должным образом — то есть он был «избран», что бы это ни значило, и утверждал, что его предшественник объявил его своим преемником — он был назван правящим королем. Наше изучение того, как становились королями, должно складываться из этих трех составляющих: наследование, избрание и назначение. Так или иначе, каждая из них в большинстве случаев была задействована в процессе появления любого короля в средневековой Западной Европе.

Фриман утверждал, будто короля избирали, и монаршая власть была по своей сути выборной; наследные права уважались, а избрание было законом. Это серьезное и необычное допущение, а мы должны быть очень осторожны, делая их.

Даже самое очевидное общее правило относительно королевской власти, состоящее в том, что правит

лишь один человек, имело множество исключений. В давние времена короли не обязательно правили в одиночку: на самом деле вполне возможно, что они обычно этого не делали. Все члены королевской семьи мужского пола могли править вместе, притом что один король мог иметь преимущество — похоже, что так и было в большинстве королевств. Со временем постепенно развилась «монархия» в буквальном смысле этого слова — власть одного человека. В более поздние времена англосаксонские монархии оставались наследными не в том смысле, что королевская власть передавалась согласно строгому правилу первородства от старшего сына к старшему сыну, а в том, что в огромном большинстве случаев преемником короля становился его старший сын или ближайший родственник по мужской линии. Есть случаи, когда наследником становился брат короля, хотя у последнего были дети. Но обычно в таких случаях дети были очень малы. Есть пара случаев, когда оспаривали, что «порфирородный» сын, родившийся, когда его отец был королем, имеет преимущественное право перед тем его сыном, который был рожден до того, как его отец вззошел на трон. Ни один из нормандских королей не был наследником по праву первородства. В 1066 г. Эдгар Этельинг был более близким родственником Эдуарду Исповеднику, чем Вильгельм Нормандский, гораздо более близким, чем Гарольд. В 1087 и 1100 гг. наследниками Завоевателя стали младшие сыновья Вильгельм и Генрих, хотя был жив их старший брат Роберт. В 1135 г. на престол вззошел племянник Генриха I Стефан, хотя у Генриха оставалась законная дочь, а у самого Стефана был старший брат.

Случаи восхождения на трон королей в 1066 и 1135 гг. являются одними из самых необычных и интересных в истории Англии. Они имели место близко к концу изучаемого нами периода и поэтому относи-

тельно хорошо задокументированы. Они обнажают почти все проблемы и силы, действовавшие в Англии при возведении короля на престол. Они послужат нам прекрасными примерами различных условностей и допущений.

Эдуард Исповедник (1042—1066) был бездетным. У него был племянник Эдуард, который жил в изгнании в Венгрии, двоюродный брат Вильгельм, который был герцогом в Нормандии; при этом самым могущественным человеком в Англии после короля был Гарольд, эрл Уэссекский, который доводился ему шурином. Вдобавок его предшественник Хардекнуд, который также был королем Дании, имел договоренность с Магнусом, королем Норвегии, о том, что, если один из них умрет, не оставив наследника, второй должен унаследовать его королевство. На основании этого Магнус вторгся в Данию и заявил свои права на Англию в 1042—1043 гг. И его притязания были унаследованы (что довольно странно) его дядей Харальдом Хардероде.

Ближайшим родственником Эдуарда был его племянник. Но Эдуард-изгнанник умер в 1057 г., а его сын Эдгар Этелинг был слишком юн, чтобы в 1066 г. быть серьезным кандидатом на трон. Против Вильгельма в отношении наследования можно было выдвинуть два возражения: то, что он был незаконным претендентом, и то, что он был родственником Эдуарда по женской линии, а не потомком предшественников Эдуарда. Яснее ясного, что, если наследственность была в этом случае главным критерием, Вильгельм никогда не стал бы королем Англии. Странно уже то, что он вообще стал герцогом Нормандским: когда его отец умер, он был семилетним мальчиком, а в герцогстве бушевали беспорядки; а ведь в Средние века незаконорожденность обычно считалась препятствием к вступлению в права наследования. Он был исключением, которое доказывало все правила; другого такого

случая не было. Генрих I признал по крайней мере двадцать своих незаконнорожденных детей, включая нескольких сыновей; но никто из них не унаследовал его трон.

Вопрос о том, могла ли королевская власть передаваться по наследству по женской линии, более сложен. Краткий ответ, видимо, такой: такое редко случалось во времена англосаксов, но препятствий к этому не было. К женщинам в целом было более уважительное отношение до Нормандского завоевания, нежели после него, но мы должны четко различать правила престолонаследия и статус женщин. Во многих человеческих обществах наследование обычно происходило по женской линии, но это не обязательно и даже нечасто сопутствовало высокому положению самих женщин. А также из отношения к женщинам в период до завоевания мы не можем сделать вывод о правилах наследования. Мы лишь можем с уверенностью сказать, что по англосаксонским законам собственность могла наследоваться по женской линии, но обычно этого не происходило. У всех германских народов наследование происходило в основном по мужской линии, но ни у одного из них в древние времена это не было неукоснительным правилом. Одно время антропологи учили нас, что наследование должно происходить либо по отцовской, либо по материнской линии и что, если мы обнаружили признаки наследования по материнской линии в патриархальном обществе, это должно означать, что в нем когда-то царил матриархат. Эта точка зрения время от времени просачивалась к историкам, и иногда даже сейчас можно услышать ее отголоски. Но антропологи уже давно от нее отказались: обычно в системе наследования присутствуют оба элемента.

Возможно, что наследование по женской линии было не таким уж и редким, как предполагают наши документальные источники. Во многих обществах

мужчины, особенно мужчины с высоким положением, с гордостью перечисляют своих предков; генеалогия была излюбленной литературной формой (если ее можно так назвать) во многих уголках мира в разные времена. Королевские родословные древних народов редко являются историческими документами, хотя очень часто они надежно хранят — и могут хранить веками — некоторые элементы реальной традиции (предания). Их цель состоит в том, чтобы соединить правящего короля с предком, с которого началось королевство, а в некоторых случаях с богом, который дал королям их власть. Свойство родословных — давать аккуратный порядок преемственности от отца к сыну, скрывать более дальнее родство, где это необходимо, и перепрыгивать через поколения. Так как наши первые записи о королевских семействах саксов являются в основном родословными, у нас может появиться склонность преувеличивать элемент наследования королевской власти по мужской линии. Но влияние родословных идет в двух направлениях: с давних времен любовь к составлению родословных побуждала людей придерживаться мужской линии, настаивать на том, что король должен быть прямым потомком предка, который дал свое имя династии. В самых первых записях Уэссекса часто подчеркивается, что тот или иной король принадлежит к династии Кердика; а почти все англосаксонские родословные якобы восходят к Водану, главному богу языческого пантеона германцев.

Возможно, как-то оправдать притязания Вильгельма на трон может то, что его двоюродная бабушка была матерью Эдуарда. Но это не сделало Вильгельма потомком Кердика, а еще меньше — Водана. Жена Вильгельма была из рода Кердика, а его младший сын Генрих I, чьи притязания на положение наследника Вильгельма были сомнительны, женился на племяннице Эдгара Этелинга по имени Эдит или Ма-

тильда и еще раз привнес кровь Кердика (а возможно, Водана!) в королевский дом (династию) Англии.

Конечно, на самом деле Вильгельм стал королем, потому что ему удалось завоевать эту страну. Именно его сила, а не право убедила витан в том, что они должны признать его королем. Завоевание и узурпация власти были сравнительно обычным явлением в раннем Средневековье, и случай, когда спорное восшествие на престол могло привести к гражданской войне и кровопролитию, объясняет, почему архиепископы и епископы были готовы принять и короновать фактических королей иногда в очень короткие сроки: они пытались заглушить спор, поставив всех перед свершившимся фактом. Уже в начале XI в. Свен Датский и его сын Кнуд были признаны и избраны королями просто потому, что они завоевали страну. Выборы прикрывали узурпатора плащом законности, а Кнуд укрепил свое положение, женившись на вдове своего предшественника, что породнило его, хоть и не кровно, с династией Кердика. Вильгельм Завоеватель пошел дальше: он утверждал и верил в то, что королевская власть принадлежит ему по праву — и не только по праву завоевателя. Эрл Гарольд был шурином Эдуарда Исповедника, так как королева, супруга Эдуарда, была его сестрой. Но это едва ли делало его ближайшим родственником короля. А так как Гарольда выбрали и он взошел на трон, обойдя и Харальда Хардероде, и (на несколько месяцев) Вильгельма Нормандского, можно предположить, что Фриман был прав в том, что монархия была по своей сути выборной. Однако это был бы очень поверхностный взгляд на этот вопрос. Эдуард Исповедник умер 5 (или, возможно, 4-го) января. Гарольд был «избран» и коронован 6 января. Совершенно невозможно, чтобы выборы были какими-то иными, а не формальными: все это должно было быть запланировано еще до смерти старого короля. Быту-

ет мнение, что монархия бывает либо наследной, либо выборной. Эта дилемма и факты 1066 г. плохо стыкуются. Ни у одного из трех кандидатов на трон не было наследных прав, которые могли бы выдерживать какую-то серьезную экспертизу. Очевидный «наследник» Эдгар Этелинг не принимался в расчет после битвы при Гастингсе. Безусловно, в английской монархии существовали наследный и выборный элементы, но эти факторы играли роль в более сложной ситуации, а чтобы понять эту ситуацию и значение «избрания», мы должны учесть третий фактор, самый решающий из всех.

После битвы при Гастингсе Вильгельм мог заявить о своих правах на королевскую власть на основании Божьего суда, равно как и на основании завоевания страны. Ни один из аспектов его права не был упущен. Но даже в XI в. люди сомневались без дальнейшего расследования решать, на чьей стороне в действительности желал быть Господь Бог. И даже в XI в. люди могли провести разграничение между силой и правом. По какому праву Вильгельм был королем?

По всей вероятности, притязание, которое имело наибольшее значение для Гарольда, Харальда и Вильгельма, было, по сути своей, одним и тем же: в разные времена и разными путями каждый из них был назван наследником правящим королем. Назначение наследником Харальда Хардероде было давним. Его племянник и предшественник Магнус, как мы уже видели, заключил договор с предшественником Эдуарда, согласно которому, если один из них умрет, не оставив наследника, другой унаследует оба королевства. Мы не знаем точно, что означали эти слова, насколько близкое родство вкладывалось в слово «наследник», должно ли было королевство Хардекнуда включать Англию и Данию и должна ли была эта договоренность распространиться на преемника Магнуса. Притязания,

возможно, были весьма призрачными, но нет сомнений в их сути. Харальд Хардероде мог претендовать на английский трон лишь на основании того, что был назначен Хардекнудом. В этом витан, или витенагемот, ничего не решал.

Притязания герцога Вильгельма были более понятными. Эдуард Исповедник назвал его своим наследником. Нормандские источники, что естественно, более определенно отзываются об этом, чем английские. И тут возникли сомнения, но, по-видимому, эта версия была принята, судя по гобелену из Байо. Он показывает, как Гарольд случайно попал в руки Вильгельма в 1064 г. и тот заставил его дать торжественную клятву. Какая именно была клятва — неясно, но ясно одно: Гарольд поклялся поддерживать притязания Вильгельма на английский трон. Вполне вероятно, что Вильгельм применил сильное давление. Но мне кажется маловероятным, что Гарольд мог дать клятву, пока его не вынудили признать доводы Вильгельма; также невероятным кажется и то, что Вильгельму пришлось бы в голову вторгнуться в Англию в 1066 г., если бы у него не было хорошо обоснованных притязаний на трон. Видимо, существует только одно объяснение: Эдуард официально назначил его своим наследником. Это вполне могло случиться, когда Эдуард был сам себе хозяином и мог сделать выбор на свой вкус, оказав покровительство нормандцам; то есть это было в 1051—1052 гг. В 1051 г. в одном английском источнике есть запись о государственном визите Вильгельма к Эдуарду, иностранного герцога к королю (очень редкое и исключительное событие в то время). Едва ли можно сомневаться в том, что именно тогда Эдуард пообещал ему корону.

Как же тогда Гарольд унаследовал трон в 1066 г.? Эдуард назначил своим наследником Вильгельма. Витан или его главные группировки, возможно, были сильно раздосадованы притязаниями Вильгельма. Они

вполне могли открыто противиться им в 1065—1066 гг. К тому времени Гарольд добился в стране положения главной политической фигуры, которая сможет удержать Англию от распада и успешно защитить ее от нападения норвежцев. Но мы уже видели, что «избрание» Гарольда носило чисто формальный характер. Вероятно, такое решение было принято при жизни Эдуарда. Английские источники прямо утверждают, что Эдуард даровал королевство Гарольду, и что-то вроде этого подразумевается одним нормандским летописцем, который пишет, что это было либо неправдой, либо несправедливостью, ведь Эдуард уже пожаловал королевство Вильгельму. На гобелене из Байо похороны короля Эдуарда изображены раньше его смерти, чтобы иметь возможность поместить сцену под названием «Здесь король Эдуард обращается к своим верным сторонникам на смертном одре» рядом с той, что называется «Здесь они передали королевскую корону Гарольду». Надпись, как часто встречается, имеет эллиптическую форму; ее толкование, учитывая обстоятельства XI в., ясно. Эдуард назначил своим преемником Гарольда.

Смысл можно понять, даже если бы не было других подтверждений. Существуют обширные данные о том, что во всей Западной Европе решающим моментом в появлении нового короля было назначение старым королем своего преемника. Конрад I в Германии назначил в 919 г. своим преемником Генриха Саксонского, который стал основателем огромной саксонской династии, хотя они вообще не были родственниками. В истории Германии до 1077 г. это было обычным делом, хотя человек и не мог править страной до тех пор, пока он не получит признания, что он король, со стороны представителей своих подданных. Карл Великий назвал своим преемником и короновал своего сына Людовика Благочестивого еще при своей жизни, так что в последние годы его жиз-

ни в стране были два императора и короля. Этот план упрочения преемника еще при жизни уже был испытан Оффой, королем Мерсии, в конце VIII в.; ему часто следовали в Англии, Франции и Испании. В начале VIII в. Беда Достопочтенный рассказывает нам, что один английский король передал свое королевство преемнику, а другой решил, кто должен им быть. Таких случаев немного, но и случаев, о которых у нас есть какие-то подробности о том, как короли восходили на престол, также мало.

Описание Фриманом витана сейчас выглядит совершенно обманчивым. Его права сомнительны и были, вероятно, еще более неясными, чем он это допускал. В витан входили те влиятельные люди и советники (насколько нам это известно), которых предпочитал призывать к себе король. Они давали королю советы, но только тогда, когда он просил об этом. С другой стороны, король был разумным человеком, чтобы просить и выслушивать советы. А король, у которого были хорошие отношения со своим витаном, мог легче навязать свою волю и лучше чувствовать настроение своих подданных. Вполне могло быть, что «назначение» играло большую роль в появлении короля, нежели избрание. Но мы и не должны совсем сбрасывать витан со счетов. Если мы спросим: «Почему король Эдуард передумал?» — то это будет очень затруднительный вопрос, настолько затруднительный, что некоторые историки утверждают, будто он не мог передумать, и что какая-то часть всей этой истории, вероятно, не соответствует действительности. Видимо, это ненужный скептицизм, хотя я не думаю, что мы можем быть уверены в том, что случилось в Рождество 1065 г. при королевском дворе. Король был стар и немощен; возможно, он был больше подвержен какому-либо влиянию, чем до этого. Он мог почувствовать, что Гарольд — это единственный человек, достаточно сильный для того, что-

бы спасти королевство от хаоса, в частности защитить его от Харальда Хардероде, самого прославленного воина северных стран. Мы вполне можем быть уверены, что он находился под сильным давлением со стороны многих своих подданных, которые хотели, чтобы он предпочел Гарольда Вильгельму. Несомненно, правдой является то, что «избрание» его 6 января было формальностью, но лишь потому, что советники уже приняли решение по этому поводу.

«Избрание» и впрямь обычно было, видимо, чисто формальным, однако за ним, вероятно, крылось сильное лоббирование. Вряд ли это были выборы в нашем понимании этого слова. Мы подразумеваем, что во время выборов существует более одного кандидата, имеется постоянная и легко определяемая группа выборщиков и что выборы будут проходить по мажоритарной схеме голосования. Между 450 и 1154 гг., насколько нам известно, в Европе не состоялись ни одни выборы такого рода. Первые известные истории выборы, прошедшие по мажоритарному принципу, состоялись в 1181 г., когда папа Луций III был избран по папскому указу о выборах, принятому на Латеранском соборе в 1179 г., который впервые устанавливал, что папа считается избранным, если за него проголосовали две трети кардиналов. При «выборах» короля не существовало мажоритарного принципа, не было постоянной группы выборщиков и часто имелся лишь один кандидат. Почему же тогда мы вообще называем это выборами?

Слово «выбирать» голосованием или «избирать» (*англ. elect, ore choose, древнеангл. ceosan, лат. eligere*) так часто использовалось современниками, чтобы дать ясно понять, насколько важную роль оно играло в их мышлении. Однако в истории Англии мало найдется более неопределенных слов. Ясно, что среди современников существовали различия во мнениях. Известный писатель рубежа X—XI вв. аббат Эльфрик,

очевидно, считал, что в ситуации, когда должен появиться новый король, действительно присутствует элемент избрания: «Ни один человек не может сам сделать себя королем, но люди могут выбрать королем того, кого они хотят. Но после того, как он официально взойдет на престол, он получает власть над людьми, и они уже не могут стряхнуть это ярмо со своей шеи». Очень сомнительно, чтобы любая часть этого утверждения была общепринята в то время. Люди «не выбирали того, кого хотят», а германцы так или иначе утверждали право противиться королю-тирану, право восстать. Мы не станем вкладывать слишком многое в слова Эльфрика: он не констатирует четкие основополагающие принципы, а сообщает аудитории, что короли не должны быть узурпаторами, а народ не должен восставать — обычный призыв вести себя хорошо, как подобает в период правления Этельреда Непослушного.

Слово «выбирать» использовалось в контекстах, в которых не могло содержаться никаких элементов выбора. Иногда выбор был предоставлен Богу, и все короли ощущали, что они короли милостью Божией благодаря *Ego* выбору. Но это слово также широко используется в отношении человеческих личностей. Когда Генрих I стал королем Германии, он сначала был назначен королем Конрадом на его смертном одре, а затем по требованию брата Конрада его «избрали» франки и саксы. Франки и саксы были двумя из четырех народов, которые входили в это королевство. Они не выбирали Генриха королем, они просто признали его таковым. И почти можно не сомневаться в том, что это и есть настоящее значение латинского слова *eligere* и древнеанглийского *seosan* в английских источниках. Во многих случаях эти слова, возможно, скрывают дебаты и договоренность. Но что они на самом деле означают, так это официальный процесс признания и одобрения.

Это отчетливо видно в описании того, как Эдмунд Железнобокий стал королем в 1016 г. Кнуд был владыкой огромной части Англии; Этельред был мертв. Чтобы обеспечить поддержку Эдмунду, старшему сыну Этельреда, требовалось такое впечатляющее шоу, возводящее его на престол, какое только можно было организовать. Он был «избран», как нам сообщают, членами витана, которые в то время находились в Лондоне, и жителями Лондона. В связи с этим и более поздними случаями, когда жители Лондона сыграли свою роль в возведении короля на престол, они сделали удивительное заявление: ни один король не может быть избран без их согласия. К 1016 г. Лондон был уже огромным городом, а его видные деятели, возможно, сыграли важную роль в событиях того года. Но нужна была группа, которая укрепила бы витан, только часть которого могла бы присутствовать на выборах, и толпа горожан, которая провозгласила бы короля. Витан и видные деятели города просто подтвердили свою верность Эдмунду; народ его шумно приветствовал. По-видимому, это было все, из чего обычно состояли «выборы» в раннем Средневековье.

В более поздние времена церемония коронации уже начиналась с формального требования согласия народа. Архиепископ представлял (и по сей день представляет) монарха-избранника народу для одобрения. И только после того, как оно было выражено, он продолжал церемонию. Этого нет в самой древней церемонии, описание которой имеется в нашем распоряжении, в церемонии коронации Эдгара в 973 г. Он был правящим королем около четырнадцати лет, и считалось само собой разумеющимся, что народ признал его своим королем. Мы не знаем, когда в церемонию оказалось включено это представление короля народу, *collaudatio*, но оно было уже явно укоренившейся ее частью к 1066 г. Несомненно,

именно это и делает Стиганд, изображенный на гобелене из Байо (иллюстрация 10а), 6 января 1066 г. Возможно, только в этом и состояло избрание Гарольда. Более вероятно, что этому предшествовало какое-нибудь официальное собрание знати, которому один из видных деятелей, возможно один из архиепископов, представил Гарольда. Иногда эти два процесса проходили отдельно друг от друга. После битвы при Гастингсе члены совета (по большому недоумению, как думал один из летописцев) признали королем Эдгара Этелинга. Позднее архиепископ «Элдред (Йоркский), принц Эдгар, эрл Эдвин, эрл Моркар и все лучшие люди Лондона» отправились в Беркхэмстед, чтобы продемонстрировать свою покорность Вильгельму и присягнуть ему на верность, тем самым завершив его «избрание». Позже, в Рождество, он был миропомазан на царство и коронован в Вестминстерском аббатстве; и громкие крики *collaudatio* в начале церемонии так напугали нормандских рыцарей, что они подожгли дома вокруг церкви аббатства. Но назначение Эдуарда, завоевание Вильгельма, подчинение витана и Божественное избрание были скреплены священной церемонией миропомазания и коронации в соответствии с обрядом, имеющим много общего с тем, который имел место в 1953 г. Так, *collaudatio* изначально представлял собой формальный акт избрания, но со временем стал застывшим подтверждением формального акта, который уже имел место.

Последней частью церемонии избрания короля было торжественное утверждение с помощью Божьего благословения процедуры, которая произошла до этого в обрядах миропомазания и коронации. Все, о чем мы уже рассказали, — наследование, назначение и избрание — имеет долгую историю, уходящую корнями в древнее общество германцев. Чуть позже будет предпринята попытка проникнуть в эту темную

область. Но история церемонии коронации сравнительно ясна. В V и VI вв. церемонии избрания германских королей часто заканчивались поднятием короля на щите. Нам неизвестно, делали ли так в Англии. На самом деле у нас нет ни малейшего представления о том, какие церемонии проводились при избрании короля до Оффы, незадолго до Эдгара. В 787 г. сын Оффы Эгфрид был официально объявлен королем при жизни его отца. Это должно было означать миропомазание, что являлось главной частью любой церемонии коронации в Средние века. И не по совпадению это произошло в конце VIII в. В 751 г. у франков появилась церемония миропомазания и коронации, санкционированная папой. В 781 г. два сына Карла Великого были миропомазаны лично папой. В чем состоит значение этих событий?

Древние франкские короли вышли из рода Меровингов. Каково бы ни было их происхождение, они к VIII в. правили уже так долго, что во франкском государстве уже с трудом себе представляли короля не из этой династии, хотя у других европейских народов было иначе. Вестготские короли обычно «избирались», а у королей Ломбардии лишь около века существовало подобие наследного права на трон. В начале VIII в. фактическим правителем франкского государства был «майордом» Карл Мартелл. Какое-то время он обходился совсем без монархии, но почти все время он поддерживал существование марионетки Меровингов. В 751 г. его сыну Пипину надоел фарс с Меровингами, и он обратился к папе римскому за разрешением самому принять королевский титул.

В такой ситуации это было естественным для человека Средних веков, а особенно церковнослужителя в VIII в., искать в Ветхом Завете прецеденты того, что они делают. И там они находили то, что искали: как Самуил миропомазал Давида на царство, потому что Саул потерял расположение Бога, хотя Давид не

доводился родственником Саулу; и как был избран преемник Давида Соломон — не по праву первородства, а «священником Цадоком и пророком Натаном» (хотя они и действовали по указанию царя Давида).

Церемонию, придуманную для того, чтобы возвести Пипина на престол, мы бы назвали коронацией: подобно многим германским королям, он принял корону (или венец), державу и скипетр, согласно церемониалу, принятому в Восточной Римской империи. Но решающим событием в нем было миропомазание. В ходе средневековых коронаций это проводилось с помощью мира и елея; а елей (смесь масла и бальзама) также использовали при посвящении в духовный сан священников и рукоположении епископов. Ничего удивительного, что миропомазание стало считаться священным таинством, подобным рукоположению.

Нечто вроде миропомазания, возможно, существовало у кельтских правителей Ирландии и Уэльса до Оффы. Но об этом нам мало известно, равно как и о церемониях возведения королей на престол в период между правлением Оффы и Эдгара. В 973 г. в возрасте тридцати лет — канонический возраст, в котором мужчина мог быть возведен в сан епископа, — в зените могущества Эдгар был торжественно миропомазан и коронован. У нас есть записи, описывающие эту церемонию, которую провели св. Дунстан Кентерберийский и св. Освальд Йоркский в Бате в Троицын день в 973 г. Тот же самый обряд использовался до середины или конца XI в., а многие его элементы — и в 1953 г.

«Приближался священный день (Троицын день), — пишет современник, — в который, по обычаю, архиепископы и все другие высокопоставленные епископы, аббаты, аббатисы, сановники, главные судьи и другие миряне приходили на королевский двор. Император издал указ о том, чтобы они пришли к

нему с востока, запада, севера и с моря. Они приходили не для того, чтобы изгнать его или замыслить недоброе против него, как презренные евреи когда-то обошлись с Иисусом, а для того, чтобы самые благочестивые епископы могли его благословить, миропомазать и возвести на престол с позволения Христа, от которого и благодаря которому появилось благословенное помазание высочайшего благословения и святая религия». Это было первое из многих указаний на то, что подразумевают слова о самой церемонии, будто король — это Божий избранник, и только по этой причине он достоин миропомазания.

Два епископа провели Эдгара в церковь под пение церковного хора. Король распростерся перед алтарем, отложил в сторону корону (которая уже была надета на нем), и Дунстан начал благодарственный молебен, но так растрогался, что заплакал от радости при виде смирения и мудрости короля. Когда молебен закончился, епископы помогли королю подняться, а архиепископ принял у него коронационную клятву. В этот раз король поклялся, что: «Церковь Божия и весь его христианский народ будет жить в мире под нашим владычеством во все времена. Я запрешу кражи и всякое беззаконие людям всех сословий. При мне суд будет справедливым и милосердным, а добрый и милостивый Господь дарует мне и вам свое прощение». На что все присутствовавшие сказали «аминь». После трех молитв настал черед торжественной молитвы, призывавшей Божье благословение «на твоего слугу Эдгара, которого мы избрали, испытывая преданность к королевской власти над англами и саксами», и просящей Бога даровать ему верность Авраама, мягкость Моисея, силу духа Иисуса, смирение Давида, мудрость Соломона и помочь ему кормить, учить, укреплять и строить Церковь его королевства. И весь народ вверил ему себя. Церемония завершилась тем, что Дунстан именем Христа миро-

помазал его, а хор запел антифон «Священник Цадок и пророк Натан», который и по сей день в ходу, хотя уже на английском языке, а не на латыни.

Посреди молитв королю вручили кольцо и меч, символы королевской власти. Затем на его голову положили корону, а в руки вложили скипетр и посох; над его головой прозвучало благословение. После этого королю присягнули на верность его самые выдающиеся подданные. Его приветствовали: «*Vivat rex, vivat rex, vivat rex in eternum!*» (Да здравствует король, да здравствует король, да здравствует король на вечные времена!) Определилось его положение короля: «Встань и держи свой королевский статус, полученный по слову твоего отца¹, переданный тебе по праву наследника властью Всемогущего Господа через нас, епископов и других его слуг; и чем ближе будут стоять к алтарю церковнослужители, тем больше ты должен помнить о чести, которую нужно оказывать им... чтобы посредник между Богом и людьми мог утвердить тебя на троне этого королевства как посредника между духовенством и народом и позволить тебе править вместе с ним в вечном царстве — Иисус Христос, то есть Господь наш...» А после молитв и миропомазания или «рукоположения» королевы церемония закончилась торжественной мессой.

Со времен Эдгара королеву обычно короновали вместе с мужем, и в «Жизни» Эдуарда Исповедника есть описание того, как королева Эдит имела обыкновение сидеть у его ног; там же отмечено, что для нее, согласно обычаю, всегда стоял трон рядом с тронном короля, хотя она редко сидела на нем, однако, похоже, не всегда с королевами обходились с таким уважением. Ассер (конец IX в.) описывает, как современные ему западные саксы отказывались разрешить королеве сидеть подле короля или носить титул

¹ Эдгар был преемником своего брата, а не отца, и эту фразу не стоит толковать слишком буквально.

королева (*regina*); она была всего лишь супругой короля. Это он относит на счет дурного поведения дочери Оффы, короля Мерсии, которая некоторое время была королевой Уэссекса. Правда это или нет, но вполне возможно, что дочь Оффы помнили как символ подчинения Уэссекса Мерсии во времена Оффы (конец VIII в.), в результате чего королевы стали местами подвергаться временному порицанию. Но в целом в Англии до завоевания нормандцами с женщинами обращались с большим уважением. И именно в Уэссексе в более ранний период был один-единственный пример того, как королева англосаксов взяла в свои руки бразды правления. В 672 г., как повествует «Англосаксонская хроника», «умер Кенвал (король Уэссекса), а его королева Сексбурга правила после него один год». Ее правление не продлилось долго (мы не знаем, что положило ему конец). Королевы обычно считались просто супругами королей. Но с развитием церемонии коронации стали считать, что они разделяют со своими мужьями их королевские привилегии, по крайней мере в какой-то степени. Так что королева Эдгара была миропомазана и коронована.

Церемония коронации Вильгельма во всех ключевых моментах была той же самой. К ней добавилось представление короля народу *collaudatio*, заглушаемое шумятицей снаружи, и не было коронации королевы, так как жена Вильгельма все еще находилась в Нормандии. Драматический вопрос, кто должен стать преемником Эдуарда Исповедника, в конце концов разрешился в Рождество 1066 г. Чтобы понять это, нам нужно рассмотреть положение Эдуарда, позицию его подданных, соперников Вильгельма и, наконец, самого Господа Бога, как ее понимали английские епископы. Вильгельм выиграл свое королевство силой оружия, но он заявлял, что является королем по праву, и, чтобы стать им, он должен был сделать свои

притязания как можно более ясными. Он состоял в родстве с Эдуардом, но не очень близком, а к предкам его рода вообще не имел никакого отношения. Его притязание на наследство имело больше шансов, чем притязания Гарольда, но не имело решающего перевеса. Он был избран, но лишь формально. Английская знать покорилась завоевателю. Преимущество его положения выражалось отношением Эдуарда Исповедника; Эдуард объявил Вильгельма своим преемником (даже если он с тех пор изменил свое решение), и Гарольд поклялся признать Вильгельма королем. В 1066 г. принцип назначения имел больший вес, нежели права наследования или «избрание». В нашем втором случае, при восшествии на престол короля Стефана, эти составляющие находились в другой пропорции. Но события его восшествия ясно иллюстрируют механизм действия всех трех принципов — наследования, избрания и назначения и подходящим образом заканчивают наше исследование вопроса, как становились королями.

1 декабря 1135 г. король Генрих был «ни живой ни мертвый» в Лионе-ла-Форе, Нормандия. Следуя прецеденту, положенному Вильгельмом II, племянник Генриха Стефан Блуаский, граф Булонский, переплыл Ла-Манш, убедил архиепископа Кентерберийского в том, что он истинный наследник, названный Генрихом на смертном одре, и был возведен на трон, вероятно, 22 декабря. В 1139 г. дочь Генриха Матильда, вдова императора Генриха V, а теперь графиня Анжуйская — ее приверженцев поэтому называли анжуйцами, — также переправилась через Ла-Манш в окружении своих сторонников. В какой-то момент в 1141 г. она стала хозяйкой Лондона, и казалось, что победа у нее в кармане. Но она потерпела неудачу и передала свои притязания сыну. Молодой Генрих вторгся в Англию в 1147 г., еще раз в 1149 и 1153 гг., в конце концов в 1153 г. он был при-

знан Стефаном наследником и коронован 19 декабря 1154 г.

События «безвластия» вызвали много толков, и у нас есть множество утверждений приверженцев обеих сторон: летописцев, подобных стороннику Стефана, который написал *Gesta Stephani* («Деяния Стефана»), или приверженца Матильды Уильяма Мальмсберийского, который привел доводы, выдвинутые в 1135 г., вместе с отголосками более поздних комментариев в упаковке из своих собственных размышлений. В 1139 г. этот вопрос обсуждался у папы римского, о чем у нас есть два отчета от Иоанна Солсберийского в его «Воспоминаниях о папском дворе» и от очевидца этих событий Жильбера Фолио, впоследствии аббата Глостерского и в конечном счете епископа Лондонского (1163—1187). Жильбер, ярый сторонник императрицы, добавляет массу аргументов, рожденных его живым умом юриста, который достигает высот законов природы и Бога.

На начальных этапах серьезно рассматривались лишь два кандидата. Но интересно то, что они появились из возможных по крайней мере шести. Матильда была единственным живым законным ребенком Генриха I. Если женщина могла быть преемницей на троне, то ее наследные притязания были явно очень сильны. Адвокат, представлявший интересы Стефана перед папой римским, заявлял, что на самом деле она была незаконнорожденной, что ее мать приняла монашеский постриг в аббатстве Ромси и поэтому не могла выйти замуж за отца Матильды, так что ее можно не учитывать. Как резонно указали сторонники Матильды, святой архиепископ Ансельм лично занимался этим вопросом и разрешил им пожениться, и папа утвердил его решение. Никто не осмеливался намекнуть на это обстоятельство при жизни Генриха. На самом деле дважды знать присягала на верность Матильде как своей будущей королеве. В первом случае

Стефан, законный племянник Генриха, и Роберт Глостерский, его незаконный сын, соревновались в том, кто из них будет первым светским бароном после короля шотландцев в принесении клятвы верности. Эти клятвы были вынужденными, а первая, в глазах многих, стала недействительной после брака (без согласия баронов) Матильды с графом Анжуйским. Был прецедент, помогающий вдовствующим королевам решить вопрос наследственного права, как в «Беовульф» и датской легенде, хорошо известной нам из шекспировского «Гамлета», и в еще более поразительном случае королевы Эммы, супруги сначала Этельреда II, а потом Кнуда. Это могло поддержать идею о том, что королевская дочь, в жилах которой течет королевская кровь, может взойти на престол. Но подразумевалось, что править будет супруг Матильды, а не она сама. Недавним примером женщины, правящей страной самостоятельно, мог стать прецедент с королевой Урракой, ставшей преемницей короля Леона и Кастилии Альфонса VI. Но это был исключительный случай, и он не имел успеха. Все ожидали, что корона перейдет через мужа Матильды к ее сыновьям. Наследование по женской линии имело свои особые правила, но они не представляли никакой трудности в данном случае, так как все другие претенденты уступали даме.

Единственным исключением был Роберт Глостерский, которого, видимо, принимали в расчет. Но он отказался быть кандидатом на трон на том основании, что он незаконнорожденный, и это препятствие, похоже, было учтено, несмотря на прецедент с Вильгельмом Завоевателем. Есть запись о том, что эрл Роберт уступил притязаниям своего племянника Генриха, сына Матильды и графа Жоффруа. В 1135 г. Генриху было два года, и, даже если его притязания были бы рассмотрены, необходима была рука взрослого человека, чтобы справиться с назревшим кризисом.

сом. Сомнительно, чтобы мысль о наследовании, какой бы веской она ни была, уже развилась до того, чтобы перевесить «подходящесть» короля в умах большинства людей. В X в. второстепенные люди становились наследниками. Завоеватель как герцог Нормандии был второстепенным наследником, но Англии не суждено было снова иметь короля-мальчика раньше 1216 г.

Если бы притязания Матильды были приняты, очевидным кандидатом становился ее супруг Жоффруа, граф Анжуйский, достойный наследник беспощадных графов Анжу, человек, который, вероятнее всего, мог показать силу Генриха I. Однако существовали некоторые трудности. Во-первых, Анжу и Нормандия были традиционными врагами. Мысль о подчинении графу Анжуйскому далеко не радовала англо-нормандскую знать. Во-вторых, он стал бы править как супруг Матильды. Но брак был настолько несчастливym, что было чрезвычайно сомнительным, смогут ли они жить достаточно мирно, чтобы управлять своими огромными владениями. Любопытно, что за последние годы правления Генриха I они истощили свои разногласия настолько, чтобы недолгое время провести вместе, зачать детей и поссориться с Генрихом. Граф Анжуйский был подозрительным человеком в Англии. В 1135 г. он и его супруга были в состоянии войны с Генрихом.

Другой близкой родственницей Генриха была его сестра, графиня Блуаская, которая была еще жива: она умерла в 1137 г., но, похоже, никто не рассматривал кандидатуру самой графини; однако двое ее старших сыновей Теобальд и Стефан были серьезными кандидатами. Теобальд был графом Блуа, Шампани и Шартра, одним из крупнейших владык Северной Франции. По крайней мере, у него была бы сила, чтобы в безвыходном положении удержать власть в Анжу, и нормандские бароны продолжали приглашать его быть их герцогом. Однако пока они готови-

лись присягнуть ему на верность, они получили весть о том, что младший брат Теобальда Стефан, граф Булонский и (благодаря милости короля Генриха), вероятно, самый обеспеченный английский барон, плывет через Ла-Манш. Теобальд был немного недоволен, но отказался помешать брату. Так что Стефан мог, как Вильгельм II, склонить на свою сторону архиепископа Кентерберийского и короноваться, как Генрих I, захватить казну в Винчестере, как Эдмунд — на этом делает сильный акцент его биограф, — чтобы добиться голосов горожан Лондона, которые нажили огромный капитал в 1016 г. Громкие голоса жителей Лондона были нужны, чтобы прикрыть небольшое число знатных людей, которые «избрали» короля. Его супруга, подобно супруге Генриха I, принадлежала к старинному английскому роду: она была племянницей супруги Генриха и Эдгара Этелинга, дочерью шотландской принцессы.

Мы уже видели, что Генрих I ранее публично и довольно упорно называл Матильду своей наследницей. После его смерти рассказывали, что, подобно Эдуарду Исповеднику, он изменил свое решение и на смертном одре назначил наследником Стефана. В это никто не верил, но это было одним из двух ключевых моментов в 1135 г. и последующие годы и главной загадкой вступления Стефана на престол.

Другим важным моментом был вопрос годности кандидата: у Матильды был тяжелый, вздорный характер, и она не забывала, что была императрицей. Ее мужу не доверяли нормандцы. Стефан, с другой стороны, возглавлял баронов и был одним из них, открытый, храбрый, энергичный, не ведающий о жадности своего дяди и, наверное, о его жестокости. Одно это может в достаточной степени объяснить его успех, по крайней мере, почему он получил поддержку. Но это никак не объясняет самую загадочную деталь событий 1135 г. — быстрые и решительные дей-

ствия, которые он предпринял после смерти Генриха. Он был коронован так же быстро, как и Вильгельм Рыжий, имея гораздо больший перевес. Стефан всегда был способен на стремительные действия, но в последующие годы ему не хватало решительности и настойчивости, чтобы его действия увенчались успехом. Возможно, по мнению большинства историков, что единственный раз в своей жизни Стефан увидел свой шанс и воспользовался им, что быстрота его действий была достаточной, чтобы привести его к временному успеху и отодвинуть старшего брата на задний план безо всякого обсуждения. Это возможно, но есть и другое объяснение.

Иоанн Солсберийский рассказывает нам, что, аргументируя свою позицию перед папой римским в 1139 г., представлявший интересы короля Арнульф (позднее епископ Лизье) сослался на два довода: на то, что Матильда незаконнорожденная и что Генрих на смертном одре изменил свое решение и назвал своим наследником Стефана. «И он заявил, что это публично было доказано Вильгельму, архиепископу Кентерберийскому, и папскому легату в присутствии служителей церкви клятвой эрла Хью (Бигода) и двух рыцарей. И, услышав это доказательство, архиепископ признал притязания Стефана на корону, а епископы и знать выразили свое единогласное одобрение и согласие. То, что было сделано с такими церемониями, не могло, по его заключению, остаться незавершенным». В ответ защитник интересов императрицы отмел обвинение в незаконности ее рождения и отрицал, что Генрих изменил свое решение: «Что касается вашего заявления, будто король передумал, то ложность его подтверждают те, кто присутствовал при его кончине. Ни вы, ни Хью не могли знать о его последней просьбе, так как вас там не было». Одобрение архиепископа не могло причинить вред императрице — а ведь ей все они давали клятву верно-

сти, — так как она была обречена потерять свою корону, не получив даже возможности ответить на выдвинутые против нее обвинения. Жильбер Фолио подробно говорит о законнорожденности императрицы. Этот пункт особенно его беспокоил, так как его позиция почти полностью основывалась на ее наследственных притязаниях. Но он все-таки рассматривает вопрос, может ли отец лишить наследства законнорожденного ребенка, и отвечает на него: только в случае бунта или чего-либо подобного. И он твердо (хотя и ошибочно) утверждает, что императрицу никогда нельзя было в этом обвинить¹. Этот довод, возможно, формальный, но в нем было скрыто обвинение в том, что Генрих отказался от своей дочери на смертном одре. Во всяком случае, мы можем поверить Иоанну Солсберийскому на слово в том, что это засело у людей в головах. Иоанн делал свои записи при Генрихе II, сыне императрицы: у него не было мотива для того, чтобы поправить дело Стефана, разве что, возможно, дискредитировать представителя интересов Стефана, особого врага Иоанна. Была ли эта история правдивой — вопрос другой. Самые первые летописцы Ордерик Виталий (1141), Уильям Мальмсберийский и Иоанн Вустерский (ок. 1142) не упоминают о том, что Генрих изменил свое решение на пороге смерти. Но Уильям и Иоанн были верны императрице, когда вели свои записи.

Биограф Стефана, делая свои записи, по-видимому, в начале правления Генриха II, приходит к любопытному компромиссу. Весь план действий был придуман Стефаном; по его прибытии в Англию он был немедленно избран жителями Лондона — и нам чи-

¹ Интересно было бы узнать, как Жильбер Фолио охарактеризовал действия императрицы в 1135 г. Возможно, он разграничил то, что она не замечала активных действий своего мужа, и фактический мятеж; возможно, он сделал вид, что забыл об этом.

тают лекцию о правах Лондона, в которой автор, мягко говоря, выражает слишком сильный протест. Далее нам подробно рассказывают о полемике в присутствии епископа Кентерберийского, решение которого как первого советника и человека, который будет возводить на престол нового короля, было жизненно важным. Архиепископ возразил, что он присягнул на верность Матильде. Ответ на это был поистине очень необычным. Генрих добился клятвы верности и выдал свою дочь замуж в Анжу с целью добиться мира между Анжу и Нормандией. Этот похвальный проект, который делает из Генриха бескорыстного нобелевского лауреата, создал трудность: он знал, что бароны присягали неохотно. И вот на пороге смерти он освободил их от данной ими клятвы, чтобы его интрига больше не причиняла им беспокойства. Будет ошибкой слишком серьезно воспринимать чьи-то речи в средневековых летописях: прямую речь постоянно использовали в качестве средства, придающего колорит и драматизм ситуации, чтобы дать возможность актерам или автору дать комментарии; никому и в голову не приходило заподозрить их в стенографической точности. Но тем не менее они зачастую бывают чрезвычайно интересны; и этот довод обладает своей собственной логикой, которая, очевидно, так и не была замечена. Мотив Генриха явно абсурден. Если его целью был мир, ему нужно было связать своих баронов всеми возможными клятвами, когда он лежал на смертном одре. Но на самом деле «анжуйский» брак не был гарантией мира с Анжу или в пределах его собственных владений при его жизни. Да и мир ради мира не имеет ничего общего с Генрихом I, насколько мы можем о нем судить. Это просто ореол легендарного Генриха I, «приверженца мира», на которого люди оглядывались с ностальгией из хаоса последующего правления. Это смехотворно, но ведь какое-то объяснение

было нужно безотлагательно. Доводы архиепископа против Стефана убедительны. Как же тогда он оказался вынужденным короновать его?

В «Деяниях Стефана» сказано, что Генрих освободил баронов от их клятвы верности Матильде на смертном одре; эта история была развита последующими летописцами. Если это все, что он сделал, — если он освободил их от клятвы, не указав на преемника, то он действовал либо как убежденный демократ, либо в приступе полной невменяемости. Первое невозможно, последнее — ведь это был не кто-нибудь, а Генрих I — невероятно. Гораздо вероятнее старая история, которую повторяют «Деяния»: Генрих назначил Стефана своим преемником на пороге своей смерти в несколько завуалированной форме. Но почему она завуалирована? Когда «Деяния» были в процессе написания или, по крайней мере, окончания, на троне уже был Генрих II¹. На страницах, написанных в более позднее время, Генрих назван «законным наследником», хотя старший сын Стефана дожил до 1153 г., а младший — до 1159-го. Это объясняет любопытное увиливание от прямого ответа в этой книге: это в основном панегирик Стефану, но написанный кем-то, кто пришел к соглашению с анжуйским правителем. Он не может открыто сказать, что Генрих I отрекся от своей дочери и ее детей, так как Генрих II заявил прежде всего о том, что является наследником своего деда. Тем не менее

¹ Так как это было письменное произведение, профессор Р.Г.К. Дэвис опубликовал блестящую статью об авторстве «Деяний Стефана» в «Английском историческом журнале» в 1962 г., в которой он доказывает, что более ранние части были закончены в 1148 г. или около того и не были существенно пересмотрены позднее. Доводы в пользу этого убедительны, но кажется вероятным, что некоторые из более важных частей, вроде этой, были подправлены в окончательной версии, что, вероятно, произошло после вступления Генриха II на престол. Вряд ли бы нашлись для Генриха II более нежелательные вещи, чем весть о том, что Генрих I назначил своим преемником Стефана. Однако довод г-на Дэвиса, безусловно, вызывает сомнения в моем объяснении расплывчатости формулировок в «Деяниях».

если он не говорит ничего о смертном часе Генриха I, то позиция Стефана серьезно ослабляется.

Итак, мы видим, что анжуйские летописцы стоят по одну сторону, а сторонники Стефана — по другую. У анжуйцев был сильный мотив замалчивать любое упоминание о том, что Генрих назвал своим преемником Стефана; у сторонников Стефана — в равной степени сильный мотив настаивать на этом. Ордерик, писавший свою летопись в Нормандии, которую покинул Стефан, ни намеком не упоминает об этой истории. Возможно, его молчание является некоторым аргументом против нее. Но в основном мы имеем здесь, как обычно, простое противоречие источников, и, лишь наблюдая за поведением главных действующих лиц, мы можем надеяться разрешить вопрос.

Стефан действовал необычайно проворно; архиепископ Кентерберийский поспорил, но согласился. Король Франции поддержал Стефана; папа римский утвердил его коронацию. Граф Блуаский отозвал свои притязания; граф и графиня Анжуйские ничего не предприняли; эрл Глостерский после долгих колебаний присягнул на верность Стефану. Многие из этого отражает реальные факты. Спорное престолонаследие было делом обычным; случаи насильственной узурпации власти — нередкими. Обычно свершившийся факт приходилось принимать даже церкви, так как ее отказ мог привести лишь к кровопролитию. Для папы римского было важно удержать Англию от гражданской войны. Что касается короля Франции и графа Блуа, то мы знаем слишком мало подробностей обстоятельств, чтобы судить об их мотивах. В любом случае Теобальд не мог на многое рассчитывать в Англии, а Людовик должен был во Франции бояться присоединения Анжу к Нормандии.

Расторопность Стефана и согласие архиепископа Кентерберийского являются самыми поразительными моментами в этой последовательности событий. Сте-

фан действовал так быстро, что его маневр должен был быть почти наверняка продуманным заранее. Действительно, вполне вероятно, что он был ему внушен более сильной личностью, чем он сам. Архиепископ, вероятно, уступил убедительным доводам. Обе части этой головоломки можно было бы объяснить, если бы Стефан мог действительно представить доказательство того, что Генрих назначил его своим наследником на смертном одре.

Однако есть еще два момента, которые следует принимать в расчет. Архиепископ был заинтересован в том, чтобы дать Англии готового к действиям короля, который мог предотвратить кровопролитие: гражданская война была неминуема. Он мог прекрасно понимать, что Стефан более подходящая кандидатура, способная получить поддержку, нежели императрица. Он был хорошим воином и уже был обеспечен хорошим постоянным доходом в Англии. И он не забывал давать обещания быть хорошим правителем, послушным церкви. Стефан вполне мог казаться подходящим вариантом в глазах церкви.

Если действия Стефана удивляют нас и мы начинаем искать более сильную личность, которая побудила его действовать, то его дядя не является единственной такой фигурой, по нашему мнению. Еще один Генрих, младший брат Стефана, аббат Гластонбери и епископ Винчестерский, сыграл ведущую роль в событиях, имевших место в годы правления Стефана. Он не всегда был на стороне своего брата, но Уильям Мальмсберийский приписывает ему первый успех Стефана и делает его влияние решающим для получения согласия архиепископа Кентерберийского. Картину, нарисованную Уильямом, в общем, подтверждают «Деяния». Выдающаяся личность, непокорный и амбициозный Генрих вполне мог оказывать влияние на обоих своих старших братьев, и мы можем поверить Уильяму Мальмсберийскому, что он

надеялся (и, без сомнения, убедил в этом архиепископа) на то, что Стефан станет достойным хранителем церкви и будет подчиняться указаниям стоящих во главе нее епископов.

Наконец, правдоподобно ли то, что Генрих I сам позабыл о своей дочери после всех своих сложных интриг и объявил наследником своего племянника? Ясно, что Генрих был в течение многих лет серьезно обеспокоен тем, кто взойдет на трон после него: он женился во второй раз, но от второй жены у него не было детей; он вызвал Матильду из Германии против ее воли; он вынудил своих баронов дать две клятвы верности. Во всем этом он, по-видимому, руководствовался как конкретным представлением о наследовании, так и привязанностью к дочери. Можно было бы ожидать, что его сердце выберет его незаконнорожденного сына, эрла Роберта, или его незаконнорожденного племянника Стефана. Обоих он одарил самыми лучшими землями — это был почти беспрецедентный случай. Он демонстрировал по отношению к ним свое расположение и привязанность, охотился с ними, наслаждался их обществом. В противовес этому, он обращался со своей дочерью как с пешкой в брачной игре — такое отношение видели многие женщины в те времена. В возрасте семи лет ее на корабле отправили в Германию. Когда она стала молодой вдовой, ее поспешно вернули назад, сделали наследницей трона, насильно выдали замуж за человека моложе ее, которого она презирала (он был простым графом) и который не любил ее. И вот ее отец позволил ей оставить мужа, затем вновь соединил их, чтобы обеспечить своему роду продолжение в потомках и наследниках. Наконец — и это неудивительно — она стала допекать старика: мятеж разразился в Нормандии, граф открыто поддержал его, а императрица лишь чуть менее явно подстрекала к нему.

Что случилось на смертном одре Генриха I, можно только предполагать. Если он счел, что его дочь показала себя «неблагодарной» — разве он не осыпал ее почестями, не сделал ее императрицей, не обещал ей королевство? — это было бы вполне понятно. Он был вспыльчивым представителем вспыльчивого рода и был способен сказать все, что угодно, когда на него накатывало. Вполне понятно, что он мог поддаться временному состоянию, чувству, что он может, в конце концов, последовать велению своего сердца, а не головы, что Стефан — сам возрожденный Генрих, младший сын, женившийся на наследнице рода Альфреда и Кердика и Водана.

Когда королева Елизавета I была на пороге смерти, пришлось приложить колоссальные усилия к тому, чтобы она назначила Якова своим преемником. Столь щепетильна она была в отношении своей привилегии и столь мало ее привлекали мысли о своей собственной смерти, что она откладывала решение до самого последнего момента. В конце концов непонятный знак, который она сделала рукой после того, как уже не могла говорить, был истолкован как согласие, и последняя преграда на пути к наследованию трона Яковом пала. Вокруг умиравшего Генриха собрались люди, страшно озабоченные тем, кто станет наследником. Эти люди, названные Ордериком, не слишком торопились присоединиться к сторонникам Стефана или поддержать его. Хью Бигод утверждал, что слышал, как Генрих назвал Стефана, но приверженцы императрицы возражали, что Хью не был среди присутствовавших у постели умирающего. Однако вполне возможно, что Хью находился поблизости, подхватил слух, что Стефан назначен наследником, и немедленно понес его в Булонь, где (как кажется) в тот момент находился Стефан. И этот слух подвигнул Стефана на его поразительную авантюру. Думаю, вполне вероятно, что

Стефан решил, что может рассчитывать на поддержку Генриха. Хотел ли Генрих предоставить ему ее, мы никогда не узнаем.

В Германии в конце XI—XII вв. возникли признаки того, что наследование и назначение наследника могут в один прекрасный день уступить его выборам — и это будет способом возведения короля на престол. В XIII—XIV вв. такой порядок был принят: особая группа выборщиков осуществляла свой свободный выбор, такой свободный, что в начале XVI в. всех королей Англии, Франции и Испании вполне могли счесть подходящими кандидатами. В Англии и Франции этого не произошло. Слово «выборы» широко использовалось; Стефан распустил слух, что он был избран церковью и народом, а «Деяния» делают его избрание ключевым событием. Но он был «выбран» жителями Лондона, а не витаном. И если Стефана можно было считать «выбранным» монархом, то этот прецедент не сулил ничего хорошего. На самом деле людей сильнее занимали другие мысли: назначение наследника было по-прежнему, наверное, самым важным фактором из всех; наследование делало успехи и пополнялось изощренными аргументами из римского и церковного права. И ни один ответственный человек не мог пренебречь вопросом, подходит ли кандидат в короли для своей должности. Миряне и церковнослужители сходились в том, что личность короля имеет жизненно важное значение для благополучия народа. Избрание нового короля было исключительно серьезным делом — слишком серьезным, чтобы быть подчиненным простым правилам. На протяжении всего того времени, что английские короли правили и царили, присутствовал элемент неопределенности в отношении принципов наследования. Каким бы странным это ни казалось, но современный закон о праве наследования был принят лишь в XVIII в.

Глава 3

ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ КОРОЛЬ

Мы узнали, как становились королями. Теперь нам предстоит изучить, как они жили: обеспечить их дворцами и доходами, одеть и накормить и заполнить их распорядок дня.

Основная масса дошедшей до нас литературы о саксонских и нормандских временах была написана церковнослужителями на латыни, международном языке церкви западного христианского мира. Короли обычно были необразованными. В этом, как мы увидим, были замечательные исключения. Но правда такова, что в основном миряне не интересовались книжными знаниями, а сохранившаяся литература отражает вкусы и интересы духовенства. Она многое может рассказать нам о мирской жизни — но о жизни лишь одного поколения. Если мы хотим установить прямой контакт с мирянами, мы должны рассчитывать на материальные останки — дома, оружие, монеты, извлеченные на свет божий с помощью лопаты, и на написанные для них на родном языке литературные произведения, которые менестрели исполняли в огромных залах королевских дворцов по вечерам. По сути своей, это были не письменные, а устные литературные произведения, которые передавались от одного менестреля к другому, усвершенствовались и искажались в тигле человеческой памяти. В результате лишь небольшая их доля вообще попадала на пергамент, а от всего написанного до нас

дошла лишь часть. Ученому, занимающемуся английской историей, сравнительно повезло. От французской литературы, написанной на родном языке до конца XI в., не осталось ничего, хотя начиная именно с этого времени таких произведений великое множество. От немецкой литературы, написанной до 1100 г., сохранилось немногое. Значительное количество древних скандинавских поэтических произведений было написано в Исландии около 1250 г.; они известны нам по их более поздним копиям. Но Англия может похвастаться тридцатью тысячами англосаксонских стихотворных строк, помимо существенного количества древнеанглийской прозы.

Большая часть этих стихов — религиозного содержания: переложение частей Библии, религиозные легенды, жития святых, благочестивые фантазии, вроде знаменитой поэмы «Видение креста». Люди, писавшие рукописи, в которых сохранились поэтические произведения, сами были служителями церкви, и немалая доля стихов религиозного содержания в их рукописях, без сомнения, отчасти отражает их вкусы. Но ясно также и то, что она отражает вкусы многих мирян, для которых и писались эти стихи. Есть также небольшое количество стихов светского содержания. Самое известное из них — короткая эпическая поэма «Беовульф», единственное законченное произведение из всех германских коротких баллад и поэм времен начала Средневековья, дошедшее до наших дней. Вполне возможно, что «Беовульф» в некоторых отношениях не характерен для литературы, из которой он возник, — прежде всего потому, что это, как мы увидим, христианская поэма с христианской моралью, но она живо раскрывает многое из жизни королей и стремлений их сторонников, что мы иначе не поняли бы. Точная дата ее написания неизвестна: обычно ее относят к VIII в., и вряд ли это могло случиться позже.

Поэма начинается со смерти датского короля. «Час Скильда настал, когда он был в расцвете сил. После долгих лет царствования король отдал Богу душу. Его любимые слуги отнесли любимого властителя на берег моря, согласно его распоряжению, которое он отдал, когда еще мог говорить. Обледеневшее и готовое к отплытию королевское судно с изогнутым носом стояло в гавани. Они положили своего драгоценного монарха посередине корабля поближе к мачте. Множество сокровищ было принесено сюда из далеких краев. Говорят, ни один корабль никогда не был столь хорошо оснащен мечами, латами, оружием и доспехами. На груди короля лежала груда драгоценных камней, которые должны были вместе с ним отправиться далеко в море. Датчане принесли Скильду Скевингу дары из своей сокровищницы, которые были так же хороши, как и дары, предоставленные ему теми, кто отправил его одного в океан, когда он был ребенком. Над его головой они установили его золотой штандарт, а затем, уступив его морю, с грустью позволили ему унести их короля прочь. И никто, ни советник в царских палатах, ни воин на поле боя, не мог точно сказать, кто получил этот груз».

Еще около двадцати лет назад этот отрывок звучал для большинства читателей как чистая фантазия. Но в 1939 г., незадолго до начала Второй мировой войны, «гавань», в которую такой корабль когда-то приплыл, была найдена во время раскопок на продуваемом ветрами холме над рекой Дебен в Суффолке. Давно было известно, что у восточносаксонских королей один из дворцов находился в Рендлшеме, на расстоянии четырех миль оттуда. А раскопки могильных курганов в самом Саттон-Ху начались годом раньше. В одном из таких курганов уже был найден погребальный корабль, но до этого его уже раскопали грабители, так что основное его содержимое было утрачено. В 1939 г. начались работы на одном из самых

больших курганов, и снова были найдены остатки корабля. Тогда землекопы направили свои поиски в центр холма, где должна была находиться погребальная камера, почти не надеясь найти ее в целости. Когда они приблизились к ней, они поняли, что что-то интересное находится под ней, — этого было достаточно, чтобы они остановили свою работу и вызвали группу самых квалифицированных экспертов для завершения чрезвычайно деликатной задачи. На протяжении июльских дней 1939 г., когда сгущались тучи войны, из центральной части корабля были извлечены золотые и серебряные украшения — кое-что небывалой красоты, но все они были великолепны и представляли исключительный интерес. Владелец Саттон-Ху подарил их государству. Их поместили в Британский музей, рассортировали, внесли в каталог и благополучно спрятали. Потом началась война, и серьезные работы были прекращены до ее окончания. На протяжении пяти лет специалисты и дилетанты делали предположения и строили догадки. Тогда сокровища были снова открыты, заново исследованы и начали опровергать некоторые предположения. Археологи, нумизматы и историки изучили их, восстановили в лабораторных условиях, сравнили с другими находками и сделали их анализ. Этот процесс еще не закончился, и оставшиеся курганы в Саттон-Ху еще хранят свои секреты.

Погребальная камера хранила в себе доспехи, кубки, ложки и блюда, а также различные другие предметы. Но в ней не было тела, и это усилило таинственность ситуации: для кого она предназначалась?

Это могла быть могила короля. Корабль Скильда был нагружен во многом так, как корабль в Саттон-Ху. Да, он не был захоронен, а отправлен в море. Но мы знаем, что захоронение было обычным делом — в конце поэмы курган был насыпан для самого Беовульфа. И в других местах были найдены захоронен-

ные корабли, особенно в Швеции. Мы также знаем, что герой Саттон-Ху не был обычным смертным. Были произведены раскопки многих англосаксонских могил. Мало над какими из них были насыпаны курганы, и еще ни одна из них пока не может сравниться с Саттон-Ху. Ничего, равного ему по великолепию, еще не было найдено во время раскопок ни в одном уголке германского мира. Господин Боффин в «Нашем общем друге» назван «золотым мусорщиком» из-за огромного богатства, которое он получил как наследник внушительных куч драгоценного праха. Можно даже назвать Саттон-Ху золотым мусорным ведром мира раннего Средневековья, потому что его сокровища не имеют государственной принадлежности. У неизвестного воина были ложки из Византии, кубки из Византии и Египта, шлем, щит и меч из Швеции, пряжки и застёжки на доспехах, крышка кошелька были шедеврами англосаксонского ювелирного искусства; деньги в его кошельке попали к нему из Галлии Меровингов (т. е. Франции). Мы не можем быть уверенными в том, что это все является его личным имуществом: когда хоронили самого Беовульфа, то, чтобы обеспечить его должным образом, сокровища были награблены. Но, по крайней мере, деньги, хоть и не английские, представляют собой однородный набор, который показывает специалистам-нумизматам, что захоронение произошло в 650—660 гг.

Обычно предполагают, что неизвестный воин был на самом деле королем. Но до того как появились короны и скипетры, мы ведь не знаем, как короли отличались от других людей. Необычный предмет (иллюстрация 3а) определен как королевский штандарт; точильный камень (иллюстрация 3с) — древний скипетр. Ни один из этих предметов не выглядит утилитарно, но их функции, если честно, неизвестны. Было высказано предположение, что «штандарт»,

возможно, был стойкой для вешания скальпов; снятие скальпов было излюбленным занятием франкских королей, от имени которых отчеканены монеты, найденные в Саттон-Ху. Ни одного захоронения, такого же великолепного, как Саттон-Ху, еще не было найдено, и это правда. Правда также и то, что фрагмент предмета, который, по-видимому, является близнецом шлема из захоронения Саттон-Ху, был найден при раскопках в Швеции в могиле, которая считается королевской. Оба они явно более красивы, чем другие шведские шлемы того времени, обнаруженные в могилах, которые предположительно считаются некоролевскими. Но в этом присутствует элемент допущения, и мы должны оставить это на суд специалистов. А пока мы вполне можем предположить, что в любом случае — был ли неизвестный воин королем или нет — его снаряжение сделало бы честь королю, и, если мы хотим представить себе древнеанглийского монарха, в парадном одеянии сидящего на троне в своем тронном зале, мы можем облачить его в наряд из Саттон-Ху.

Мы также не можем решить волнующую проблему отсутствия его тела. Было высказано предположение, что он был христианином, и ложки с выгравированными двумя именами св. Павла — Савл до крещения и Павел после — сильно наводят на мысль о крещении, или, по крайней мере, у этого воина были друзья-христиане. Для чего же тогда искусно сделанный наряд для его путешествия в потустороннем мире, соответствующий лишь языческим захоронениям? Возможно, тело было похоронено по-христиански, а его слуги-язычники возвели для него традиционный памятник. И все же вряд ли это так. Более вероятно, что церковь какое-то время толерантно относилась к сохранявшимся языческим обрядам и позволила недавно обращенного в христианство воина похоронить традиционным способом. Если памятник

был воздвигнут языческому королю, у которого были друзья-христиане, то вероятным кандидатом можно назвать Этельхере из Восточной Англии, который погиб в сражении на реке Уинвед на севере Англии в 654 г., а его тело, возможно, было унесено при разливе реки — это объясняло бы пустоту могилы. Если это был христианский король, то вероятным кандидатом был его брат Анна, гораздо более прославленный человек, который умер в этот же год, но раньше.

То же самое смешение языческой и христианской тем озадачивает читателя «Беовульфа». Герои поэмы кажутся определенно язычниками, но само произведение содержит христианские мораль и тему.

Дворец датского короля осаждает чудовище по имени Грендель, которое приходит в него по ночам и пожирает тех воинов, которые с безрассудной храбростью спят там. Весть об этой напасти доходит до Беовульфа, знатного человека из народа гаутов, обитающего на юге Швеции, в Готланде (или Гёталанде). Беовульф отправляется в путь с группой своих сторонников, и ему удается убить чудовище. Затем он убивает другое чудовище, мать Гренделя, в жестоком бою на дне соседнего озера и таким образом избавляет двор датского короля от целого выводка чудовищ. Король устраивает пир в его честь и осыпает его подарками, в основном золотом, а затем Беовульф, ко всеобщему сожалению, возвращается к своему народу, где он рассказывает о своих приключениях своему королю и отдает ему часть подарков. В ответ король гаутов делает Беовульфа своим ближайшим доверенным лицом и одаривает его еще больше, в том числе большим земельным наделом. Так заканчивается первая часть поэмы. Проходят годы: король гаутов и его сын убиты, первый во время набега на Фрисландию с целью грабежа, а второй в кровопролитной междоусобице. И Беовульф становится на-

следником короны, избранный за свои качества вдовой своего бывшего владыки. После нескольких лет успешного и мирного правления покой его королевства, в свою очередь, нарушает чудовище, на этот раз дракон. Дракон живет на холме и сторожит великие сокровища, спрятанные в нем. Кто-то украл часть сокровищ, и в отместку за это дракон опустошает страну. Беовульф, теперь уже старик, отправляется спасти свой народ от этой напасти и убивает дракона, но в бою сам получает смертельную рану. Поэма завершается всенародной скорбью о его кончине и его похоронами. Его сжигают на огромном погребальном костре, и лучшие всадники из числа его приближенных объезжают верхом его костер подобно тому, как греки объезжали вокруг тела Патрокла, а гунны — тела Аттилы.

В «Беовульфе» изображено общество героев-варваров: храбрость, военная доблесть, верность и щедрость — вот качества, нарисованные весьма убедительно ради того, чтобы мы восхищались. Личная верность и родство — главные узы; верность превыше всего, так как родство играло менее заметную роль в английском обществе, чем у германских народов в Европе. Это аристократическое общество, общество вождей и королей, у каждого из которых есть тронный зал, в котором может собраться свита приверженцев. Эти приверженцы были источником королевской власти: от способности короля побудить друзей, родственников и чужеземцев собраться вокруг него, от его способности успешно возглавлять их на войне, кормить и награждать их царскими подарками зависели его власть и авторитет. В «Беовульфе» нам показан образ общества варваров с самой лучшей стороны.

И все же «Беовульф» выше этого: это поэма именно с христианской моралью, применимой к недавно обращенному в христианство народу; это первые шаги христианского героизма. Замечательно то, что

Беовульф убивает только драконов, но не людей. Легенды и история германцев полны войн и кровопролитных междоусобиц. Истинный героизм не в них, говорит автор «Беовульфа». Но в чем же он? Может быть, «Беовульф» — это примитивная христианская аллегория, означающая, что истинный героизм состоит в том, чтобы сражаться с духовными врагами, бесами, а не человеческими существами. На поверхности лежит значение, которое более всего могло бы посягнуть на аудиторию воина: «чуть меньше кровопролитных междоусобиц» — вот разве что они могли понять из этого; и само существование изображенного общества оказалось бы под угрозой, если бы все воины начали сражаться с драконами или биться на копьях с ветряными мельницами. Церковь занялась нелегким делом, когда приступила к обращению в христианство варварского мира. «Беовульф» показывает нам, что она отнеслась к этому серьезно, что она уже пыталась создать понятие христианского героизма, и этот идеал вполне мог запасть в душу многим из ее изначальной аудитории.

Центром сюжета «Беовульфа» является огромный зал, в котором король Дании и его приближенные собираются на вечерние пиры, где король чествует их и где происходит обмен дарами, рассказами и героическими балладами. «Такой успех на поле брани и такая огромная слава сопутствовали Хродгару, что его родичи горели желанием служить ему, и таким образом число его молодых слуг увеличивалось до тех пор, пока не превратилось в грозную армию. Ему пришло в голову приказать воздвигнуть здание, которое должно было стать самой большой пиршественной залой, в которой он мог одаривать молодых и стариков всем тем, что вручил ему Бог, за исключением государственных земель и человеческой жизни. И вот, как я слышал, по всему миру был разослан приказ о его постройке, и вскоре огромное здание

было закончено. Король назвал его Хеорот и сдержал свое обещание на пиру, на котором он раздавал кольца и сокровища. Высокое здание с остроконечной крышей высилось над головой; но ему еще предстояло пережить ужасный, бушующий пожар, когда со временем между Хродгаром и его зятем разгорелась смертельная междоусобица после оскорбления действием» (иллюстрация 4а).

Хеорот был большим, но простым деревянным строением; это был открытый, похожий на сарай зал. За последние годы в Англии были обнаружены остатки нескольких таких королевских залов: первый, самый замечательный, в Иверинге (Нортумбрия), где аэрофотосъемка обнаружила следы нескольких построек, а раскопки — выемки и отверстия для столбов в фундаменте нескольких залов, построенных из дерева. Хеорот был деревянным, и в конце концов его охватило пламя, и он сгорел. Это, вероятно, объясняет то, почему дворец в Иверинге несколько раз восстанавливали. Во время написания этой книги шли раскопки дворца саксонских и более поздних королей в Чеддаре (Сомерсет); была обнаружена группа построек, занимающая большую площадь, а в ее центре — саксонский пиршественный зал из дерева IX века или более раннего периода размером 90 на 18 футов.

Залы в Иверинге и Чеддаре, подобно Хеороту, были прежде всего пиршественными залами, где великий король или полководец трапезничал вечером в окружении своих приверженцев, воинов его свиты, которых связывали с ним крепчайшие узы верности. Великолепие зала отражало величие короля: говорят, Хеорот был обшит золотыми листами. «Когда мы сели пировать, — сообщает сам Беовульф, — король данов щедро наградил меня за эту победу в битве сокровищами и вычеканенным золотом. Затем начались песни и празднование, а патриарх Хродгар, у которо-

го в запасе всегда есть множество историй, стал рассказывать о давно прошедших временах и время от времени наигрывал на арфе приятную мелодию. Там и сям исполнялась какая-нибудь правдивая баллада с несчастливым концом, иногда король вспоминал какую-нибудь любопытную легенду в ее точном варианте...» Не всегда все было гладко. В «Беовульфе» как особый признак добродетели героя было отмечено, что, будучи навеселе, он не убивал своих приближенных, и приводятся несколько историй о том, как начинались или продолжались междоусобицы от взволнованного спора, подогретого крепким медом в «медовом зале», как его часто называли. Несмотря на такие периодически случающиеся нарушения порядка, вечер проходил по традиционному сценарию и заканчивался появлением королевы, которая обносила драгоценным кубком всех сидящих в зале, а затем уводила своего мужа в спальню. Спальня, очевидно, была отдельно стоящей постройкой, а в другой такой постройке, как повествуется в поэме, разместили Беовульфа, который еще гостем приезжал к королю данов. Дворец чем-то напоминал деревню — группа помещений и домиков, посреди которых находилась пиршественная зала; но только у великих мира сего были отдельные спальни. Большинство воинов спали в зале, включая доверенного советника Хродгара, которого во время сна схватила и унесла из Хеорота мать чудовища Гренделя. Только король и особо почетные гости могли рассчитывать на уединение.

Хеорот был штаб-квартирой короля и его приверженцев. Из него они днем отправлялись покататься на лошадях и на охоту, летом — в более дальние экспедиции, на войну, грабежи и междоусобицы, а также оттуда король правил своим королевством и там вершил суд. В Хеорот они возвращались, чтобы выпить, обменяться дарами, а в более серьезных случаях — держать совет.

В «Беовульфе» много говорится о золоте. Им облицован Хеорот, оно украшает королеву, король именуется «прославленным владыкой, дарующим золотые кольца». Каждое важное событие увенчивается обменом подарками, среди которых выделяются золотые кубки и позолоченные доспехи. В этом состояла основная часть жизни воинов-варваров в те времена, когда Римская империя на западе пала под натиском их оружия. Рим стал для них источником большей части их золотых запасов, но они использовали его по-своему. Они принимали изделия из золота как символ богатства и знатности: король должен иметь возможность демонстрировать его в своей пиршественной зале, на доспехах, на своей супруге. Он должен был иметь возможность одаривать им своих приближенных, но при этом оставаться богаче, чем они. Это означало, что необходимо было постоянно воевать, чтобы обеспечить себя соответствующими запасами добычи, собирать дань, получать дары и даже время от времени, возможно, торговать. И это одна из причин, по которым грабительские походы играли такую большую роль в истории и легендах V и VI вв. Это объясняет, почему самые большие запасы римского золота были обнаружены так далеко от Римской империи — в Скандинавии и в районе Балтийского моря — и как сокровища из Средиземноморья, Швеции и Галлии оказались собранными в Саттон-Ху.

Со временем золотой запас стал иссякать. Когда в VIII в. появились деньги, они были серебряными — как и везде на севере Европы в этот период. Даже в «Беовульфе» есть намеки на более прочную основу общественной организации. Король народа гаутов подарил Беовульфу меч, эфес которого был покрыт золотом, а также еще «зал и семь тысяч гайд земли». Это напоминает нам о том, что земля давно уже была самой постоянной формой богатства, что по мере

уменьшения запасов золота земля становилась обычным даром приближенным в награду за верность. В английских королевствах король был самым крупным землевладельцем, и он кормил своих придворных, либо перемещаясь от одной усадьбы к другой и поедая произведенные в ней сельскохозяйственные продукты, либо приказывал, чтобы их на кораблях или повозках доставляли к нему в пиршественную залу. В конце VII в. закон короля Уэссекса Ине гласил: «Оброк с 10 гайд: 10 бочек меда, 300 буханок хлеба, 12 амберов валлийского эля, 30 — чистого эля, две коровы или 10 валухов, 10 гусей, 20 кур, 10 головок сыра, 1 амбер масла, 5 лососей, 20 фунтов фуража и 100 угрей». Это было указание, а не точный перечень, но оно ярко напоминает нам о сложности управления хозяйством до появления постоянных средств денежного обращения, или соответствующей системы рынков, или приемлемых условий транспортировки. Однако задолго до Нормандского завоевания деньги и рынки развились так, как король Ине и мечтать не мог. И хотя транспорт был ужасным по современным меркам, он был тщательно организован, и «ферма одной ночи», как причудливо называли основную единицу оброка, могла быть переведена в наличные деньги, то есть повозки серебряных пенсов. Серебряный пенни был единственным имевшим хождение средством денежного обращения, которое существовало в этой стране между его введением Оффой и появлением золотых монет в XIV в.

«Беовульф» показывает нам общество, в котором воины посвящали себя верному служению своему господину и участию в его и своих собственных кровавых междоусобицах. Но совершенно ясно, что это не было их единственным занятием, и еще менее — единственной заботой изначальных слушателей поэмы. Не одного короля Нортумбрии Беда Достопочтенный называет образованным человеком, а королю

Келвульф у он посвятил свою «Церковную историю». Но чтобы быстрее всего исправить представление о том, что саксонские короли были просто варварами, следует бросить взгляд на «Жизнь короля Альфреда», написанную Ассером. Без сомнения, мы живем в более гуманном мире, чем мир Хенгиста (англосаксонский вождь, умер в 488 г. — *Пер.*) или Саттон-Ху. Мы должны учитывать сильный рост государственной организации и умения жить в мире. Но во времена Альфреда угрозу английским королевствам представляли армии захватчиков данов. «Англосаксонская хроника» рисует картину бедствия, и складывается отчетливое впечатление того, что даже победы Альфреду доставались нелегко и были непрочными, даже Уэссекс был на пороге распада. Альфред в силу сложившихся обстоятельств стал великим воином и воевал с охотой. Ассер сообщает нам, что вкус к этому он унаследовал. Он днем и ночью жадно слушал саксонские стихи, хотя нам и не сообщают, были ли это поэмы о героических междоусобицах или стихи религиозного содержания. И те и другие читались в Хеороте, и можно предположить, что и те и другие привлекали Альфреда. Он также был страстным любителем охоты, как и все успешные короли Средневековья: это был королевский вид спорта, который направлял энергию воинов на менее вредное занятие (по крайней мере, не было человеческих жертв), чем войну; он приучал людей к быстрым и энергичным действиям в полевых условиях, давал им возможность тренироваться.

Если это все, что нам известно об Альфреде, то нас следует извинить за то, что, в нашем понимании, его жизнь проходила в охотах, войнах и за пиршественным столом — так он, вероятно, провел большую часть своей жизни. Но мы также знаем и о некоторых других его делах, в которые он включался с не меньшим рвением. Он обратил свой проница-

тельный ум к долгосрочным проблемам обороны королевства, укрепления городов, совершенствования боевых кораблей, реорганизации армии. Он считал, что у короля должны быть люди, которые молятся, и люди, которые работают, а также воины, и он очень заботился о церкви и пытался (неудачно) основывать монастыри. Он заботился о своих поместьях и обо всех своих подданных; он издал основательный сборник «законов», интересовался деятельностью судов и пытался поднять уровень служителей закона. Королевские доходы были поставлены на новую основу. Самое удивительное, что он находил время для интеллектуальных занятий: он организовал семинар ученых людей для перевода основных наставлений и религиозных произведений на английский язык и сам принимал активное участие в переводе. Он хотел править королевством образованных людей — мечта такая же безнадежная, хоть и вдохновляющая, как и многие его планы. В тронном зале Чеддара Альфред, вполне вероятно, отдыхал от охоты и пировал со своими приближенными, как Хродгар в Хеороте. Огромный зал является символом королевского правления агрессивного, военного типа. Но еще очень многое происходило в нем и за его стенами. И хотя Альфред был исключением, его жизнь показывает, что мог делать король, демонстрирует его кругозор, а его разнообразные занятия напоминают нам о том, что у каждого короля было много дел, помимо пиров в пиришественной зале.

Именно во времена Альфреда мы впервые слышим о деятельности королевского казначейства и о королевской печати. Королевская казна содержала драгоценные камни и металлы, а также монеты. До завоевания не велись никакие письменные отчеты, и ценность представляют немногие записи любого рода. Но по меркам того времени английская казна была довольно хорошо организована: король и его чиновники над-

зирали за чеканкой монет. У короля были разнообразные источники дохода, который стал со временем включать некоторые формы прямого налогообложения, и ясно, что он мог располагать значительными суммами денег. Казна обычно была слишком объемной, чтобы большую ее часть возить с собой, и у последних саксонских королей, очевидно, она имела постоянные места хранения, главным из которых, несомненно, был Винчестер. В королевской спальне, где бы король ни останавливался во время своих путешествий, хранился сундук с драгоценными камнями и деньгами на сиюминутные нужды. С королем всегда ездили секретари. Огромные хартии во времена короля Этельстана могли быть написаны королевскими писцами или, возможно, монахами или аббатами, которым было поручено это дело. Сомнительно, чтобы королевские писцы обычно писали королевские хартии во времена до Этельстана или в конце X и начале XI в. Однако большая хартия на латыни была заменена на гораздо меньший «указ» на английском языке как средство выражения монаршей воли. Указ представляет собой особый интерес, так как это была первая серьезная попытка сделать правление частично грамотным и первый документ, к которому была приложена большая печать. Нам известно, что у Альфреда была печать, но ни одного образца английской королевской печати со времен, предшествующих правлению Эдуарда Исповедника, не сохранилось. К тому времени было обычной процедурой, когда королевский дар в виде земель или привилегий письменно фиксировался в виде короткого указа на английском языке и отправлялся в суд графства, к которому это имело отношение. Там чиновник мог прочесть указ собравшимся людям, и, хотя они не могли проверить правильность того, что он читает, так как большинство из них были неграмотными, они могли, по крайней мере, увидеть большой кусок воска с отпечатком

большой печати. Именно она являлась самым лучшим средством, устанавливающим подлинность документов, прежде чем большинство людей стали достаточно грамотными, чтобы подписывать свои имена. Во времена нормандцев в суде графства не каждый понимал английский язык — языком нормандских господ был французский язык, — так что указ стал соответствовать обычному письменному соглашению того времени и писался на латыни, а потом истолковывался слушателям на том языке, какой они понимали. Но указ оставался основой всех документов, скрепленных большой печатью и изданных после завоевания. Таким и другими способами нормандцы просто перенимали, адаптировали и развивали то, что они нашли.

Жизнь последнего саксонского короля описана идиллически наивно его первым биографом, который делал это, наверное, еще при его жизни: «Таким образом, эти правители (эрл Гарольд и его брат) обезопасили королевство со всех сторон, и жизнь доброго короля Эдуарда протекала в безопасности и мире. Он много времени проводил на полянах и в лесах, предаваясь охоте. После церковной службы, которую он охотно посещал каждый день, он занимался с соколами и им подобными птицами, которых ему приносили. Его радовали лай и возня гончих. За такими занятиями он иногда проводил целый день, и лишь в них он действительно по природной своей склонности черпал житейские удовольствия». Далее автор пишет, как усердно Эдуард «исповедовал христианскую религию», с какой радостью встречался с аббатами и монахами, особенно из других стран. «Обычно он с кротостью ягненка и безмятежностью духа стоял на церковных службах — верующий в Христа на виду у всех верующих, и в такие моменты он редко разговаривал с кем-нибудь, если только к нему не обращались» — весьма необычное достоинство. Другие короли во время месс сплетничали, и говорят, что

Генрих I выбрал одного из своих видных приближенных в священники, потому что тот мог закончить службу в рекордно короткое время. «К тому же следует сказать, что он демонстрировал пышный королевский наряд, в который королева обязательно одевала его. А он бы не заметил, если бы его одевание было и не таким роскошным. Однако он был благодарен королеве за ее внимание к нему в таких вопросах и в разговорах со своими близкими друзьями добродушно отмечал ее рвение в самых признательных выражениях. Он с великим состраданием склонялся к бедным и немощным и полностью содержал небольшое количество таких людей не только при своем королевском дворе, но и во многих уголках своего королевства. В конце концов, его супруга не удерживала его от этих добрых дел, во главе которых он стоял, а, скорее, побуждала его не медлить с ними, и часто даже она сама играла в них ведущую роль. Так как если он подавал бедным время от времени, то она была щедра, но направляла свою щедрость на такие добрые цели, чтобы также подчеркнуть и высочайшее благородство короля. И хотя по обычаю и закону трон королевы всегда стоял рядом с тронном короля, она предпочитала — кроме церкви и королевского застолья — сидеть у его ног, пока король случайно не касался ее рукой или жестом не приглашал или повелевал ей сесть рядом с ним».

Эта картина королевской жизни явно однобока. И хотя в конце своей жизни Эдуард, по-видимому, предпочитал поручать часть своих дел подчиненным: армию — «второму человеку после короля» Гарольду, как его называл один автор, а управление страной — эрлам, епископам и шерифам, — эта картина апатичной святости, нарушаемая время от времени хорошей охотой, вероятно, сильно гиперболизирована. Тем не менее мы видим на ней средневекового короля в двух характерных местах — в поле на охоте и в церкви.

Далее автор описывает рвение Эдуарда при восстановлении Вестминстерского аббатства, которое он расширил и в знак своей преданности Богу и св. Петру обеспечил постоянным доходом. В нем был поставлен памятник ему, и оно стало, без сомнения, подходящим храмом для самого большого из его дворцов. Во второй части «Жизни» король Эдуард находится на пути к тому, чтобы стать Эдуардом святым — Эдуардом Исповедником, «избранным Богом еще до его рождения и благословленным на царство не столько людьми, сколько небесами». Настоящим «избирателем» был Бог; король — его помазанником. И нам говорят о том, насколько правильно это было в случае с Эдуардом, так как через него при его жизни Бог совершал чудеса исцеления.

Эдуард был святым, *sanctus*, в силу своего положения, а также благодаря всей своей жизни. Последнему утверждению, впервые высказанному во второй части «Жизни», написанной вскоре после смерти Эдуарда, потребовалось какое-то время, чтобы созреть. Оно было не настолько очевидно другим современникам Эдуарда, как автору произведения. В конце концов оно принесло свои плоды, когда в 1161 г. вестминстерские монахи, обладавшие драгоценной реликвией — его телом, при поддержке Генриха II и большой группы выдающихся церковнослужителей получили от папы Александра III буллу о его канонизации. Александр возвел его в ранг святого; монахи Вестминстерского аббатства установили раку с его мощами позади высокого алтаря. На глазах народа была провозглашена святость королевской власти. В те времена люди с трудом проводили различие между королем и его функциями — это было единое целое; верность имела личную направленность на человека. Но в XII в. утверждали, что король может делать святые дела, даже если он сам не святой, как священник.

Во времена Вильгельма Рыжего и Генриха I нормандский священник не знал меры, говоря о короле, его власти и его личности. Священное миропомазание изменяет человека, делает его помазанником Божиим, наместником Христа, его alter ego (другое «я» — *лат.*), святым исполнителем святых функций. Нормандский аноним, одно время известный как Аноним из Йорка, здесь представляет старые традиционные понятия о королевской власти и Божественном происхождении короля, доведенные до логической крайности с помощью возрожденной логики конца XI в. Он также предлагал на обсуждение учение, которое имело тенденцию вбить клин между королем и его функциями: нравственной властью, которую он приписывает королю, могли бы обладать Альфред или Эдгар или даже Эдуард, но вряд ли Вильгельм Рыжий или Генрих I. Тем не менее во времена нормандцев сакральность власти короля принималась всеми, хотя и отвергалась в своей крайней форме папой римским. Самым интересным из чудес, сотворенных Эдуардом, был первый в Англии пример «прикасаия к золотушному» для излечения от золотухи. Вскоре это стало обычной королевской практикой во Франции и Англии. По-видимому, она существовала уже во времена Генриха I, наверное, чтобы подчеркнуть священную власть, которую Генрих унаследовал, родившись после того, как его родители были миропомазаны монархами, и которую он утвердил, женившись на наследнице рода Кердика.

Нормандские короли были святыми людьми, как и их предшественники, они перенимали многое из того, что они находили в каждом аспекте своей королевской власти. Сфера их деятельности не сильно отличалась от сферы деятельности саксонского короля, хотя объем административной работы при дворе и в королевской семье постоянно увеличивался. Но их одежда и постройки, в которых они жили, изменились больше. Беовульф, подобно неизвестному

воину из Саттон-Ху, отличался своими дорогими доспехами, особенно шлемом, «инкрустированным золотом, скрепленным роскошными обручами и украшенным изображениями вепрей». На гобелене из Байо Вильгельм и Гарольд изображены в полном комплекте доспехов, но их нельзя отличить от их приближенных, разве что благодаря надписям. На всех надеты кольчуги, конические шлемы с щитком для носа, а в руках ромбовидные щиты и меч, или булава, или топор, или копье. Шлем с короной, отличный головной убор королей, видимо, вошел в употребление с Генрихом I (1100—1035). Но гобелен также изображает Эдуарда и Гарольда, сидящих на троне как короли, с особыми королевскими эмблемами. Золотой шлем был, очевидно, самым древним головным убором саксонских королей, а украшенная драгоценными камнями корона позднероманского стиля появляется на первых монетах. Мы не знаем, когда впервые была надета корона. Она есть на некоторых монетах короля Этельстана (925—939) и на его же портрете (иллюстрация 6а). Королевские знаки отличия появились во время коронации короля Эдгара в 973 г. Скипетр наряду с короной стал использоваться в качестве особого символа королевской власти, и к нему вскоре добавилась держава — в подражание франкским и германским монархам, особенно германскому королю Оттону Великому, который был коронован как римский император в 962 г. Корона Этельстана представляла собой обыкновенный металлический обруч с зубцами, простой по форме. Ко времени правления Эдгара зубцы превратились в геральдические лилии; такая корона изображена на портретах Эдгара, Кнуда, Эдуарда Исповедника и Гарольда. Корона Завоевателя была работы греческих умельцев, покрыта арабским золотом (так повествует нам Гай Амьенский) и украшена египетскими самоцветами; она сверкала металлическими

звездами и драгоценными камнями на двойном обруче. По форме она, возможно, напоминала венгерскую корону XI в. и, наверное, корону Оттона Великого, которая в наши дни находится среди императорских сокровищ в Вене. В ней можно увидеть сознательное подражание Вильгельма величию германских императоров. Он укреплял свои собственные сомнительные притязания, еще больше усиливая внешнее величие королевской власти.

Очень трудно воссоздавать дворцы первых нормандских королей. В настоящее время не сохранилось ничего от первых дворцов в Вестминстере или Винчестере, самых основательных из всех их дворцов. Возможно, Чеддар, которым еще пользовались до времен правления короля Иоанна, покажет, изменили ли нормандцы в корне стиль жизни своих предшественников. Насколько нам известно, сначала их дворцы не отличались чем-то особенным: это был большой комплекс построек с огромным пиршественным залом посередине. У нормандцев была страсть к возведению больших построек из камня, и с течением времени огромный зал с пристройками из бревен заменил зал из камня, подобно прекрасному огромному залу Винчестерского замка. Но он относится к XIII в. и находится на месте замка, а не старого дворца.

Каменный замок был характерным новшеством нормандцев. В каждом большом городе нормандцы строили замок — многие из них от имени короля. И каждый нормандский барон имел свою резиденцию в одном или иногда нескольких замках. Сначала они не всегда строились из камня. Но сам Завоеватель завел моду, которой с все возрастающим рвением следовали в XII и XIII вв. крупные бароны, — строить большие каменные замки, которые могли служить и крепостью, и жилищем. В большинстве больших замков, как и в королевских дворцах, главные постройки домашнего назначения не были частью укреплений,

хотя они могли примыкать к замковым стенам с внутренней стороны. Но в огромной главной башне лондонского Тауэра (см. вклейку), построенной самим Завоевателем, главные жилые комнаты были включены в состав центральных оборонительных сооружений замка. Помимо погребов, комнат для стражи и небольших домашних служб в этих огромных каменных башнях обычно находились два помещения общего пользования, расположенные либо рядом друг с другом, либо одно над другим, и часовня. В часовой комнате король или крупный феодальный сеньор каждое утро слушал мессу, а если он был особенно благочестивым, то посещал и другие службы тоже. В большом зале жили, ели и спали его домочадцы; в другом зале, который представлял собой помещение, обычно такое же или почти такое же большое, как и зал, король собирал совет и жил, удалившись от толпы, со своей семьей и ближайшими советниками и слугами. Здесь же находились его драгоценности и та часть его казны, которую он возил с собой. Этот зал, возможно, в каком-то смысле исполнял функцию личных покоев короля, но ему очень редко удавалось в нем побыть одному или вообще не удавалось. Вполне возможно, что король с королевой имели больше возможностей побыть наедине в своих дворцах больших размеров. И в конце Средневековья в больших домах стало появляться больше личных покоев. Время, когда люди, занимавшие и менее заметное положение в обществе, стали иметь личные покои, когда любой человек мог надеяться провести в одиночестве хотя бы самые интимные моменты своей жизни, было в далеком будущем. Залы и замки были предназначены для демонстрации богатства, а не для удобства. По праздникам Хеорот увешивали «золотыми гобеленами» и другими украшениями, как и многие нормандские замки. Но их прочная мебель состояла лишь из лавок и столов. Когда наступала ночь, лавки убирали,

а «на полу расстилали постельные принадлежности и подушки». Вероятно, и в нормандском замке было не иначе. Стену украшали гобелены, но на полу, вероятно, не было ковров, на стульях не было обивки, а в окнах — стекло. Стекло стало входить в моду в XII в., но на протяжении Средневековья оно оставалось редкостью и роскошью, а знатный человек, имевший оконные стекла, возил их с собой из дома в дом. Так как зал обычно освещал и согревал огромный открытый очаг, расположенный посередине, то открытые окна имели свои преимущества, но нормандцы никогда не жили без сквозняка.

Подобно Эдуарду Исповеднику, нормандские короли были страстными любителями охоты. Они многое добавили к понятию «лес», которое означало не местность, покрытую деревьями, а пространство, на котором действовали особые законы, приводились в исполнение особые наказания, предназначенные для обеспечения сохранности дичи, особенно оленей и кабанов. В таких местах звери были ценнее, чем люди. Хорошо известно, что первые нормандцы создали или, скорее, расширили Нью-Форест (в переводе с английского «Новый Лес». — *Пер.*). Менее известно, что они могли проехать верхом из Виндзора через Нью-Форест к морю, не покидая территорию, на которой действовали лесные законы, что все графство Эссекс было «лесом», что лишь три английских графства были полностью независимы от лесного закона и что, вероятно, не было в Англии уголка, удаленного от леса более чем на пятьдесят миль. Вильгельм I, пишет английский летописец, любил крупных оленей так, будто был их отцом.

Жизнь Эдуарда Исповедника на склоне дней, по видимому, была относительно спокойной. Нормандские короли редко жили в мире с соседями и никогда — с самими собой. Их жизнь представляла собой активную и лихорадочную деятельность: они охоти-

лись, сражались, занимались зачатием детей, ведением переговоров для заключения выгодных браков своих детей, принимали прошения, определяли размер налогов для баронов, выносили приговоры, боролись за поддержание элементарного порядка и благосостояние страны, основывали монастыри, предавались традиционному, иногда сенсационному благочестию и совершали обычные преступления.

У нормандцев королевская власть была в каком-то смысле властью диктатора: для нее не существовало строгих и четких границ. Считалось, что король советуется со своими советниками, но кто были его советники? Когда ему приходилось с ними советоваться? По каким вопросам? Кто мог его к этому принудить? На эти вопросы не было простых ответов. И все-таки мы ошибемся, если представим себе короля, не связанного никакими ограничениями. Причин этому было две. Во-первых, обычай, возможно, и не говорил об этом определенно, но он был у всех глубоко внутри, и его поддерживали клятвы, данные королем при восшествии на престол, по крайней мере в 1066 г., а иногда (как в случае с Генрихом I и Стефаном) и официальная хартия, полученная от нового короля в обмен на поддержку и верность его подданных — грамота, в соблюдении положений которой Генрих был слишком решителен, а Стефан слишком робок. Но хартию Генриха I можно было извлечь и сунуть под нос королю Иоанну накануне принятия Великой хартии вольностей. Во-вторых, «самодержавие» наших дней может иметь инструменты для осуществления своей воли. До появления регулярных армий и полиции, когда не было средств связи быстрее, чем скачущий конь, когда дороги в лучшем случае отдаленно напоминали римские, а в худшем были *l'endroit où on passe* (место, где можно пройти — *фр.*), король вынужден был полагаться на поддержку своего народа, если хотел, чтобы его правление было эффективным. В середине

Средних веков Англия была самой управляемой страной в Европе, потому что в ней была самая развитая система местного управления. В суде графства королевские судебные чиновники встречались с местными представителями знати и сходились или расходились во взглядах на проблемы элементарного управления. Силу английского местного управления и его преемственность иллюстрирует тот факт, что границы английских графств были установлены великими королями в X в. и серьезно не оспаривались до появления комиссий по граничным вопросам в XX. Это не значит, что мы должны видеть демократию в X в. или парламент — в витане. Люди, с которыми королю приходилось советоваться, были маленькой частью населения, которое составляло, наверное, около трех процентов современного населения страны. Это грубая оценка. Единственный период, охваченный этой книгой, о котором мы можем сказать чуть больше, это время появления Книги Судного дня (книга с данными первой государственной всеанглийской переписи населения, проведенной в 1086 г. по повелению Вильгельма Завоевателя, содержит также земельный кадастр; название народное по ассоциации с книгой, по которой на Страшном суде будут судить людей. — *Пер.*). Даже она не совсем надежный справочник. Но если мы скажем, что в Англии в 1086 г. жили полтора миллиона человек и было приблизительно двести баронов, с которыми приходилось советоваться королю, то мы не сильно ошибемся. И мы можем быть вполне уверены в том, что в X в. населения было меньше, а витан — больше. И только советуясь со своими видными подданными, король мог надеяться иметь власть и править. Только приезжая в различные уголки страны, он мог надеяться добиться преданности своих подданных и удержать ее.

Винчестер был главным городом Уэссекса на протяжении нескольких веков. Лондон был главным го-

родом Англии даже дольше — с римского завоевания, за исключением, вероятно, периода после того, как римляне ушли. Но у нас сложилось бы неправильное представление о правлении саксов или нормандцев, если бы любой из этих городов в указанный период мы назвали бы столицей Англии. Правительство путешествовало вместе с королем по его многочисленным резиденциям. Витан собирался там, где он созывал его. Вильгельм I собирал официальные советы в Рождество, на Пасху и Троицу. Когда он находился в Англии, совет собирался в Глостере, Винчестере и Вестминстере соответственно. Короли возили с собой часть своих денег и целый штат секретарей. У них действительно в разных местах имелись постоянные казначейства, самое главное находилось в Винчестере. В XII в. оно перебралось в Вестминстер со всем штатом финансовой администрации. Но для простого человека королевский сан означал личность короля, когда он встречал его во время путешествий, на охоте, в торжественном шествии. Если у современных англичан правительство ассоциируется с Уайтхоллом, Даунинг-стрит и парламентом, то он себе представлял при этом королевский двор.

Нельзя точно сказать, кто относился к королевскому двору в те далекие времена, но нам помогает то, что вскоре после смерти Генриха I один из его секретарей составил перечень чиновников, состоявших при королевском дворе. Этот документ показывает, что число королевских служащих внимательно отслеживалось, а жалованье им платилось лишь в том случае, если они исполняли свои обязанности. Он касался платы, а не обязанностей чиновников, но складывается впечатление, что Генрих I жестко регулировал и размер их жалованья, и функции. Тем не менее согласно документу при дворе короля было предположительно сто, а возможно, и гораздо больше человек на постоянной службе, начиная от глав ве-

домств с жалованьем 5 шиллингов в день до прачки, размер жалованья которой остается невыясненным. Канцлер был настоятелем дворцовой церкви и главой службы писцов (странно, но это один департамент). Двое управляющих, которых называли «виночерпиями», отвечали за буфетную и кухню, дворецкий — за кладовую и винный погреб, главный управляющий и казначей между собой управляли казначейством, казной и недавно созданным ревизионным департаментом. В ведении констеблей была королевская армия и конюшня. Канцлером обычно был ведущий церковнослужитель, который рано или поздно, вероятнее всего, получал награду в виде епархии. Казначеем был иногда человек духовного звания, а иногда мирянин. Другие ведомства возглавляли известные бароны, государственные министры в зачаточном, так сказать, состоянии. Дворецкий действительно был церемониймейстером, а не просто слугой. У каждого из этих высоких чинов имелся штат подчиненных, которые выполняли реальную работу. Самым многочисленным, что характерно, был штат охотничьей прислуги: четыре горниста, двадцать сержантов, разные псары, рыцари-охотники, простые охотники, смотритель и кормилец гончих, охотники с обученной сворой (держали гончих на длинных поводках), смотритель малых гончих, охотники на волков, лучники.

Двор не сидел на одном месте. В хозяйстве имелся смотритель королевского шатра. Он был большой, но его следовало держать наготове для частых и изнурительных поездок верхом вместе с повозками, волами и выючными лошадьми. Обоз был средоточием правительства: с ним путешествовали архивы, королевские драгоценности и часть королевской казны; лишь государственное казначейство постоянно находилось в Винчестере. Это был великолепный двор великого властителя, пышность которого должна была произ-

водить впечатление на его гостей. Это также было организованное домашнее хозяйство с залом для приемов, буфетной, кладовой и кухней. Это был штаб военачальника с констеблями и маршалами для командования войсками. Но по мере того как глаза блуждают по страницам перечня, они то и дело возвращаются к последнему пункту: штату охотничьей прислуги. Он напоминает нам о том, что всепоглощающим занятием средневековых королей была охота. Это памятник жестокому спорту, в котором людей и животных приносили в жертву, чтобы получить удовольствие от приключения, зачастую более разрушительного, чем средневековая война, в сравнении с которым современная охота — под постоянным наблюдением Лиги бескровных видов спорта — сравнительно гуманное занятие. Это также личный памятник человеку, который получил королевство на охоте.

Глава 4

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Такова в общих чертах была власть саксонских и нормандских королей. Теперь мы можем обратиться к завораживающей проблеме ее происхождения. При этом мы должны хорошо держать себя в руках, следовать за настоящими путеводными нитями, идти по тропинкам, которые нанесены или могут быть нанесены на карту, и избегать необдуманных предположений, к которым такие темы всегда нас располагают.

В этих поисках мы можем получить некоторую помощь в трудах социологов-антропологов. Они изучили общественные институты современных народов в различных государствах на стадиях дикости, варварства и цивилизации. Во многих из них существовали высокоразвитые представления о королевской власти, во многих же не было никаких. Они предупреждают нас, что королевская власть не является «естественной» или «неизбежной» характеристикой общества любого типа, и показывают, что королевская власть в том или ином виде была очень широко распространена во многих различных уголках мира. Она явно отвечает каким-то ощущаемым потребностям человеческого общества; как именно — трудно сказать. В основном королевская власть имела религиозное и военное значение. Мы поступим правильно, если рассмотрим англосаксонские войны и религию на начальном их этапе.

Главный урок, который преподает нам современная антропология, — это, видимо, предупреждение о на-

шем невежестве. Когда современные человеческие общества, не имеющие письменности, были впервые изучены с помощью научных методов, появились попытки проследить историческую эволюцию их механизмов, основанные отчасти на неких предположениях о том, как функционируют общества, а отчасти на выводах, сделанных из устных преданий самих народов. Метод установления исторической правды таким способом в настоящее время назван несостоятельным: он порождал массу пленительных догадок, часто противоречивых. Антрополог в наши дни изучает структуру, механизм функционирования общества, как он его видит. И если он говорит об истории, то это «структурная» история, то есть он строит модель в рамках двух или трех поколений, которая демонстрирует, как работает существующее общество. Так, он может прояснить и уточнить данные о нынешних событиях, а также выявить смысл устной народной «истории». Устная история может часто содержать фрагменты подлинных преданий, уходящих в века; в исключительных случаях эти фрагменты могут почти не изменяться на протяжении поколений. Но устная история в том виде, в каком мы видим ее сегодня, представляет собой смесь древних и новых преданий, подлинных и сфальсифицированных рассказов. Она предназначена для того, чтобы объяснять настоящее, — грубая попытка по праву «структурной» истории, несознательная попытка описать прошлое ради него самого. Но, просто изучая широко распространенные устные предания, мы не можем рассчитывать на то, что сможем отличить старое от нового с той или иной степенью точности. Мы можем только подтвердить существование старого, если более ранние письменные документы или археологические находки подтверждают это. Это помогает объяснить, почему подлинные предания в совершенно разных странах могут смешаться. Чувство времени, в смысле веков и десятилетий, очень

обманчивое понятие. Для большинства народов, особенно первобытных, тысячелетие воспринимается как «вчера» или, по крайней мере, «позавчера». Тех, кто изучает средневековые источники, постоянно сбивает с толку то, что правдоподобная история и самая буйная фантазия часто идут бок о бок, будто были в равной степени вероятны. Отчасти это происходит оттого, что в Средние века мир событий отличался от нашего и был населен демонами, и чудовищами, и необыкновенными чудесами, которые склонны ставить нас в тупик отчасти потому, что лишь немногие люди имеют какое-то конкретное представление о прошлом. Историк вроде Беды Достопочтенного мог с серьезными намерениями приступить к сбору воедино своих материалов в связное историческое повествование. Но он был редким и поразительным исключением. Для большинства людей прошлое существовало лишь в тех пределах, в каких они или их друзья его могли вспомнить. События прошлого записывали только постольку, поскольку оно заинтересовало их или помогло объяснить события настоящего.

Исключительным примером является широко распространенная как в современном, так и средневековом мире практика записи родословной человека. Исследование родословной человека у первобытных народов и в практике современных антропологов является собой высокотехническое и утонченное искусство. Родословная существует — помимо всего прочего — для того, чтобы установить право человека на землю, зафиксировать степень его родства в племени или народе, который владеет всей страной, в которой он живет. Если она достигает своей цели, не имеет значения, представляет она подлинные отношения или нет. Действительно, в тех обществах, в которых правила наследования очень сложные и неизвестно наследование по мужской линии, родословная явно не представляет собой такое родовое дерево, к которому мы привыкли.

Первые англосаксонские родословные имеют целью установить порядок наследования в королевствах и могут содержать подлинные списки королей. В них также может оказаться некоторое количество вымысла, и вряд ли они дадут нам верное представление о предках человека. Но в некоторых случаях, как мы увидим, даже это не совсем невозможно.

Современная антропология предупреждает нас о нашем невежестве и еще одним, более основательным способом. Изучающие ее полагаются на живую материю. Подобно психологам, они могут проанализировать свой материал, задать ему любые вопросы по своему желанию, изучить его реакции на проблемы, которые они сами выбрали. Они не станут описывать общество или тип королевской власти, который они не подвергли этим испытаниям. У историка есть преимущество: он может глубоко изучить свои жертвы, но их структуру — так, как понимает ее антрополог, — он не может изучить совсем. Он может найти отпечаток босой ноги дикаря Пятницы на песке, но не может встретиться с ним лицом к лицу.

«Его родословная, — писал Ассер о короле Альфреде (871—899), — сплетается таким образом: Альфред был сыном Этельвульфа, сына Эгберта, сына Эльмунда, сына Эфы, сына Эппы, сына Ингильда; Ингильд и Ине были братьями, сыновьями Кенреда, сына Келвальда, сына Куты (Кутвульфа), сына Кутвина, сына Кевлина, сына Кинрика, сына Креоды, сына Кердика, сына Элеса, сына Гевиса, сына Бронда, сына Бэльдега, сына Водана, сына Фритувальда, сына Фрелафа, сына Фритувульфа, сына Финна, сына Годвульфа, сына Геата (которого «язычники долго чтили, как бога»), сына Тэтвы, сына Бо, сына Скелдве, сына Херемода, сына Итермона, сына Хатры, сына Хвалы, сына Бедвига, сына Сета, сына Ноя, сына Ламеха, сына Мафусаила, сына Еноха, сына Малалеля, сына Ханаана, сына Еноса, сына Сета, сына Адама».

Этот список не нуждается в дополнениях. Тем не менее большая его часть была плодом современных умозрительных построений. В начале IX в. люди твердо верили в то, что западносаксонские короли — потомки Кердика. Нет нужды говорить, что существовала такая же твердая вера в то, что они также и потомки Адама. Основными звеньями цепи между Кердиком и Адамом были Водан, Геат и Сет. Все эти звенья были выдуманы в начале или середине IX в. Короли почти всех саксонских королевств утверждали, что ведут свой род от Водана. Как это ни странно, западные саксы в те далекие времена, видимо, не заглядывали назад дальше Кердика. Этот недостаток в настоящее время возмещен: добавлена часть генеалогического древа Нортумбрии, относящаяся к королевству Берниция, и между Кердиком и Воданом появилась связь; а Водан стал общим предком западных саксов и почти всех саксонских родов.

Водан был верховным богом пантеона германцев, вождем германских народов — хотя это положение оспаривал Тор. Его имя сохранилось в названиях таких мест, как Веднесбери и Веднесфилд, а также в английском переводе с латыни *dies Mercurii* (день Меркурия) — *Wednesday* (среда), а по-французски *mercredi*, точно так же, как *Thursday* (четверг) — это *Thor's day* (день Тора) или *Jupiter's day* (день Юпитера), а по-французски *jeudi*. Представление о том, что короли предположительно ведут свой род от него, было очень древним. Но изначально у него самого не было предков. Вероятно, королевские менестрели ничем не прославившегося королевства Линдси (в Линкольншире) поддержали убывающий авторитет своих владык, продлив их родословную на несколько поколений, предшествовавших Водану, до Геата, и это стало частью общепринятых верований о происхождении английских королей. Следующий этап несколько неясен. Но, видимо, Геата некоторое время

спустя стали отождествлять с другой легендарной личностью с таким же именем, чьи предки были уже внесены в анналы. И это дало возможность продлить родословную всех саксонских династий до некоего Скифа. Возможно, это был тот самый Скиф, похороны сына которого по имени Скильд на корабле послужили толчком к написанию «Беовульфа». Согласно «Беовульфу», Скильда положили на корабль, когда тот умер. В нем, а также в других древних преданиях говорится, что он начал свой жизненный путь на корабле. Но каким таинственным способом его отец стал сыном Ноя и родился на ковчеге, совсем неясно; но у Ассера ему уже дано еврейское имя Сет, и в генеалогии он исполняет функцию Иафета. И с того момента дальше все просто.

Если мы внимательно посмотрим на родословную Альфреда, мы увидим, что нет никаких древних преданий, в которых говорилось бы о его предках до Кердика. Поразительно, что саксонский род, которому в конечном счете было суждено дать Англии ее королей, имел самые короткие и путанные древние предания. Имена всех королей от Кердика до Кенреда, отца Ине, начинались на букву «К». Возможно, эта аллитерация была установленной традицией: имена всех последующих королей после Ине до Эдгара Этелинга начинались с гласной. Но вряд ли порядок наследования был такой безупречный. Удивительно, что переход от начальной буквы имени с согласной «К» на гласную происходит именно тогда, когда этот род начинает занимать более заметное положение. И хотя некоторые члены этого рода, без сомнения, исторически установленные лица, вероятно, какие-то имена были добавлены из средневекового эквивалента нашего телефонного справочника, так что отчасти это выдумка. И что самое странное, основатель рода, видимо, и вовсе не был саксом: его имя Кердик, или Кередиг, — валлийское.

Давайте на время отложим тайну Уэссекса и посмотрим, почему историки излишне легковерно относятся к другим родословным. Самым замечательным из всех является список королей Линдси, который, в сущности, представляет собой единственное свидетельство истории этого королевства. Он пребывал в забвении, пока сэр Фрэнк Стентон в своей блестящей статье не показал, как его можно использовать для освещения истории этого королевства и всей Англии. Десять имен приводят нас к Водану, и ни одно из них не может быть точно идентифицировано. Да и Водан не дает нам никакого точного хронологического начала, еще меньше это делают загадочные имена, которые уносят нас во времена после него. Но сэр Фрэнк заметил в этом списке четыре замечательные вещи: список, без сомнения, древний, так как в нем значатся древние саксонские имена, которые позднее вышли из употребления — вроде имени Винта, стоящего рядом с Воданом, которое не сохранилось ни в одном документе, но о его существовании известно из стародавних географических названий; четвертое имя от Водана обнаруживает кельтское влияние, то есть оно относилось к временам, когда происходило смешение двух народов; седьмое имя Бископ (= Bishop, епископ — *англ.*) демонстрирует влияние христианства и должно относиться к периоду после обращения Линдси в христианство, то есть самое раннее к VII в.; а десятый и самый последний король носил имя Алдфрит, точно такое же, что и неопознанный король в южно-саксонской хартии времен короля Мерсии Оффы. Методом исключения тождество этих двух королей становится очень вероятным. И это объясняет, почему родословная заканчивается Алдфритом — мелкие династии англов в большинстве своем не устояли перед превосходством Мерсии. Таким образом, есть вероятность, что генеалогическое древо Линдси является подлинным или, по крайней мере, подлинным спи-

ском королей. Можно добавить, что если отсчитать назад поколения до Винты, то может показаться, что эта династия началась в конце V в. Это очень рискованный способ вычислений, но он наводит на мысль о том, что Винта мог быть первым королем Линдси, а не англом с континента, подобно основателю мерсийской династии.

Различные факты заставляют думать, что генеалогическое древо Мерсии является одним из самых древних, дошедших до наших дней. И в момент, который, по-видимому (путем отсчета поколений), выпадает приблизительно на конец IV в., возникает имя Оффы, который в древней легенде сыграл почти такую же выдающуюся роль, какую в VIII в. сыграл его великий тезка в истории Мерсии и Англии. На самом деле король Мерсии Оффа, по-видимому, был потомком какого-то англа с континента с таким же именем, который процветал за век до того, как саксы появились в Англии.

Все споры о королях германцев в конце концов приходят к краткой фразе из «Германии» Тацита (I в. н. э.), слабому основанию, на котором воздвигнуты многие большие здания: «Королей они выбирают по благородному происхождению, военачальников — за их доблесть» (*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*). Ясно, что многие успешные *duces* (военачальники) стали со временем королями, и для некоторых из них было придумано благородное происхождение. Но вполне может быть и так, что основателями Линдси и Мерсии были *reges* (короли — *лат.*), точно так же как мы можем быть уверенными в том, что Кердик был *dux* (военачальник — *лат.*) — валлийский наемник, который, возможно, стал военачальником у саксов. И если это словосочетание звучит странно для нашего уха, давайте вспомним, что в V в. римлян иногда можно было встретить на службе у готов и гуннов, а гунн Одоакр стал фактически правителем Рима.

Кроме того, я сомневаюсь, может ли помочь нам современное изучение генеалогии. Она предупреждает нас, что следует искать среди фактов вымысел и факты в вымысле. Она также предупреждает нас, что следует искать объяснение в изначальной форме родословной в условиях общественной организации племени, частью которой она является. Но это последнее предупреждение для нас бесполезно: мы не знаем, какую форму любая из этих родословных имела до VIII в., и нам известно слишком мало об общественной организации англов и саксов, чтобы знать, как она могла влиять на их родословные.

Слово *king* (король — *англ.*) существует во всех известных германских языках. Кажется, что все народы германцев имели этот общественный институт в то или иное время. Х.М. Чедвик полагал, что это слово изначально имело значение «сын семьи», подчеркивая, что короли выходили *ex nobilitate* (из знати). Но дошедшие до нас факты не позволяют нам обсуждать природу «королевской власти у германцев» вообще. Когда на исторической сцене появились готы, вандалы и ломбарды, у них были сильные объединенные монархии. Короли часто заявляли, что они ведут свой род от самых лучших родов древности, но на самом деле, как диктовали условия варварского вторжения, *virtus* (доблесть — *лат.*) для них имела большее значение, чем *nobilitas* (благородное происхождение — *лат.*), а выборы — больше, чем наследование. В новой стране отсутствие знатного происхождения легче забывалось, чем в старой. Византийский историк Прокопий рассказывает удивительно нелепую историю об одном маленьком племени германцев — герулах. Они решили упразднить королевскую власть и убили своего короля. Потом они передумали и послали гонцов в Скандинавию, чтобы они нашли потомка древнего королевского рода, потом снова передумали и попросили императора Юстиниана дать им короля.

И наконец, когда приехал правитель из Скандинавии, они переменили свое решение в третий раз и приняли его. Готы рассчитывали на римлян, но лишь для того, чтобы те обеспечили им родословную для уже воцарившегося короля. Эти истории иллюстрируют разнообразие возможностей, которые открывались перед германским племенем. Они мало рассказывают нам о «происхождении» королевской власти у германцев, и мы будем лишь напрасно искать его.

По другую сторону Ла-Манша во Франции, а точнее, в Галлии Меровингов процветало германское королевство, которое больше напоминало англосаксонские королевства. Франки вторглись в Галлию в V в. из долины Рейна и завоевали большую часть территории, которую мы называем Францией, при первом из своих великих королей, знаменитом Хлодвиге. Хлодвиг начинал как один из второстепенных королей среди многих. Крайняя необходимость и возможности завоевания, а также полное отсутствие сомнений, которое с восхищением отмечается на страницах «Истории франков» Григория Турского, дали возможность Хлодвигу объединить всех франков под властью одного человека — впервые в истории. Но для франков королевская власть не означала по традиции монархию, что буквально означает «правление одного человека». Королевство было поделено между сыновьями правителя, так что сыновья Хлодвига разделили между собой франкское королевство. Они были королями *ex nobilitate*; они были из рода Меровингов, наследники Хлодвига и его далекого предшественника Меровинга, и позже как символ своего особого происхождения стали носить более длинные волосы, чем было принято по моде. И их длинные волосы возымели такое действие, что последний из Меровингов продержался на троне еще долго после того, как перестал обладать реальной властью; династия исчезла лишь в 751 г. Тем временем иногда вла-

ствовал один король, а иногда — целая коллегия королей. Раньше они могли бы править совместно, как короли в «Гондольерах»; позднее они стали делить между собой королевство. Первые Меровинги прославились своей жестокостью, жадностью и хитростью даже в Европе, хорошо знакомой с этими качествами, и несчастный случай или убийство время от времени оставляли одного короля править всем королевством. Но принцип родового наследования никогда не исчезал, и «избрание» всегда было не более чем формальностью для того, чтобы поднять нового короля на щит в знак признания его вождем.

В Англии почти каждый король от Хенгиста до Эдуарда Исповедника заявлял о своем королевском происхождении. Когда Нортумбрии угрожали уничтожением датчане, ее народ в отчаянии своим последним королем избрал человека нецарских кровей по имени Элла. Жители Мерсии также, вероятно, сделали королем Келвульфа II не из королевского рода при таких же бедственных обстоятельствах. Другим известным примером был сам Гарольд II. Как мы уже видели, были прочно установлены принципы наследственности и первородства с определенными примечательными оговорками. Но кажется, что в те далекие времена как английские, так и франкские короли не были «монархами». И даже может быть, что целые кланы сыновей, братьев и даже племянников королей назывались «королями». Когда Эдвин Нортумбрийский вторгся в Уэссекс, он убил пять западносаксонских королей в одном сражении. Во многих случаях — возможно, в большинстве — в коллегии королей имелся председатель: у самого старшего по возрасту короля была высшая власть. Но в некоторых случаях, даже в VII и VIII вв., короли были равны, как Сигхер и Себби в Восточной Англии. Этот принцип совместного королевского правления уходит корнями в письменные источники: согласно «Англо-

саксонской хронике», братья Хенгист и Хорса совместно правили Кентом, а когда Хорса умер, его место занял его сын Эск. Тот же самый источник называет Кердика и его сына Кинрика соправителями-королями западных саксов. И примеров можно привести множество. В обоих этих случаях вполне возможен элемент анахронизма и даже вымысла. Но они явно подразумевают, что королевская власть не считалась правлением одного человека: у нас нет письменных документов того времени, когда англосаксонские короли были монархами.

Даже «Гондольеры» заканчиваются реставрацией монархии; и во многих странах и племенах в начале эпохи Средневековья, когда королевская власть была разделена на нескольких человек или короли стоили пятачок пучок, существовало некоторое представление о возможности объединения власти у одного монарха. В Ирландии был верховный король; франки обычно считали одного из своих королей главным; у англосаксов были свои бретвальды, правители.

Слово «бретвальда», вероятно, означает «правитель Британии». Этому титулу позднее явно подражает титул, который использовал на своих монетах король Этельстан в X в.: *rex totius Britannie*, король всей Британии. Возможно, нам не следует относиться к этому титулу слишком серьезно: он, очевидно, был скопирован вскоре после его смерти пиратом-головорезом по имени Анлаф, королем Йорка ирландско-норвежского происхождения. Этельстан мог лишь заявлять о своих правах на фактическое правление в Англии, а титул «король Англии», который уже использовал Альфред на своих монетах (попеременно с титулом «король саксов»), был в конце концов принят его преемниками, настоящими королями объединенной Англии. Но титул Этельстана не был одной лишь фантазией. Его владычество признавали шотландские и валлийские короли, и он пользовался

большим уважением за пределами Британии. Есть некоторые основания полагать, что он использовал титул «император», как это делали короли Леона в Северной Испании в X в., по причине того, что он правил многими народами или мог заявлять о своих правах на это. Маловероятно, что он хотел опередить своего шурина Оттона Великого (Германия), который через несколько лет после смерти Этельстана был коронован «римским» императором в Риме. Но он иногда пользовался титулом «василевс», официальным титулом Восточноримской, или Византийской, империи. А *Anglorum Basileus* является титулом Эдуарда Исповедника на самых первых сохранившихся отгисках Большой печати Англии.

Если мы зададим вопрос, почему Этельстан на своих монетах выступает как король всей Британии, вероятный ответ таков: он вспомнил высокий титул своего прапрадедушки Эгберта, последнего бретвальды. В 829 г. «король Эгберт завоевал Мерсию и все земли к югу от реки Хамбер и стал восьмым королем-бретвальдой; первым, кто правил таким большим королевством, был Элла, король Суссекса; вторым был Кевлин, король Уэссекса; третьим — Этельберт, король Кента; четвертым — Рэдвальд, король Восточной Англии; пятым — Эдвин, король Нортумбрии; шестым — Освальд, который правил после него; седьмым — Освью, брат Освальда; восьмым стал Эгберт, король Уэссекса. Этот Эгберт повел своих солдат в Дор сражаться с нортумбрийцами, которые ему сдались и предложили мир; на том они расстались». Этот же самый перечень, но без Эгберта, встречается у Беды Достопочтенного более века спустя. Это очень интересный и в какой-то степени очень странный выбор. Но прежде чем мы попытаемся понять этот выбор или то, что делало человека бретвальдой, мы должны в общих чертах рассказать историю английских королевств в период между Хенгистом и Эгбертом.

Глава 5

МАЛЕНЬКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Карта Англии представляет собой палимпсест (древняя рукопись, написанная на писчем материале после того, как с него счищен прежний текст. — *Пер.*), на котором каждый век оставил свои следы, а время, этот неумелый ластик, оставило нам многое для изучения. Любопытно, что границы центральных английских графств были установлены до проведения границы с Шотландией. Все известные нам центральные графства получили почти современные границы к концу X в., за исключением лишь четырех северных графств и Ратленда. Центральные графства являются результатом административного мастерства королей X в., но у них есть и гораздо более ранняя история. Среди юго-восточных графств Кент, Суссекс и Эссекс были древними королевствами, присоединенными к более крупным государственным образованиям. Норфолк и Суффолк давно уже были присоединены к Восточной Англии, королевству, которое процветало в VII в. и просуществовало до IX. Центральные графства в восточной части выделились из более поздних королевств, расположенных на севере области, которая была завоевана и заселена датчанами в IX и X вв., и в них комбинируются как датские, так и исконные элементы. Некоторые графства группировались вокруг четырех из Пяти городов — датских столиц восточных графств Дерби, Лестера, Линкольна и Ноттингема. Линкольншир все еще включал старое королевство Линдси, но,

как и Йоркшир, был основан на месте древнего королевства Дейра. Оно было поделено викингами на три райдинга (можно сказать, на «трети»). Дальше на север более позднему графству Нортумберленд было суждено надежно хранить название английского королевства Нортумбрии, которое перед приходом датчан протянулось от реки Форт до реки Хамбер, включая Дейру (современный Йоркшир) и Берницию (Нортумберленд, Дарем и Юго-Восточная Шотландия); оно также включало огромные пространства Северо-Западной Англии.

Графства, расположенные на западе центральной части Англии, были искусственно созданы королями в X в. из старого королевства Мерсия. Первые области представлены не границами графств, а границами средневековых епархий Лихфилд-Ковентри (собственно Мерсия), Херефорда (Магонсет) и Вустера (Хвикке). Магонсет и Хвикке были образчиками небольших королевств, где проживали многочисленные народы, которые в более поздние времена саксов со временем вошли в более крупные королевства. Многие из них, как и средние англ, которые были одними из предшественников мерсийцев, или гевиссы, которые были предшественниками западных саксов (или народа Уэссекса), не оставили почти никаких следов на карте Англии. Другие народы, менее значительные для своего времени, оставили в истории четкий след, ведь графства на западе Уэссекса выросли из маленьких кельтских княжеств Корнуолл и Девон, последних районов Англии, заселенных кельтами, которые подверглись завоеванию. Другие графства Уэссекса были округами, выделенными гораздо раньше, чем в X в. Дорсет был графством народа *дорсетцев*, которым управляли из Дорчестера, Сомерсет — графством *сомерсетцев*, управляемым из Сомертона, Уилтшир — графством, управляемым из Уилтона, Гемпшир — из Саутгемптона. Более ранние

группировки графств, возникшие до западных саксов, исчезли.

До вторжения датчан большей частью страны в течение двух или более веков правили короли Нортумбрии, Мерсии и Уэссекса. А так как короли Восточной Англии, Эссекса, Кента и Суссекса еще представляли собой что-то большее, нежели память о древних временах, то VII и VIII вв. стали известны как эпоха гептархии, власти семи королевств. И хоть на постоянно зыбкой почве, почти всегда в Англии в этот период существовали более или менее семи королей. В 450 г. на острове не было ни одного королевства саксов, в течение последующих 250 лет их образовалось множество, к 700 г. прочное положение заняли три больших королевства с меняющейся группой государств-сателлитов. Нашей задачей является проникнуть за 700 г. и посмотреть, как образовались эти королевства.

Их названия делятся на две группы: некоторые из них саксонские, а другие возникли в досаксонские времена. Берниция и Дейра — кельтские слова, их историю можно проследить до VI в., но их происхождение — загадка.

Кент — тоже кельтское название; во времена Цезаря он был известен как Кантий. Все эти названия, по-видимому, представляют более ранние единицы, восстановленные саксонскими военачальниками. Линдси представляет собой гибрид: остров, окружающий древний римский город Линкольн (Линдум). В течение VII в. саксонские названия распространились и на другие части Англии. Эти названия основывались на предположении, что народ, живущий на юге, саксы, а люди, живущие на севере, англ, т. е. что юг был колонизирован с Северо-Западной Германии, север — с Южной Дании и соседних с ней частей Германии. Так что южными округами были районы, заселенные западными, средними, южными

АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Границы приблизительно VIII в.: к концу века какую-то реальную независимость сохранили только королевства, названия которых написаны прописными буквами. Но королевства и их границы постоянно менялись — с границей Нортумбрии это происходило слишком часто, чтобы ее можно было изобразить на карте.

и восточными саксами — Уэссекс, Мидлсекс, Суссекс и Эссекс. Посредине располагались королевства восточных и средних англов и мерсийцев, англов, живших в приграничных районах с Уэльсом (хотя это неточно). Это деление саксов и англов было канонизировано в знаменитом отрывке из Беда Достопочтенного, в котором также говорится о ютах из Ютландии, которые предположительно колонизировали Кент и Гемпшир. Но юты — очень загадочный народ. Беда полагал, что они прибыли из Ютландии, судя по их названию. Но, по-видимому, они приплыли из Фрисландии и долины Рейна, а не из Ютландии и не оставили отчетливых следов на карте. Беда также добавляет, что все народы к северу от реки Хамбер (часть территории англов) назывались нортумбрийцами. Беда предполагал, что его книгу будут читать не англичане, и поэтому он объясняет некоторые географические названия — например, местонахождение Ирландии, — что едва ли потребовалось бы образованному англичанину. Но согласно его толкованию «нортумбрийцы» — это «те, которые живут к северу от реки Хамбер». И это он повторяет не менее трех раз, что, видимо, должно означать, что название новое, еще широко не известное. Это считают доказательством того, что Беда сам придумал его.

Если заглянуть за ту эпоху, в которой жил Беда, в начало VIII в., то эти весьма разумные названия племен постепенно исчезают. Нортумбрия распадается на Берницию и Дейру, которые впервые объединились в конце VI в. Мерсия прекращает свое существование в начале VII в. Уэссекс также меняет свое название и очертания в VII в. Эти названия были придуманы королями в VI и VII вв., и мы не можем рассказать их историю подробно, но в общих чертах она, вероятно, была приблизительно следующей.

В середине V в., возможно в годы правления Хенгиста и Хорсы, саксы впервые организовали свои

собственные поселения. Они стали подстрекать и других следовать своему примеру, и со всего побережья Северной Германии и Дании стали прибывать поселенцы. Они тесно селились вокруг судоходных рек, и реки Хамбер, Уош и Темза стали их главными средствами сообщения. Способ их поселения — флотилиями кораблей — вел к разрушению старых социальных и племенных группировок, из которых они вышли. «Родство» стало легче и быстрее забываться, чем у германцев на материке. Они помнили страну, откуда они родом, но различные народы смешивались во всех уголках завоеванной Англии. Для посторонних они были известны как англы или саксы, без разницы. Некоторые их вожди были новыми, вознесенными наверх после вторжения благоприятным случаем. Вождам отрядов, состоявших из разношерстной публики, вполне могло быть все равно, англы они или саксы, саксы или юты. Они были рады использовать уже существующие названия для своих королевств. Но некоторые вожди не были новыми; и некоторые из них — будучи выходцами из старых или новых родов — безусловно, очень заботились об истории своего народа, прежде чем он поплыл за море, и кое-кто поддерживал связь с родиной.

В конце V в. могущественный вождь по имени Элла основал королевство на территории, которую мы называем Суссексом. Он или один из его преемников гордо назвал свой народ «южными саксами», присоединив к себе более раннее образование «народа Гесты», *Haestingas*, название которого сохранилось в слове «Гастингс». На рубеже VI—VII вв. в Норфолке и Суффолке появился великий король, и Рэдвальд должным образом был провозглашен королем восточных англов. Возможно, он был первым, у кого был этот титул. Едва ли он мог существовать дольше, чем на протяжении одного поколения до его рождения. В VI в. англы из центральных районов по-

пали под власть правителей Средней Англии и Мерсии, которые заявляли о своем происхождении от могучего Оффы, короля континентальных англов, и утверждали, что они именно англы, а не саксы. И вполне возможно, именно этой династии мы обязаны последним отпечатком такого образца на географической карте Англии. Династия Мерсии, возможно, была династией королей или военачальников с самых первых дней завоевания. Но если это так, то ясно, что они не правили тогда Мерсией или ее частью. Точно так же вполне могла существовать какая-то преемственность в других родах, но это была преемственность власти, но не в королевстве с определенными границами. У Суссекса и кельтских королевств — Берниции, Дейры, Линдси, Кента — была длинная, непрерывная история, возможно уходившая в V в., хотя ни в одном случае этого нельзя сказать наверняка. Кент может даже утверждать, что существовал еще на заре завоевания, но некоторые ученые в настоящее время сомневаются, действительно ли Хенгист управлял Кентом.

Историю королевств и династий лучше всего иллюстрирует род Кердика. Кердик был элдерменом¹, предположительно *dux*, а на самом деле искателем приключений, чья воинская доблесть дала ему возможность основать величайшую династию из всех. У него кельтское имя, и возможно, что и сам он кельт по рождению или сын кельта, который присоединился к английским повстанцам, что нередко случалось в сумятице варварских вторжений. Может

¹ Элдермен был наивысшим титулом у англосаксонской знати после короля, который позднее был заменен датским словом *ярл* или *эрл* (граф). В этом случае он, очевидно, означает «военачальник некоролевского происхождения». Даты в этой части «Англосаксонской хроники» далеко не достоверны. Особенно интересно, действительно ли Кердик умер в 534 г., а его правнук получил власть в 560 г. Это возможно, но мы не можем быть уверены, что степень его родства или даты жизни и смерти Кердика записаны правильно. 495 г. — это, вполне вероятно, слишком рано, а 534 г. — слишком поздно.

оказаться важным то, что он добился успеха как раз вовремя, когда бритты начали организовывать сопротивление и изгнали англичан из большей части центральных районов. Но он появляется на исторической сцене как вождь саксов, и его потомки носили уже саксонские имена. Согласно «Англосаксонской хронике», в 495-м и последующих годах он отвоевал у бриттов часть южного побережья и остров Уайт. Приблизительно в 500 г. произошла знаменитая битва у горы Бадон, в которой, по преданию, Артур привел союз бриттов к победе над саксами. И почти нет сомнений в том, что на протяжении двух или более поколений центральные районы острова опять принадлежали бриттам. Это не мешало Кердику создать на юге свое княжество. Но высоким положением его семья больше обязана Кевлину, который, согласно преданию, был его правнуком. Приблизительно в 560 г. он создал союз государств, который в течение последующих тридцати лет изгнал бриттов из южного региона центральной части острова и затмил всех соперников-саксов в Южной Англии. Его народ был известен как гевиссы, и, хотя в более поздние времена, чтобы объяснить это название, был придуман некий Гевис, дед Кердика, высока вероятность того, что это слово на самом деле означало «союзники», ведь они, без сомнения, и были союзниками подобно тому, как изначально ими были все варварские племена и королевства, достаточно большие, чтобы начать завоевание. Иногда эти союзы длились долго и давали названия более поздним и более устойчивым политическим образованиям; иногда они были недолговечными. Гевиссы в каком-то смысле были и тем и другим.

В течение VII в. власть Мерсии в центральной части острова выросла за счет всех ее соседей. И со временем гевиссов вытеснили с верховьев Темзы, центра власти

Кевлина, и ограничили их территорию югом острова. Тем временем они компенсировали свои потери на юго-западе, изгнав бриттов из Сомерсета, потом завоевали Девон и, наконец, Корнуолл. Самые известные из их королей того периода Кедвалла (685—688) и Ине (688—726) показали свои знамена в Кенте и Суссексе, но их собственное королевство теперь имело определенные границы на юго-западе Англии. И как только установилась новая политическая география того века, а власть Кедваллы и Ине стабилизировалась, они стали известны всем как короли западных саксов. Слово «гевиссы» осталось памятью о старине, но с тех пор потомки Кердика называли себя королями западных саксов. Их королевство существовало до тех пор, пока не поглотило всю Англию, и память о нем была канонизирована Томасом Гарди. Уэссекс у Гарди был меньше, чем Уэссекс Альфреда, но его ядром были реальные центры власти Ине — Дорсет, Уилтшир и Гемпшир.

Кедвалла принадлежал к младшей ветви рода Кердика — по крайней мере, так он утверждал. Единственное, о чем мы можем заявлять с уверенностью, это то, что он носил британское имя, равнозначное имени Кадваллон (имя величайшего валлийского короля предыдущего поколения), и был искателем приключений, которому сопутствовал успех. После бесплодной попытки основать княжество в Суссексе он завоевал в 685 г. трон гевиссов, три года провел в войнах, грабежах и поджогах в Кенте, Суссексе, Суррее и на острове Уайт, а потом поразительно внезапно покинул свое королевство и отправился в паломничество в Рим. Он был еще молод, но, очевидно, пострадал в сражениях и понял, что его конец близок. Он был и варваром, и христианином; он знал, что его карьера первого лица в королевстве близится к концу, и поэтому он поспешно прибегнул к христианству, пока не стало слишком поздно; он отпра-

вился в Рим, был крещен и получил от папы имя Петр. И 20 апреля 689 г. он умер в белых крестильных одеждах. Его яркая карьера и поучительный конец произвели глубокое впечатление на его современников, а Беда Достопочтенный посвящает трем годам правления Кедваллы больше места, чем тридцати семи годам правления его преемника. Он говорит лишь, что Ине в конце своего долгого правления последовал примеру Кедваллы, удалился в Рим и там умер. Но ясно, что Ине оказал гораздо большее влияние на западносаксонское королевство и был одним из самых выдающихся предшественников Альфреда. «Англосаксонская хроника» рассказывает нам о редких вспышках жестокости и мало о чем помимо этого. Но то, что он основал новую епархию в Шерборне, первым епископом которого был знаменитый св. Альдхельм, и его пожертвования аббатству Гластонбери показывают неподдельный интерес к церкви и попытку сплотить воедино кельтские и саксонские элементы в своем королевстве. Шерборн был первой епархией специально для западной части Уэссекса. В Гластонбери христианство саксов встретилось с христианством кельтов, и они смешались. Альдхельм воплощал в себе научную мысль как Ирландии, так и Европы. Кроме того, законы Ине («Правда Ине») являют собой самый основательный древний кодекс выживания. И что важно: они обязаны своим сохранением Альфреду, так как они демонстрируют то же страстное стремление установить какое-то подобие порядка в непокорном королевстве и тот же смысл, которыми отмечены законы Альфреда: земные законы подчиняются Божественному закону.

«Я, Ине, милостью Божьей король западных саксов, — так гласит вступление, — по совету и наущению моего отца Кенреда и епископа Хэдды [Винчестерского] и епископа Эркенвольда [Лондонского] вместе со всеми своими элдерменами и главными со-

ветниками моего народа, а также собранием служителей Божьих, думая о спасении наших душ и безопасности нашего королевства, желаю установления и укрепления в нашем народе истинного закона, чтобы ни один элдермен или наш подданный потом не извращал эти наши указы».

Каким бы могущественным ни был Ине, в глазах его современников или ближайших преемников он не стоял в ряду величайших английских королей. Когда «Англосаксонская хроника» отмечает завоевание Мерсии королем Эгбертом из Уэссекса в 829 г., она помещает список бретвальд, которые были его предшественниками. Этот список на самом деле идентичен тому, который привел Беда Достопочтенный веком раньше: Элла — король Суссекса, Кевлин — король Уэссекса, Этельберт — Кента, Рэдвальд из Восточной Англии, Эдвин, Освю и Освальд из Нортумбрии. В те далекие времена в одном королевстве могло быть несколько королей, но одного обычно признавали главным правителем. И хотя вся Англия объединилась не раньше X или XI в., время от времени появлялся правитель, власть которого признавалась в большей части Англии, а иногда также в некоторых частях Уэльса и Шотландии. Он правил лично, и его владычество зависело от его авторитета успешного воина; обычно оно умирало вместе с ним. Его называли бретвальдой, правителем — не Англии, а Британии. Этот титул кажется древним и является, наверное, памятью о титулах британских князей, вроде Вортигерна, до прихода саксов. Несомненно, это был очень престижный титул; также несомненно, что он не был общественным институтом и не давал каких-то официальных прав.

Мы обязаны этим списком Бедо Достопочтенному; и в нем есть много странностей. Титул бретвальды, по видимому, предполагал некое господство на значительной части Англии, особенно на территории к югу

от реки Хамбер, и это объясняет, почему в нем пропущен Ине. Но нет причин предполагать, что Элла правил какими-то народами, кроме южных саксов, и сейчас трудно узнать, насколько широко была распространена власть Кевлина, Этельберта или Рэдвальда. Если эти имена заслужили место в списке, то разве не заслужили его также и создатели королевства Мерсия, особенно Пенда (ум. 654) и Вулфгир (ум. 674)? К тому же, когда этот список обновляли в IX в., как оказалось, что в нем пропущены величайшие мерсийцы Этельбалд и Оффа, владычество которых распространялось почти на всю Англию? В этом мы, безусловно, можем усмотреть действие предубеждения. Этельбалд и Оффа в своих хартиях пользовались титулом «король Британии» и, несомненно, считали себя бретвальдами. Пенда был язычником, одним из самых крупных правителей-язычников в VII в., и его вполне могли исключить из списка по этой причине. Но Элла, Кевлин и Рэдвальд также были язычниками, и Беда здесь, возможно, отражает предубеждение нортумбрийца в отношении мерсийцев подобно тому, как «Хроника», несомненно, отражает предубеждение западных саксов в отношении мерсийцев, пренебрегая именами Этельбалда и Оффы.

Удивительное свойство списка Беды Достопочтенного состоит в том, что если пропустить первое имя, то он почти непрерывный. Здесь нельзя быть очень точным, так как человека считали бретвальдой, пока его верховная власть была действенной, и в некоторых случаях мы не знаем, как долго это продолжалось. Но если мы поразмыслим, что Кевлин был на вершине власти с 560 по 591 г., Этельберт был королем Кента с 560 по 616 г. и, очевидно, бретвальдой в 590-х гг., что Рэдвальд был уже бретвальдой до смерти Этельберта и сам умер в 620 г., и что Эдвин, Освальд и Осью были королями Нортумбрии в 616—632 гг., 633—641 гг. и 641—670 гг. соответственно,

даже притом что власть Освью признавалась в Мерсии с 654 по 657 г., — мы увидим, что на протяжении периода с 560 по 657 г. обычно тот или иной выдающийся король считался бретвальдой. В этой последовательности, несомненно, были пробелы, но недолгое время. Ясно, что в конце VI—VII вв., а именно во времена, когда складывался образец английских и саксонских королевств и устанавливалась власть трех гигантов — Нортумбрии, Мерсии и Уэссекса, было широко распространено представление о том, что один великий правитель может быть владыкой почти над всей Британией. Он наследовал положение предшествовавших ему британских королей, и поэтому его называли правителем *Британии*. Но бретвальды были властителями не Британии, а Англии, и в их преемственности мы видим прообраз английского единства.

Бретвальды-христиане — Этельберт, Эдвин, Освальд и Освью — являются центральными светскими фигурами в «Истории» Беда Достопочтенного. К Этельберту, первому королю-христианину, он проявляет большое уважение, но ясно, у св. Августина было много тревог, прежде чем король благополучно принял крещение. Этельберт был королем Кента, и у его королевства было много связей с христианским франкским королевством; его жена была франкской принцессой, христианкой, и в ее свите был христиан-епископ. Поэтому Этельберт не мог игнорировать требования принять христианство, но, по-видимому, испытывал естественную подозрительность мужа, желающего видеть себя главным партнером, к религии своей жены. Сначала Этельберт держал Августина на острове Танет, надежно окруженном водой; затем он поехал приглядеться к нему — заботясь о том, чтобы всегда сидеть на открытом воздухе, так как он считал, что магия Августина в помещении сильнее. На проповеди Августина он давал осторож-

ный ответ, но позволил христианским миссионерам обосноваться в Кентербери и выполнять свою миссию среди его народа. Со временем Этельберт сам принял крещение и стал оказывать церкви сильное покровительство. Но он не спешил — отсрочки делали христианских пастырей очень нетерпеливыми — и отказался принуждать своих приближенных принимать христианство. Ко времени его крещения его власть уже шла на убыль, так что церковь при его поддержке распространила свое влияние — и то временно — лишь до Лондона, а после его смерти даже в Кенте возникло противодействие язычников.

Тем временем Рэдвальд, король-язычник Восточной Англии, стал преемником Этельберта на посту бретвальды. Нам о нем мало известно; но великолепие Саттон-Ху, когда-то приписанное ему, а теперь — одному из его преемников на поколение позже, отражает величие его королевского двора. И он ответствен за появление следующего бретвальды Эдвина на троне Нортумбрии. Беда Достопочтенный рассказывает о том, как Эдвин, молодой изгнанник своего королевства, нашел прибежище у Рэдвальда и как Этельфрит Нортумбрийский подкупил Рэдвальда, чтобы тот организовал его убийство. Эдвин узнал об этом плане и, когда он однажды засиделся допоздна в ожидании друга, который должен был помочь ему скрыться, ему было видение: незнакомый человек (в облике, видимо, св. Павлина) сказал ему, что он станет великим королем, величайшим из всех известных английскому народу, и попросил его в ответ принять его веру, веру человека, который пообещал Эдвину его будущее величие. Тем временем Рэдвальд поддался на уговоры своей королевы не уступать гостя за золото, а лучше помочь вернуть ему его королевство. Когда видение исчезло, Эдвин узнал о том, что Рэдвальд передумал, и вскоре после этого в сражении при Идле Этельфрит потерпел поражение и был убит, а Эдвин стал королем

Нортумбрии. Несколько лет спустя Павлин прибыл проповедовать христианскую веру Эдвину. Сначала король не узнал человека, который приходил к нему в видении, но некоторое время спустя благодаря Божественному откровению Павлин узнал, что какой-то человек, похожий на него, сообщил Эдвину это пророчество. И он пошел к королю, положил его правую руку на свою голову и спросил его, узнал ли он этот знак. Эдвин испугался и немедленно стал готовиться к тому, чтобы выполнить свое обещание и принять христианскую веру. Однако это не единственная история, рассказанная об обращении Эдвина в христианство.

Эдвин — один из самых привлекательных персонажей, встречающихся на страницах «Истории» Беда Достопочтенного: прекрасный воин, мудрый, добрый и честный человек. Он был воспитан язычником. Со временем он женился на дочери Этельберта. Этельберт уже умер, но правящий король Кента настоял на том, чтобы королеве Эдвина было позволено исповедовать христианство, и с неохотой выдал ее замуж за язычника. На это Эдвин ответил, что составит свое мнение о христианской вере, и разрешил христианскому епископу Павлину проповедовать своему народу. На следующий год в ночь на Пасху король Эдвин едва избежал смерти от рук наемного убийцы, и в ту же ночь королева родила их первого ребенка, дочь. Король, как об этом повествует Беда, возблагодарил богов, но Павлин в этот момент воздал благодарность Христу и уверил короля, что именно его молитвы, обращенные к Христу, обеспечили королеве безопасные и не очень болезненные роды.

Наемный убийца был послан королем западных саксов, и Эдвин запланировал военную вылазку с целью отомстить. Он пообещал Павлину, что в случае ее успешности он откажется от своих богов и станет христианином. Он добился победы и, вернувшись в

Нортумбрию, перестал поклоняться своим идолам. Но он по-прежнему проявлял осторожность в отношении принятия христианства. «По природе он был мудрейшим из людей и часто сидел один в тишине, обсуждая с самим собой в глубинах своего сердца то, что ему надлежит сделать, какой религии ему следует придерживаться».

Крещение Эдвина было великим событием в истории Нортумбрии, и о нем ходило множество преданий. Беда Достопочтенный рассказывает три такие истории, и все они подразумевают, что у Эдвина был период колебаний. Но, возможно, колебания усиливались попыткой Беда втиснуть все три рассказа в свое повествование. И он совершенно пропустил четвертую историю (если он вообще ее знал), согласно которой обряд крещения проводил не Павлин, а главный кельтский священник. Уже изложенная история представляет собой рассказ, обычно встречающийся среди повествований о том, как король обратился в христианство в начале эпохи Средневековья, когда он был вынужден признать верховную власть Христа. Вторая история — тоже широко распространенный тип — видение, которое у него было в юности, и это мы уже тоже описывали. Третья — это *sui generis* (уникальный — *лат.*), известная история о споре, который имел место в королевском совете. «Жизнь людей на земле, — сказал один из военачальников — в сравнении в той жизнью, которая находится за границами нашего знания, представляет собой картину, будто ты сидишь в своей пиршественной зале за ужином со своими элдерменами и тэнами зимой, посредине горит огонь, согревающий зал теплом, а снаружи бушуют снег и дождь — и вдруг воробей очень быстро пролетает через весь зал, влетев в одну дверь и в мгновение ока вылетев в другую. Пока он находится в помещении, зимняя стужа не трогает его, но через секунду все меняется, и он исчезает из виду.

Так и жизнь человека видна лишь на короткое время: что будет после, что было до — мы совершенно не знаем. Если это новое учение принесло какие-то более конкретные знания, то оно стоит того, чтобы ему следовать». Спор заканчивается тем, что верховный жрец поспешно уходит, чтобы уничтожить свои алтари; а Эдвин и все его приближенные принимают крещение.

Если Эдвина действительно крестил кельт (что, наверное, маловероятно), то суровая правда состоит в том, что эти истории — мифы, потому что по крайней мере две из них предполагают, что его крестил Павлин, и нельзя отмахнуться от ощущения, что на страницах у Беды Достопочтенного Эдвина обращали в христианство не раз, а три раза кряду. Правдива ли хоть одна из этих трех историй — почти не имеет значения: слова о воробье были сказаны в VIII в., если не в VII; они согревают холодную землю Иверинга в любом случае, а воробью так же гарантировано бессмертие, как и королю Эдвину. К тому же эти истории показывают, что Эдвин был личностью: это человек, о котором из уст в уста передают истории, человек, вошедший в легенду. Ни один английский король тех далеких времен не производил такого хорошего впечатления, как Эдвин; чтобы найти истории для сравнения, следует обратиться к Хлодвигу, создателю франкского королевства, легендарный образ которого ярко показан нам в первом томе «Истории франков» Григория Турского. Хлодвиг был кровожадный бандит, который построил огромную империю. И сделал он это, как мы узнаем, как путем обмана, так и силой. На страницах книги Григория он завоевывает королевства путем розыгрышей и постоянно выражает наивное удивление тому, что все время подворачиваются новые территории для грабежей — хотя он для этого плел жесткие интриги. Хлодвиг — это Микобер наоборот. Этот человек имеет лишь три общие черты с Эд-

вином: каждый из них был весьма успешным королем-воином; каждый из них (как гласит история) был обращен в христианство, потому что христианский Бог помог ему добиться победы; и благодаря принятию христианства, по мнению Григория Турского и Беда Достопочтенного, оба они получили Божью помощь. Эдвин изображен мыслящим полководцем, всегда колеблющимся, придумывающим новые испытания. Этот портрет в той же степени привлекателен, в какой непривлекателен (хоть и занимателен) портрет Хлодвига, и Беда завершает его картиной мира и процветания в более поздние годы жизни Эдвина. Мы не можем сказать, правдив ли портрет, но мы многое узнаем об идеале великого христианского короля у Беда Достопочтенного.

Золотой век последних лет жизни Эдвина рухнул в 632 г., когда союз короля-язычника Мерсии Пенды и короля-христианина Северного Уэльса Кадваллона нанес поражение армии Эдвина. Сам Эдвин был убит, Павлин бежал, его церковь рухнула. Но христианство не подверглось полному забвению. По крайней мере один миссионер остался. Некоторое время спустя в лице Освальда появился новый христианский король, которому суждено было стать мучеником церкви Нортумбрии; а с севера и запада нарастало влияние кельтских миссионеров.

Освальд был христианином с самого начала своего правления. Он построил величайшую империю, которую когда-либо видела Англия, и был признан повелителем (так пишет Беда Достопочтенный) народов, говорящих на всех языках в Британии — валлийском, пиктском, гэльском и английском. Он восстановил церковь в Нортумбрии, вызвав епископа из Айоны в Линдисфарн. Беда рисует один из самых известных портретов духовного лица — праведного Айдана. Он полон благожелательства, восторга даже, и портрет очень привлекателен. На самом деле Айдан в глазах

Беды был бы совершенно безгрешен, если бы не один необычный недостаток: он праздновал Пасху не в тот день.

За этим скрывалась давняя традиция: имея ограниченные контакты с церквями в Европе, кельтские церкви на протяжении многих поколений сохранили древние обычаи (вроде способа вычисления даты Пасхи) и развили свои собственные. Эти различия привели к конфликту, когда церкви наладили тесные связи. Конфликт не затрагивал учение, и не было никакого официального раскола. В VII в. две церкви встречались и общались в различных уголках Британии — иногда с большими трениями, иногда с меньшими. Кельт Айдан всегда был епископом Освальда, но это не умалило в глазах Беды Достопочтенного святость Освальда. Освальд пал в сражении, как и Эдвин, став еще одной жертвой союза, в который вступил король Мерсии Пенда. Место его гибели стало центром паломничества; от его имени творились чудеса. Освальд стал святым и великомучеником, что характерно, у нортумбрийцев; он был «самым христианским королем».

Преемником Освальда стал его брат Освью, который со временем восстановил власть своего брата и в 654 г. отомстил за него, разбив последний военный союз Пенды в сражении на реке Уинвед, в котором было убито огромное количество английских вождей. Тела некоторых из них — возможно, среди них был и король, память о котором хранит Саттон-Ху, — были унесены разлившейся рекой. Короткое время Освью правил Мерсией. Даже после восстановления ее независимости он был главным монархом в Англии до самой своей смерти в 670 г., но его злоключения не закончились.

Влиятельная фигура св. Уилфрида уже появилась на исторической сцене. Тогда он был в самом начале своей долгой карьеры, но уже узнал римские обычаи в

самом Риме. Жена Освью, дочь короля Эдвина, была воспитана в Кенте и привыкла праздновать Пасху по римскому обычаю, а его сын король Элфрит был учеником св. Уилфрида. «В те времена случалось, что Пасху праздновали два раза в году, и, когда король уже закончил поститься и уже праздновал Пасху, королева еще придерживалась великого поста, празднуя Вербное воскресенье». Разногласия по поводу празднования Пасхи для нас могут показаться мелкими, но их результат был весьма заметен и неприятен. От этого могла страдать не только кухонная прислуга, когда королева постилась, а король пировал. Неудивительно, что Освью принял решение уладить этот вопрос. Беда Достопочтенный дает подробный отчет о диспуте на эту тему между учеными мужами с обеих сторон. Рим, Уилфрид и королева одержали победу. Синод в Уитби, на котором было принято решение, был ключевым этапом в интеграции кельтских церквей в западное христианство. Выиграли обе стороны; у каждой из них было что привнести в другую. И нет совпадения в том, что Нортумбрия — и Англия вообще — в период, последовавший за событиями в Уитби, в эпоху Феодора и Беды Достопочтенного увидели христианскую цивилизацию с римскими и кельтскими корнями, какой вряд ли найдется аналогия в Европе того времени.

Глава 6

ИНТЕРЛЮДИЯ: 670—871 гг.

После смерти Освю ни один король Нортумбрии больше не занимал такого высокого положения и не был провозглашен бретвальдой. Они не были ничтожествами; некоторых из них мы видим на страницах произведения Беды как прекрасных воинов, образованных людей, иногда даже монахов. Но никто из них не занимал таких высот, как трое бретвальд, которые сделали Нортумбрию христианской страной и оставили след в английской церкви вообще. Граница между английскими и шотландскими королевствами на протяжении многих веков не была установлена — разве что она проходила гораздо севернее современной, по мнению правителей Нортумбрии. Теперь на первый план выходила граница с Уэльсом: это была граница, которая дала свое имя (так кажется) Мерсии, которой вскоре суждено было стать величайшим королевством в Англии. Это показывает, что начался процесс установления постоянных границ. В VII в. *march* (граница, марка — спорная полоса обычно между Англией и Уэльсом или Шотландией. — *Пер.*) дала название английскому королевству; в VIII правители этого королевства дали определение этой границе. Валы Уота (или Уэйда) и Оффы являются самыми внушительными памятниками, сохранившимися до наших дней, любому королю в период до завоевания. Вал Уота относится к середине VIII в., по всей вероятности ко времени Этельбальда (716—757).

Этот вал, как и правление Этельбальда, был генеральной репетицией перед прокладкой вала Оффы. Без него успех Оффы едва ли был бы возможен. Но не случайно строитель более раннего вала был вскоре забыт и стал ассоциироваться с легендарным Уэйдом, личностью из далекой древности, из времен германского язычества, а вал, который был проложен следом за ним, всегда был валом Оффы. И хотя он не совпадает с современной политической границей, он является границей с Уэльсом в глубинном смысле. Для валлийца жить не с той стороны вала Оффы, пусть даже в нескольких ярдах, — это по-прежнему позор, даже если воины Оффы больше не патрулируют его, чтобы не допустить валлийцев в Англию.

Если такое патрулирование вообще имело место. Валы по своей сути — границы, не оборонительные укрепления. Они делали границу четкой, и было легко проверить, проникают ли через нее валлийские племена. На некоторых его участках открывался великолепный вид на Уэльс. Валы не были предназначены, как Адрианов вал, для ведения постоянных наблюдений. Даже Оффа не мог поставить гарнизоны у этого земляного сооружения, тянувшегося вдоль границы с Уэльсом. Вал Уота тянулся от устья реки Ди (немного западнее вала Уота) до Бристольского залива. Какую-то часть своей траектории он шел вдоль реки Уай, так что граница была природной. В некоторых других местах, особенно на севере, он так и остался незаконченным. Но он остается великолепным свершением (достижением). В недавние годы его подробное комплексное исследование проводил сэр Сирил Фокс, а результаты изложил в своей книге «Вал Оффы» (1955). С помощью его текста, карт, планов и фотографий можно исследовать вал Оффы и в то же время получить удовольствие от наблюдений за методами ведения полевых раскопок, доведенными до совершенства, и от зрелища реконструкции

одного из великих достижений инженерного искусства Средних веков. Концентрация усилий, огромные трудовые ресурсы, необходимые на такой большой площади, показывают нам энергию и решимость Оффы. Умелое ведение вала по прямой, использование природных особенностей рельефа, усовершенствование технических приемов при прокладке вала Уота обнаруживают опыт и мастерство инженера, который его спроектировал. Во всем видно главенство ума одного человека, но местные различия в технических приемах показывают, что отдельные части вала прокладывали, надо полагать, под руководством местных чиновников. Их неспособность завершить порученные им работы на севере, возможно, является результатом их неумения на этом участке или недостаточности ресурсов в той части Англии, которая, по всей вероятности, была там малонаселенна. Или это может говорить о том, что Оффа меньше беспокоился за эту часть границы.

Оффа носил необычное имя: формально это укороченная форма более длинного имени. То ли по инициативе его родителей, то ли (что вполне возможно) по своей собственной, он был единственным правителем Мерсии, который носил имя великого короля расположенной на континенте области под названием Англия (или Ангельн), от которого, по их собственному утверждению, произошли короли Мерсии. О первом Оффе мы знаем мало, но загадочный сборник легенд, известный как «Видсид», нам сообщает: «Оффа правил Ангельном, Алевих — данами. Он был самым смелым, но все же не совершил более великих подвигов, чем Оффа. А Оффа, первый из людей, когда был еще юношей, добился для себя величайшего из королевств. Никто из людей такого возраста не совершал больших геройских подвигов в сражении: лишь одним своим мечом он установил границу с мюрьингами у Фифельдора». Нам неизвестно, знал ли Оффа

о «Видсиде», но мы не можем сомневаться в том, что он знал легенды о своем великом тезке и что они побуждали его установить границу с валлийцами.

Совершенно ясно, что Этельбалд и Оффа считали себя преемниками правивших ранее бретвальд, и имели на то основания. То немногое, что мы знаем об Этельбалде, сильно наводит на мысль о том, что он по природе был жестоким варваром. К концу своей карьеры он навлек на себя серьезное недовольство св. Бонифация и других епископов английского происхождения, работавших в Германии: его проступки возымели дурное действие на его народ; монахини должны были находиться в своих монастырях; привилегии церкви следовало уважать. Бонифаций признал, что Этельбалд обеспечил в стране мир и щедро раздавал милостыню, но высказанный им упрек и другие намеки подготавливают нас к развязке — в 757 г. Этельбалд был убит своими приближенными.

Оффа, как и Этельбалд, был силен и безжалостен. И как об Этельбалде, мы очень мало знаем о нем как о человеке. Но то, что нам известно, демонстрирует широту интересов и ум, который выделяет его из числа его предшественников. В более поздние годы своей жизни он был «королем англичан», и это не было пустым хвастовством. У нас нет связного рассказа о его правлении, но хартии дали возможность восстановить в общих чертах те этапы, по которым он распространял свою власть на весь юг Англии, что, ясное дело, часто случалось вопреки жесткому противодействию на местах, и иногда терпел поражение. Но в конце жизни он был бесспорным хозяином Англии на территории к югу от реки Хамбер, а Нортумбрия была в руках пользовавшегося уважением его зятя. Он был единственным монархом того века, с которым Карл Великий обращался как с равным, — эти два великих человека искали дружбы друг друга, по крайней мере официальным путем.

Годы его правления увидели первую прочную английскую серебряную валюту, результативный старт серебряного пенни, которому было суждено обеспечивать Англии основу денежной экономики с VIII по XIV в., когда добавилась чеканка золотых монет. Его интересовала внешняя торговля Англии. Он был покровителем нескольких монастырей и продемонстрировал свою власть, сделав Мерсию (на короткое время) архиепископством.

В 787 г. он сделал своего сына Эгфрида королем Мерсии, чтобы обеспечить мирное престолонаследие. Но этот план провалился. Эгфрид пережил своего отца всего на несколько месяцев, королевство перешло к далекому родственнику, а мерсийцы больше никогда не обладали властью Оффы. Они оставались ведущей державой еще четверть века, но в 825 г. король Уэссекса Эгберт разгромил короля Мерсии в сражении при Эллендуне, и главенство перешло к Уэссексу. На какое-то время Эгберт был хозяином всего юга Англии и заработал себе (по крайней мере, в глазах своих подданных) титул бретвальды. С 830 г. Мерсия снова стала независимой. Но Эгберт продолжал быть властелином остальной части Южной Англии. В королевстве Восточной Англии по-прежнему существовала местная династия, как правило под властью сюзерена в лице западных саксов до 870 г., когда она, наконец, уничтожила датчан. Кент, Суссекс и Эссекс были королевствами, зависимыми от западносаксонского королевского рода, и время от времени Эгберт, его сын и его преемник Этельвульф передавали их то одному, то другому из своих сыновей. На самом деле на тот момент существовало три английских королевства — Уэссекс, Мерсия и Нортумбрия; понятие «Англия» было на слуху.

Будущее было за Уэссексом. Отчасти это произошло благодаря династии Эгберта, отчасти благодаря датчанам. Уже во времена Эгберта случилось первое

серьезное нападение датчан. До середины века они становились все более жестокими и частыми; в 865 г. было организовано серьезное вторжение: датчане пришли, чтобы поселиться. Их жертвами пали Восточная Англия, Нортумбрия и Мерсия; устоял только Уэссекс. И даже Уэссекс, казалось, не переживет 870-е, если бы не героическая оборона, которую организовал внук Эгберта Альфред.

Глава 7

АЛЬФРЕД

Вступление на престол Альфреда было выдающимся событием. Во-первых, удивительно, что он вообще стал королем. Известно, что у его отца Этельвульфа было шестеро детей: Этельстан, Этельбалд, Этельберт, Этельред, Этельсвит (его единственная дочь) и Альфред. Его старший брат умер раньше отца; трое других братьев правили Уэссексом по очереди. Когда Этельред в 871 г. умер, он оставил двух сыновей, но оба они были несовершеннолетними, а лишь опытный вождь мог рассчитывать спасти Уэссекс от датчан. Наследственное право Альфреда на престол не ставилось под вопрос, хотя один из его племянников попытался получить трон после его смерти.

Во-вторых, замечательным было то, что в такой переломный момент Уэссекс попал в руки самого многообещающего короля из всего своего рода, человека, обладающего воображением и решительностью для того, чтобы спланировать действительно успешную оборону и дать своему королевству надежду на безопасность в будущем. И что даже еще более удивительно, у Альфреда хватало времени и воображения на то, чтобы думать о монастырях, библиотеках и книгах, которые могли бы читать миряне.

В жизни Альфреда многое было бы для нас неясным, если бы у нас не было его биографии, написанной Ассером. Но следует признать, что Ассер часто сообщает нам что-то только для того, чтобы подраз-

нить: занавес поднят лишь для того, чтобы упасть; Ассер предан, многословен и неуклюж.

Ясно, что жизнь Альфреда была даже еще более тяжелой, чем мы можем предполагать. Его воспитывали так, чтобы он вырос набожным и невежественным; он постоянно боялся своих недостатков, неудач и расстройств здоровья — возможно, отчасти это было результатом некой внутренней тревоги. Его карьера и письма свидетельствуют о том, что он был человеком здоровым и вменяемым. Однако удивительно путаный рассказ Ассера о его болезнях и тревогах показывает, что это здравомыслие досталось ему дорогой ценой. Самый тяжелый недуг поразил его в день его свадьбы, и это, как прямо намекает Ассер, не было совпадением. Перед нами встает образ человека с сильным воображением, беспокойного и темпераментного, всегда боящегося самого себя, страшящегося недуга и немощи до болезненной мнительности, человека, который сознавал, что есть мир больший, чем тот, в котором он живет, отчаянно хотел жить в нем и дать такую возможность другим.

Вот краткое описание его карьеры в изложении Ассера. «И хотя он обладал королевской властью, этот король был ранен когтями многих несчастий. С двадцати до двадцати пяти лет (сколько ему ныне) он постоянно страдал от приступов неизвестной болезни; не проходит и часа, чтобы он либо не страдал от нее, либо не был близок к отчаянию от страха перед ней. Ему также причиняли беспокойство (не без причины) непрекращающиеся нападения чужеземных народов с суши и моря, которые не дают ему передышки. Что сказать о его многочисленных военных походах и сражениях с язычниками, о бесконечных проблемах управления страной? О его повседневной заботе о народах, которые живут на территории от Тирренского моря до дальнего берега Ирландии? Мы читали письма и видели подарки, посланные ему из Иерусалима

патриархом Илией. Что сказать о больших и малых городах, которые он восстановил, и новых городах, которые он построил там, где их до этого не было? О постройках, бесподобно украшенных по его приказанию золотом и серебром? О королевских залах и покоях, изумительно построенных из камня и дерева по его распоряжению? О королевских каменных особняках, которые по королевскому указу были перенесены с их древних мест постройки и возведены в более подходящих местах? Если не считать его болезни, самым большим источником его неприятностей были препятствия, чинимые его собственным народом, который добровольно не желал выполнять хоть какой-нибудь, даже очень небольшой труд на общее благо королевства. Но он вставал в одиночку, полагаясь на помощь Бога, как умелый кормчий, старающийся привести свое судно, груженное сокровищами, в желанную безопасную гавань своей собственной страны; несмотря на то что все моряки уже измучены, он не позволил, чтобы руль управления страной, который он однажды взял в свои руки, дрогнул или повернулся во время плавания среди яростных водоворотов его жизни. Он прилагал все усилия к тому, чтобы мягко учить, выставлять в выгодном свете, увещевать, приказывать, и, наконец, после долгого терпения сурово наказывал непокорных и ненавидел обыкновенную глупость и упрямство. И таким образом он мудро держал в руках и подчинил своей воле и общему благу своего королевства епископов, элдерменов и знать, самых дорогих его сердцу тэнов, а также главных судей, которым после Бога и короля была дана власть в королевстве по праву. Иногда из-за людской лени королевские приказы не исполнялись или начинали исполняться поздно, не были доведены до конца и становились бесполезными. Я могу здесь упомянуть укрепления, которые должны были быть построены по его приказу, но еще не начаты или начаты, но слишком поздно,

чтобы их постройка уже закончилась. И когда вражеские войска нападали с суши или моря или, как часто бывало, и с суши, и с моря сразу, люди, которые не выполнили королевские приказы, испытывали стыд и бесполезное раскаяние».

Будучи ребенком, Альфред дважды приезжал в Рим. В 853 г., когда он был в возрасте четырех лет, его отец отправил его ко двору папы Льва IV, который одел его, как консула, и обращался с ним как со своим сыном. Двумя годами позже Альфред снова посетил Рим, на этот раз вместе со своим отцом. Король Этельвульф следовал по стопам Кедваллы и Ине, но смерть не наступила, и, задержавшись в Риме на двенадцать месяцев, он вернулся домой, где обнаружил, что его старший оставшийся в живых сын поднял мятеж. Королевство было поделено между ними, пока два года спустя король Этельвульф не умер. Тем временем Альфред уже повидал Рим, древний и современный ему, и побывал при дворе франкского короля. Но латинская литература была для него еще закрытой книгой. Он не умел ни читать, ни писать. Его, любимого младшего сына, приучили любить охоту и саксонские стихи, которые читали при дворе его отца, возможно, мечтать о королевстве, на которое, как он думал, его миропомазал папа Лев IV, — но у него было мало шансов получить его. Он вырос слишком честным, но также и одаренным богатым воображением и честолюбивым.

Одним из его дарований была исключительная память. Его мать однажды показала ему и его братьям рукопись саксонских стихов и пообещала отдать ее тому, кто быстрее всех выучит их наизусть. Альфреда взволновала возможность превзойти своих братьев, а также, по словам Ассера, поразила красота начальной буквы на первой странице. Он отнес книгу своему учителю, который прочитал ее для него, и он вернулся к своей матери и прочитал наизусть все, что услышал. Позже он выучил слова повседневной цер-

ковной службы, определенные псалмы и молитвы, которые были для него записаны в книгу, которую он всегда носил с собой. Но он все еще не умел читать. В более поздние годы жизни он жаловался на то, что в Уэссексе не было хороших ученых мужей. В этом была доля правды, но это вряд ли извиняет его неумение читать и писать. Этими достижениями дети в королевской семье обычно не могли похвастаться, но не покидает ощущение, что взрослый Альфред слишком легко извиняет упущения своих молодых лет. Тем не менее он вырос с некоторым представлением о латыни, мог следить за церковной службой — он посещал церковные службы каждый день, ходил к заутрене и вечерней службе, с пониманием слушал дневную мессу, и его набожность не была обычной. В более поздние годы он имел обыкновение посещать церкви ночью и молиться в них, чтобы его приближенные не знали об этом.

Мы узнаем о том, что Альфред впервые участвовал в военных действиях в начале 868 г., когда он был заместителем командующего войсками у своего брата короля Этельреда, воевавшего с датчанами. В то время ему было 18 (или 19) лет, что кажется слишком ранним возрастом для того, чтобы командовать армией. Но в Средние века многие воины к 20 годам уже были ветеранами, и мы можем быть уверены, что это был не первый раз, когда Альфред понюхал пороху. В 868 г. братья сражались в Мерсии в тщетной попытке спасти королевство Мерсию от краха. В 871 г. они сражались в самом Уэссексе. В том же самом году Этельред умер, и Альфред остался единственным командующим. Год за годом он вел безрезультатные бои с датчанами, постепенно набираясь опыта, но теряя территорию. В 878 г. армия датчан внезапно напала в середине зимы, когда армия западных саксов была разбросана по всей стране по усадьбам, фермам и небольшим владениям.

«В этом году войско скрытно пришло в середине зимы после Крещения в Чиппенхэм, — гласит летопись, — одолело Уэссекс и заняло его, вытеснив большую часть населения с его территории за море, а остальных принудив подчиниться, кроме короля Альфреда. А он с небольшим отрядом с трудом пробирался через леса в недостижимые места в болотах... После Пасхи король Альфред со своим небольшим отрядом построил укрепление в Ателни, и с того укрепления вместе с жителями той части Сомерсета он продолжал бороться с врагами. Затем на седьмой неделе после Пасхи он поехал к Ecgbyrhtesstan (камень Эгберта) к востоку от Селвуда, где его встретили все люди Сомерсета и Уилтшира и той части Гемпшира, которая была на этой стороне моря¹. Они тепло встретили его. А днем позже он отправился из тех лагерей в Айли-Оук, а еще через день — в Эдингтон. И там он сразился со всем войском датчан, обратил его в бегство, преследовал его до укреплений и осаждал его там две недели. И тогда датчане оставили ему своих заложников и дали торжественную клятву, что покинут его королевство, и вдобавок пообещали ему, что их король примет крещение».

К этому Ассер ничего не добавляет, но летопись XII в., во многом основанная на сведениях Ассера, «Хроника св. Неота», добавила к этой известной истории одну еще более известную. «Как написано в «Житии» святого отца Неота, Альфред долгое время скрывался в доме пастуха. Однажды случилось так, что жена пастуха собиралась испечь хлеб, а король сидел у огня, готовя лук и стрелы и другое оружие. В скором времени бедная женщина увидела, что буханки хлеба подгорают на огне. Она поспешила убраться и укори-

¹ Это означает либо «те, что живут к западу от вод Саутгемптона» и указывает на то, что автор жил на юго-западе Англии, либо «те, кто все еще находился в Англии», в противоположность тем, кто бежал за море, когда датчане вторглись в Уэссекс.

ла непокоренного короля, сказав: «Ах ты, негодник, ты любишь, когда они хорошо испечены. Почему ж ты не перевернул их, когда увидел, что они подгорают?» Бедная женщина и понятия не имела, что это король Альфред, который участвовал в стольких сражениях и добился стольких побед над язычниками».

Нельзя сказать, основывается ли этот рассказ на каких-то реальных событиях, но мы можем быть уверены в том, что он ничего не потерял при изложении. Самая ранняя известная его версия — это проповедь о корнуоллском святом Неоте, которая была написана, вероятно, в XI в. или в самом начале XII в. В этой версии король не подкачал: он на самом деле перевернул буханки хлеба (или пироги). Более известная история, изложенная выше, — это приукрашенная версия, написанная в монастыре Св. Неота в Хантингдоншире позднее, в XII в. В тех местах память об Альфреде явно не очень-то чтилась: в этой более поздней версии св. Неот упрекает короля за тираническое поведение в молодые годы и пророчит несчастье; а буханки хлеба сильно пригорают.

Несчастье был предотвращено, а шесть недель на острове Ателни стали поворотным пунктом в жизни Альфреда. Очень хотелось бы знать больше о тайнах партизанского движения короля Альфреда, о способе, с помощью которого он собрал ополчение у камня Эгберта. Об этом мы можем только строить догадки, но относительно раздумий, которые этот переломный момент всколыхнул в душе Альфреда, мы можем быть более определенными. Ясно, что он по-новому показал ему слабость Уэссекса перед лицом угрозы со стороны датчан. Датчане могли легко передвигаться, нападать как с суши, так и с моря; они могли захватить Уэссекс врасплох и разорить его, прежде чем соберется английское ополчение. У датчан сложилась практика строить укрепленный лагерь или, скорее, захватывать старое укрепление и использовать его в качестве

базы. В 878 г., когда датчане действовали именно таким образом из Чиппенхэма, Альфред перенял их тактику и создал на Ателни, спрятанном среди болот Сомерсета, базу для контратак. Сражение у Эдингтона было решающим не потому, что оно положило конец угрозе датчан Уэссексу — она исчезла лишь после смерти Альфреда, — но потому, что оно показало возможность нанести сильное поражение войску датчан, после которого Альфред принял меры к тому, чтобы довести свою победу до конца.

Его первый поступок, когда он настоял на крещении короля Гутрума и других военачальников, кажется нам и деспотическим, и утопическим. Это выглядит так, будто он полагал, что насильное крещение сделает варвара цивилизованным человеком. Я считаю, что этот поступок был деспотичным, актом безжалостного, традиционного соблюдения долга. Но он также демонстрирует и другую сторону короля Альфреда: он уже считал себя ответственным за благополучие английского народа при правлении датчан и явно надеялся этим шагом спасти его от религиозных преследований со стороны язычников.

За годы, которые прошли после победы под Эдингтоном, Альфред запустил в действие основательную реорганизацию обороны Уэссекса. Армия состояла в основном из дружины короля, или тэнов, и крестьянского ополчения, или фирда. И те и другие были разделены, так что часть всех вооруженных сил могла служить в качестве постоянной армии, готовой встать под ружье в случае нападения, пока другая часть пахала землю или управляла своими усадьбами. Каждая часть армии заступала на службу по очереди, так что обязанности были распределены справедливо. Затем Альфред принял меры к тому, чтобы крепости Уэссекса были восстановлены и заняты, а также чтобы были построены новые. Когда это было закончено (в начале правления следующего короля), по всему

югу Англии протянулась сеть крепостей. Это были большие участки земли, огороженные стеной, и некоторые из них уже начали превращаться в города. Слово *borough* (небольшой город — *англ.*) произошло от древнеанглийского слова *burh*, что значит «крепость». И именно благодаря тесному единению рыночных площадей и стен, их защищающих, возникли многие небольшие английские города. Два века, прошедшие после смерти Альфреда, увидели удивительный рост английских городов. Одной из причин этого была безопасность, которую давали городские стены, а еще большую безопасность крепости Альфреда дали стране в целом. Их непосредственная цель была главным образом военная. Когда нападали датчане, окрестные жители могли укрыться за стенами города, а гарнизон мог использовать его в качестве базы для нападения на датчан. Крепости входили в систему глубокой обороны и впервые дали возможность защитникам Уэссекса ожидать нападений врага с долей уверенности и быстро принимать меры против нападающих (иллюстрация 66).

Но датчане по-прежнему были более подвижны, чем англичане, и третий план Альфреда состоял в том, чтобы встречать врагов, прежде чем они высадятся на сушу. По его приказу были построены большие быстроходные корабли, как гласит «Англосаксонская хроника», согласно его собственному подробному описанию.

Эти меры не устранили угрозу со стороны датчан. Немногие из дальнейших лет жизни Альфреда проходили без войн, ни один — без слухов о войне. Вскоре после 886 г. он заключил еще одно перемирие с Гутрумом и установил границу между своим и его королевствами. Но в 890-х гг. другая большая датская армия откормилась на английской земле и вторглась на территорию королевства Альфреда, а датчане на севере были постоянной угрозой. Тем не менее Уэс-

секс снова смог вздохнуть свободно, представляя себе спокойное будущее, и этим он был обязан оборонительным планам Альфреда. В те времена они вызывали всеобщее восхищение; его burghs и реорганизацию народного ополчения взял за образец самый могущественный из европейских монархов следующего поколения, Генрих Птицелов, первый саксонский король Германии (919—936), при планировании оборонительных сооружений Саксонии для защиты от мадьяр, или венгров. Но если внимательно посмотреть на меры, предпринятые Альфредом, и все удивительные нововведения, которые сделали его знаменитым, поражает не только их новизна, но и то, как медленно он их разрабатывал. Он был королем уже почти семь лет, когда его настиг кризис 878 г., а полководцем он был и того больше. В этот период он, похоже, ничего не делал для того, чтобы улучшить оборону Уэссекса, а довольствовался тем, что продолжал тактику своих братьев, которая уже доказала, что она в лучшем случае нерешительная, а в худшем — гибельная. Вдруг на пороге тридцатилетия он осознал важность нового дела. Он был человеком, способности которого зреют медленно и который получил возможность все в большей степени постигать новые преимущества и учиться на новом опыте.

Это наиболее отчетливо проявляется в его интеллектуальных поисках. Альфред вырос неграмотным, хотя и не совсем необразованным. По мере его взросления стремление иметь у себя ученых людей тоже возрастало. Ассер сравнивает его с пчелой в его поисках ученых мужей, которая улетаёт из дома, опускается на разные цветы, берет все, что хочет, и уносит это к себе домой. Запас меда Альфреда включал четырех мерсийцев, в том числе епископа Вустерского Верферта (873—915), архиепископа Кентерберийского Племунда (890—914), одного уроженца Северной Франции по имени Гримбальд и одного сакса из Европы по

имени Джон (Иоанн), а также одного валлийца, самого Ассера. Их работа продвигалась медленно, и усилия Альфреда по возрождению монастырей с помощью Джона и Гримбальда достигли немногого. Довольно рано Альфреду пришла в голову мысль сделать богатства христианской литературы доступными большому количеству представителей его народа с помощью перевода. В эту работу сам он включился не сразу.

Ассер подробно рассказывает нам историю о том, как он присоединился к группе ученых мужей при дворе Альфреда. Есть что-то почти трогательное в стремлении короля оказаться в обществе этого скучного, педантичного и наивного человека; но Ассер служил ему добросовестно. В середине 880-х гг., когда Ассер впервые появился при королевском дворе, они имели обыкновение сидеть вместе в покое короля и обсуждать интересующие их темы. Однажды Ассер прочитал Альфреду отрывок, который особенно поразил короля, и он достал книгу, в которой были записаны тексты церковных служб и молитвы (он всегда носил ее с собой), для того чтобы Ассер переписал в нее этот отрывок. Но в книге уже не было свободного места, и с согласия короля Ассер приготовил новый лист, который вскоре был заполнен отрывками, выбранными королем.

Когда какой-нибудь отрывок оказывался записанным в книгу, Альфред испытывал побуждение прочесть его, перевести его на английский язык и передать для прочтения другим. Так он принял решение научиться читать — и читать по-латыни. Свои первые шаги в этих направлениях он сделал в праздник св. Мартина 11 ноября 887 г., когда ему было 38 лет. Возможно, Ассер был хорошим учителем. Но еще более вероятно, что в своей методике он был неуклюж и заставлял Альфреда испытывать нетерпение. Без сомнения, зимние вечера предоставляли ему досуг для этих уроков. Как быстро он продвигался вперед — трудно

сказать; он никогда не обходился без своих ученых мужей. Нельзя быть уверенными в том, как много он делал сам и сколько оставлял им, но между 892 и 899 гг. на английский язык были переведены пять главных трудов, и этим процессом руководил сам Альфред.

В детстве Альфред дважды посещал Рим и даже был посвящен занятиям религией; иногда это носило невротическую форму, по крайней мере начиная с подросткового возраста. Но его набожность была в корне традиционной, и мы не можем ожидать от человека, который был неграмотным почти до сорока лет, глубокого понимания древних текстов. Занявшись литературой в зрелые годы, он следовал по стопам Карла Великого. Известно, что Ассер был знаком со знаменитым сочинением Эйнхарда «Жизнь Карла Великого», и мы можем предположить, что и Альфред тоже. Грамотность дала им обоим возможность благосклонно интересоваться трудами ученых при их дворе — гораздо больше, чем внешнее покровительство, распространенное среди средневековых королей. Никто из них не внес никакого сколько-нибудь оригинального вклада в историю мысли. Но оба они занимают почетное место в истории знания и литературы. Карл Великий лично вдохновлял и руководил возрождением образования и предпринимал попытки давать своим собственным сыновьям, видным светским деятелям своей империи и представителям духовенства образование и обучать говорить на латыни. Интеллектуальное возрождение отбрасывало перед собой длинные тени и имело много последствий; дворцовая школа разрушилась после недолгого существования. Альфред работал над менее значительными проектами с менее честолубивой целью. Он пытался распространить плоды древней мудрости путем перевода их на родной язык. Он руководил этим процессом, как это делал Карл Великий, но запечатлел свою личность не только в этом деле, но и в письменном слове.

Книги, вышедшие под руководством Альфреда или по его приказу, наводят на мысль о направлениях его интересов. Епископ Верферт перевел для него «Диалоги» («Собеседования») Григория Великого, а следующим продуктом коллективного перевода его ученых мужей было «Правило пастырское» того же автора. Для Альфреда они вмещали в себя мудрость великого учителя. Они учили на примерах, содержащихся в историях о чудесах, из которых состоят «Диалоги», и путем наставлений из «Правила пастырского», которые придавали большое значение обязанности епископа учить, причем учить как мирян, так и духовенство. Непонятным образом у Альфреда и Григория были одни и те же источники вдохновения. Григорий был одним из самых замечательных пап римских, символом величия Рима. Именно он послал Августина обратить англичан в христианство. Григорий также был одним из главных действующих лиц «Истории» Беды Достопочтенного, еще одного произведения, которое было переведено на английский язык. «Диалоги», «История» Беды Достопочтенного и всемирная история Орозия (написанная в начале V в.) — все они отражают интерес к прошлому. А во времена Альфреда предания его собственного народа и в меньшей степени Рима и церкви вообще были собраны в «Англосаксонской хронике», написанию которой он, вполне возможно, способствовал и которую почти наверняка внимательно читал. Но интерес Альфреда к истории был частью более широкого интереса к миру, его окружавшему. К нескольким переводам он сделал свои собственные добавления. К произведению Орозия он добавил свои собственные комментарии к военным походам и политическим вопросам, возникавшим в истории в древности, и прежде всего оригинальный обзор по географии Северной и Центральной Европы, той ее части, которая не была включена в Римскую империю. Его пыливое любопытство лучше всего

раскрывается в том, как он рассказывает историю о путешественниках, которые прибыли к его двору, и использует информацию, от них полученную.

В двух его последних работах личный мотив звучит даже еще более отчетливо. Римский автор Боэций написал «Утешение философией», пока ожидал казни по приказу короля готов Теодориха Великого. Альфред увидел, как его собственный мир пошатнулся под натиском датчан, и жил в постоянном ожидании беды. Он часто спускает своих читателей с высот римской философии в обычный мир, в котором они жили. И хотя в его действиях есть некоторая наивность, эти отступления от темы представляют большой интерес, и немногие могли бы обращаться с текстами так по-рыцарски. Отрывок из Боэция иллюстрирует его интересы и точку зрения на совершенство. Слова, написанные курсивом, имеют некоторое отношение к тому, что написал Боэций, все остальное — собственный текст Альфреда, хотя, очевидно, и навеянный отчасти более ранним комментарием.

«Вы знаете, что безудержное стремление к мирской власти никогда не увлекало меня, и я не очень-то и желал этой земной власти, но я желал орудий и людей для работы, исполнение которой было возложено на меня, а именно чтобы я мог достойно руководить и править страной, которая была мне вверена. Известно, что ни один человек не может проявить свой талант или править чем-либо без орудий и людей. То, без чего нельзя заниматься ремеслом, — это сырье. Для короля, который правит страной, сырьем и орудиями являются люди, которыми она населена. У него должны быть люди, которые молятся, а также воины и рабочие руки. Вы знаете, что без этих орудий никакой король не может проявить свое умение. А вот средства, которые у него должны быть для этих орудий, — это средства к существованию для тех трех сословий. А их средства к существованию состоят из земли, на которой они мо-

гут жить, ее даров, оружия, пищи, эля, одежды и всего того, что требуется этим трем сословиям. И без этого всего король не может ни держать в руках те орудия, ни выполнять без них то, что на него возложено. *По этой причине мне нужны были люди, чтобы править этими владениями, чтобы мои способности и правление не были забыты и обойдены молчанием.* Ведь каждый талант истощается, а правление каждого человека вскоре тихо проходит, если оно осуществляется без мудрости, потому что ни один человек не может выполнять какое-либо ремесло без мудрости, ведь то, что делается по недомыслию, не может быть названо ремеслом. Короче, пока я жив, я желал жить достойно и оставить людям, которые придут после меня, память обо мне в виде добрых дел».

В последнем переводе — это была версия Альфреда первой книги св. Августина «Монологи» — его мысли от неопределенности нынешней жизни обращаются к надежде на мир в будущем; главная тема — это бессмертие. В предисловии он объяснил свое отношение к древним знаниям знаменитой метафорой о лесе, в котором он собрал «палки, подпорки и поленья... поперечины и перекладины», отнес их к себе и построил дом. «Нечего удивляться тому, что человек тратит труд на такие материалы — несет их и строит из них дом. Каждый человек, когда он построил с помощью землевладельца деревню на земле, сданной ему в аренду, хочет жить в ней, ходить на охоту, ловить диких птиц, удить рыбу и обеспечивать себя всеми способами на этой арендованной земле как на море, так и на суше до тех пор, пока по милости его господина он не получит земельный надел в бессрочное владение. Так должен действовать богатый даритель, который правит этими временными обителями и вечными дворцами. Пусть Тот, Кто создал их и правит ими, сделает так, чтобы в моей власти было и быть полезным здесь, и достигнуть вечности».

Цель этого перевода состояла в том, чтобы дать другим шанс насладиться чудесными плодами его леса; и его методы можно увидеть и в других его делах. Составляя свои законы, он начал с типичного допущения, что английский закон неким образом тесно связан с Божественным законом. Источники варьируют от второй книги Ветхого Завета «Исхода» до законов его предшественников, королей Уэссекса, Мерсии и Кента. Все законы собираются вместе, происходит отбор по воле короля, а затем они провозглашаются с согласия витана.

Альфреду было всего 50 лет, когда он умер; тем не менее он изменялся и быстро развивался в последние годы своей жизни. Его последние книги читаются как размышления старика. Безусловно, он прошел длинный путь. Рассудительная, зрелая, утонченная простота «Монологов» — это далекий крик впечатлительного, нервного, восторженного мальчика, который учил наизусть саксонские стихи. Его жизнь показывает, как много мог человек достичь за одну жизнь, если шел по пути к цивилизации, и как трудно было дойти так далеко даже для человека с талантами и возможностями Альфреда. Столь широк был спектр его достижений, столь привлекателен голос, звучащий с написанных им строк, и столь редко можно послушать голос средневекового короля, что мы рискуем идеализировать его. В конце концов, он был человеком, в некоторых отношениях чрезвычайно гуманным. Но в разрушающемся мире он имел смелость планировать счастливое будущее — не только оборону страны, но и более полную и богатую жизнь для своих подданных. В этом есть что-то героическое. Успех — впечатляющий, образ — поразительный.

Глава 8

ДЕСЯТЫЙ ВЕК

Многими талантами Альфреда были наделены его потомки, которые правили Уэссексом и Англией с 899 по 1066 г. Ни один из них не достиг его широты интересов. Ни один из них не стал автором произведений, и ни один не удостоился того, чтобы Ассер рассказал нам о его личной жизни. Это призрачные фигуры по сравнению с их выдающимся предшественником, но явно не призрачные для своего времени. Эдуард и Этельстан были прославленными воинами, которые сильно расширили площадь королевства Альфреда. С чисто военной точки зрения своим созданием английское королевство обязано в той же степени Эдуарду, в какой и Альфреду. Ни один саксонский король, за исключением, возможно, Оффы, не был так известен и не пользовался таким уважением в западном христианском мире, как Этельстан. Правление Эдгара было спокойным, но страну он держал в руках даже, наверное, еще крепче, чем Этельстан, и покровительствовал возрождению монастырей и интеллектуальной жизни, о чем мечтали Альфред и Этельстан, но не дожили увидеть собственными глазами. Это были выдающиеся люди, и, хотя королевство при Этельреде II Непослушном пришло в упадок, его достижения были весьма заметны. Но получить реальное представление об этих королях как личностях нелегко. Если же мы хотим этого, то мы должны сфокусировать внимание на Этельстане и Эдгаре.

Эдуард Старший стал преемником Альфреда и королем Уэссекса. С помощью своей сестры Этельфледы, правительницы мерсийцев, он приступил к завоеванию заново центральных и юго-восточных районов страны. Ко времени своей смерти он был действительным правителем всей Англии к югу от Трента, но жители Мерсии помнили, что он западный сакс. Его преемником стал сын Этельстан, настоящий наследник западносаксонского рода, который вырос в Мерсии, жители которой проявляли по отношению к нему лояльность, чего не признавал его отец. Этельстан действительно был признан мерсийцами королем прежде, чем он был признан западными саксами.

Этельстан завоевал признание своей королевской власти над Северной Англией и Южной Шотландией. Он был королем, василевсом и даже, наверное, императором Британии. Он значительно укрепил представление о власти английского короля.

Центром жизни Этельстана был его двор, его пиршественный зал, в котором вокруг него собирались его воины и где он оделял их своими дарами. Когда «Хроника» неожиданно разражается героическими стихами в знаменитом месте, где описывается сражение при Брунанбурге (Brunanburh), она называет короля «повелителем воинов, раздающим кольца». Он был не просто наследником Хродгара и Беовульфа, а гораздо больше. Писцы, которые записывали его указы, пытались навязать многострадальной латыни свое ощущение его величия, «раздувая» язык, на котором они описывали торжественную процедуру одаривания, необычными высокопарными чужеземными словами, часто имевшими отдаленное греческое и вообще неизвестное происхождение. 28 мая 934 г. один из этих писцов начертал документ, дарующий поместье в Кенте одному тэну. Этот шедевр чудовищной бессмыслицы предупреждает любого, кто посягнет на

владение, что тот будет гореть в аду вместе с Иудой, совершившим нечестивое предательство. Этот пассаж наводит на мысль о том, что человек был не очень-то уверен в эффективности человеческого наказания. Но на самом деле власть Этельстана неуклонно становилась все более действенной и уверенной; а список членов собравшегося в Винчестере витана, которые поставили свои крестики на этом документе, весьма впечатляющ. 7 июня тот же самый писец написал другой указ в похожих выражениях, но с более честолюбивой целью: дар земель в Ланкашире архиепископу Йоркскому. Подлинность этого документа часто ставилась под сомнение, особенно в Ланкашире, но за последние годы была с успехом подтверждена. И здесь почти точно такой же впечатляющий список подписавшихся крестиками под этим актом дарения. Он начинается с самого Этельстана, который в тексте документа называет себя «королем англичан, поднятым по праву рукой Всемогущего Христа на трон всего королевства Британии», и продолжается именами двух архиепископов, трех валлийских правителей, шестнадцати епископов, семи элдерменов, шести эрлов-викингов, одиннадцати королевских тэнов и еще тринадцати человек. Двор теперь находился в Ноттингеме, и «Хроника» довольно коротко объясняет, почему такое большое собрание людей быстро двигалось на север из Винчестера: «В этот год король Этельстан вторгся в Шотландию с сухопутным и морским войском и разграбил большую часть страны». Уэльские правители уже были в его свите. Теперь он приступил к задаче покорения шотландцев. Однако в этом ему не сразу сопутствовал успех. Тремя годами позднее вождь ирландско-норвежского происхождения в союзе с королями Шотландии и Стратклайда предпринял масштабное вторжение в саму Англию. В местечке под названием Брунанбург, нахождение которого неизвестно, их

встретили Этельстан и его брат Эдмунд. Крупная победа Этельстана записана в волнующих стихах современного ему поэта. Без сомнения, «Битва при Брунанбурге» была продекламирована перед Этельстаном в тронном зале, равнозначном Хеороту. По пути на север он остановился в Честер-ле-Стрите, где покоились останки св. Кутберта и находился его собор, который позднее был перенесен в Дарем. Святому Кутберту он подарил экземпляр «Жития» Беды Достопочтенного, написанный, наверное, в Гластонбери, в начале которого помещено изображение короля, дарующего эту книгу святому (иллюстрация 6а). Затем он отправился в путь, чтобы подчинить себе Шотландию, и на протяжении оставшихся ему двух лет жизни его авторитет был непререкаем, а его власть не вызывала никаких возражений.

Этельстан был Пьерпонт Морганом своего времени. Когда священники Честер-ле-Стрита увидели, как огромная армия идет в Шотландию, и начали радоваться новому завоеванию, они вполне могли бы задаться вопросом, останется ли король в памяти потомков главным образом как завоеватель или как выдающийся коллекционер. Подобно Пьерпенту Моргану, Этельстан собирал книги и произведения искусства. В отличие от американского миллионера он еще собирал мощи святых и был знатоком всего того, что находилось в его коллекции. Он щедро раздавал подарки, но дары в Хеороте Этельстана были более разнообразны, чем в Хеороте Хродгара; такими были и люди, которые получали их. Через его руки текли золотые и серебряные украшения, земля, оружие, всевозможные предметы искусства, а также редкие и прекрасные книги, интересные как своим содержанием, так и внешним видом, и прежде всего мощи. Он принимал дары со всей Европы, отвечал богатыми дарами в свою очередь, а особенно щедро одаривал своих сподвижников, епископов и церкви в

своей собственной стране. Собору в Кентерберии он подарил Евангелие, которое принадлежало аббату Армы, и другое Евангелие, которое Этельстан получил от своего зятя короля Германии Оттона Великого по случаю вступления Оттона на престол в 936 г. В настоящее время оно находится в Коттоновской коллекции Британского музея. На нем имеется надпись, которая начинается такими словами: «Это Евангелие император Англии и правитель всей Британии Этельстан (*Anglorum basyleos et curagulus totius Bryttannie*) с благочестивыми мыслями даровал кафедральной церкви Христа в Кентерберии, первой в этой стране».

Оттон Великий был самым знаменитым из друзей Этельстана на континенте, но он был одним из многих. Уильям Мальмсберийский, который писал в XII веке и использовал гораздо более раннее стихотворение на латыни, приводит некоторых из них: Харальд, король Норвегии, приславший Этельстану в Йорк свое посольство и подарки, среди которых был корабль «с золотым носом и пурпурным парусом, плотно обитый изнутри позолоченными щитами»; король Германии Генрих I, который попросил руки сестры Этельстана для своего сына Оттона; франкский герцог Хью Великий и герцог Бургундии Конрад, которые женились на двух других сестрах короля. К этим мы можем добавить Людовика из династии Каролингов, впоследствии короля франков, по прозвищу Людовик Заморский, потому что он получил воспитание при дворе Этельстана. Когда герцог Хью отправлял свою просьбу выдать за него английскую принцессу, он выбирал послов и свои дары с хитростью и мастерством. Посольство возглавлял Балдуин, граф Фландрский, жена которого была теткой Этельстана. И «когда он отправил свою просьбу с посольством знатных людей в Абингдон, он предложил действительно богатые дары, которые могли бы мгно-

венно удовлетворить большинство алчных скаред: духи, невиданные дотоле в Англии; ювелирные украшения, особенно с изумрудами, в зелени которых отражались лучи солнца и зажигали глаза стоящих рядом людей подобострастным светом; много быстрых коней в конской сбруе, грызущих, по словам Марона [Вергилия], «удила из красного золота»; ваза из оникса, покрытая такой искусной резьбой, что казалось, будто поле колосьев на ней колышется, лозы дают ростки, фигуры людей движутся, при этом она была настолько прозрачной и отполированной, что отражала, подобно зеркалу, лица зрителей; меч Константина Великого, на котором можно было прочесть имя его древнего владельца, написанное золотыми буквами, а на головке эфеса над толстым слоем золота можно было увидеть прикрепленный железный гвоздь, один из четырех гвоздей, которые иудейская клика приготовила для распятия тела Христа; копье Карла Великого, которое этот непобедимый император, возглавлявший войско против сарацин, когда бы он ни метнул его во врага, всегда даровало ему победу; говорили, будто это самое копье, которое рукой центуриона было воткнуто в бок Христа, открыло этой драгоценной раной Рай для несчастных смертных; знамя Маврикия, самого почитаемого великомученика и командующего Фиванского легиона, с которым этот король на Испанской войне обычно взламывал боевые порядки противника, какими бы сильными и плотными они ни были, и обращал их в бегство; корона, ценная, безусловно, благодаря количеству золота, но больше благодаря драгоценным камням, которые сияли так, что чем больше кто-то пытался смотреть на них, тем скорее вынужден был отвернуться и отступить; кусок святого креста, заключенный в хрусталь, — взгляд, проникая сквозь минерал, мог различить цвет дерева и размеры, а также часть тернового венца в такой же оболочке, кото-

рый солдаты в своем безрассудстве надели на священное чело Христа, издеваясь над его величием».

Драгоценные камни сверкали, король был доволен. Его сестру отправили к жениху с «едва ли худшими подарками». Перед мысленным взором летописца встает великолепие даров, и этому была особая причина. Его собственный монастырь, Мальмсберийское аббатство, украсили часть креста и тернового венца, «благодаря помощи которых, я полагаю, оно и по сей день процветает», несмотря на все бури, которые ему пришлось пережить.

В этом необычном собрании подлинных произведений искусства и поддельных реликвий собрано столько средневековых раритетов, что стоит немного остановиться на них. Как получилось, что Этельстан и монахи из Мальмсбери так высоко ценили куски дерева и кости, древнее и обветшалое оружие, ценили их, как земные сокровища, имеющие земную цену, и сокровища небесные, что выше всякой платы? Логика проста. Святые находятся на Небесах, но они всегда пекутся о людях, и там, где есть кусочек их земной плоти, они согласятся иметь земную обитель; они даже будут заботиться о том, чтобы Бог творил там чудеса. Да и каких бы чудес не сотворил сам Христос для тех, у кого хранятся реликвии, оставшиеся от Его земной жизни? У них не может быть частей Его брэнного тела, которое восстало из мертвых и вознеслось на небеса, но крест, терновый венец, копье и одежда были не раз уже поделены и распространены по миру, и из останков Христа и святых сформировалось нечто вроде божественной валюты. При этом допущении логика достаточно ясна, а основного учения, разумеется, и по сей день придерживаются католики в наши дни. Но в этой цепи есть слабое звено. Оно предполагает нашу уверенность в том, что реликвии подлинные. Сейчас никто не сомневается, что большая часть средневековых релик-

вий была поддельной. Они были не тем, на что претендовали, и по этой причине вера повсеместно навлекла на себя сомнительную славу. По счастью, никто никогда не пытался собрать воедино крест, или терновый венец, или предметы одежды Девы Марии. Было подсчитано, что из фрагментов «истинного креста», которые существовали в Средние века, можно было бы построить боевой корабль, терновый венец образовал бы живую изгородь вокруг многих акров земли, а гардероб Девы Марии, без сомнения, заронил бы сомнения в том, что Иисус Христос был родом из бедной семьи.

Рассказывают об одном известном художнике, которому его друг показал картину, якобы принадлежавшую кисти этого художника. Художник прекрасно знал, что картину писал не он, но, чтобы пощадить чувства своего друга, он тут же надписал на ней свое имя. Бесчисленному количеству святых приписывались кости других людей (а иногда животных), которые, оправленные в серебро, золото и драгоценные камни, хранились в алтарях и выносились во время процессий под именем этих святых. Наверное, почтение выражалось идее; люди позволяли вере победить вымысел; наверное, слабое звено в цепи просто обходили. Когда умер св. Тейло, по словам его биографа, три общины боролись за его тело. Их проблемы были решены благодаря тому, что святой услужливо предоставил им три своих тела. Этот святой умер в VII в., а рассказ об этом увидел свет в XII. Для нас это является примером того, как средневековую логику можно использовать для объяснения необъяснимого — ведь известно было о существовании трех тел. Для большинства людей, прочитавших этот рассказ, он, вероятно, показался удачным примером божественной дипломатии и такта.

Старший современник Этельстана, король Германии Генрих I, видимо, был упрямым правителем, ка-

ких было много в Европе в те времена. Но в последние годы своей жизни он обменял большой кусок своей территории — часть современной Швейцарии — на еще одно священное копьё, особенно могущественный талисман, дарующий победу, который, подобно мечу Этельстана, принадлежал Константину и обладать которым было необходимо любому правителю, стремящемуся стать римским императором. Вскоре после этого Генрих умер; но с этим копьём его сын Оттон победил орды мадьяр в битве у Леха (приток Дуная. — *Пер.*) в 955 г. и вместе с ним въехал в Рим, где в 962 г. был коронован императором.

Вера в могущество мощей была повсеместной. Этельстана выделял из всех масштаб его коллекции и изысканность ее экспонатов. Он не был скупцом: он раздавал большую часть экспонатов, но никогда не переставал собирать по всей Европе все, что мог найти и что могли купить его посредники. Церковь Дола в Бретани захотела поблагодарить его за покровительство и отправила ему письмо. Ему было обещано молиться за него, а настоятель написал: «Посылаю вам мощи, которые, как нам известно, вы цените больше, чем земные сокровища, — кости св. Сенатора и св. Патерна, а также его учителя св. Скабилиона, который умер с ним в один день. Эти двое лежали по правую и левую руку от св. Патерна; торжества в их честь, как и в честь Патерна, проводятся 23 сентября». Этельстан был хорошо знаком с некоторыми церквями Девона и Корнуолла и имел хорошие отношения с Уэльсом, так что он вполне мог знать о некоторых кельтских свя-тых. Настоятель, очевидно, предполагает, что он знает о св. Патерне, а св. Сенатор и Скабилион будут новыми дополнениями к его коллекции. Мощи Патерна были отправлены в Мальмсбери, мощи других свя-тых — в новую церковь в Милтон-Аббас, которую основал сам Этельстан; вместе с ними было послано и письмо, подтверждающее их подлинность. Там это

письмо и было найдено 150 или даже больше лет спустя. В Милтон также отправился еще один фрагмент части креста, принадлежащей Этельстану, рука, кости и епископский посох св. Самсона, епископа Дола, рука св. Бранваладера и другие мощи, запечатанные в пяти ящиках, которые он привез из Рима и Бретани.

Не сохранилось никакой описи реликвий, которые проходили через руки Этельстана, и любая попытка восстановить ее сталкивается с двумя серьезными трудностями. Для основной части коллекции нет вообще никакого перечня; для значительной ее части список есть, но благочестивые подделки настолько расширили его, что нельзя сказать, что в нем содержалось изначально. Веком позже кафедральный собор Эксете́ра заявил, что обладает одной третью всех реликвий, которые король Этельстан привез из-за границы. Вестминстерское и Гластонберийское аббатства и другие церкви также заявляли о своих правах на значительные дары, количество которых, вероятно, резко увеличилось с течением времени. При обращении с реликвиями следовало соблюдать особые моральные правила. Ложь может быть греховной, но ложь о мощах была невинной для тех, кто извлекал из нее пользу. Однако кража не имела ни хорошей, ни плохой окраски, она была возможна лишь в том случае, если сам святой желал переселиться, и вор, таким образом, был пассивным орудием намерений святого. Клептоманию, которой часто подвержены алчные коллекционеры, можно было рассматривать как праведное рвение. Когда св. Хью Линкольнский откусил кусочек лучшей реликвии Фекампского аббатства в Нормандии, его монахи были в ярости и негодовали, но его биограф рассказывает эту историю не краснея. Монахи Авиньона прочли историю посольства герцога Хью Этельстану, список реликвий, и у них потекли слюнки. Затем они заметили, что двор расположился в Абингдоне. Такой набожный король никак не мог

оставаться там, не сделав какого-нибудь значительного подарка аббатству. Ясно, что он подарил им часть тернового венца, кусочек одного из гвоздей, знамя св. Маврикия и палец св. Дени — все в серебряном сундуке. «Об этом, — написал доктор Армитаж Робинсон, — мы можем только сказать, что это была смелая заявка».

В 939 г. Этельстан умер, будучи еще в расцвете лет, находясь в зените власти. Распространив свою власть на Уэльс и Шотландию и благодаря своим отношениям с правителями Западной Европы он добавил размаха королевской власти своих предшественников. Его королевское собрание реликвий, во многом обремененное обманщикам и шарлатанам, прибавило многое к сокровищам древнего Хеорота. Подобно Альфреду, он был образованным человеком, а также, очевидно, человеком немалого художественного вкуса. То, что он был покровителем своего родственника, талантливого св. Дунстана, далеко не является совпадением. Но мы читаем о нем сквозь дымку неясной придворной латыни, существовавшей в любой стране во все века. И когда мы останавливаемся, чтобы отдышаться среди бесконечных гротескных и цветистых оборотов речи его хартий, мы не можем не почувствовать, что он был отчасти императором-высочкой. Они напоминают нам о знаменитой сентенции в проповеди: «Если аргумент слаб, ори громче». Было высказано предположение, что клятвенные заверения ему нужны были просто потому, что он был не очень уверен в подчинении. Это в случае с Этельстаном, возможно, была не вся правда. Он явно любил пышность и блеск в любом виде. Но это утверждение напоминает нам о том, что лишь его авторитет и воинские успехи держали викингов в узде и что было не далеко то время, когда они снова нанесут удар.

Преемником Этельстана стал его брат Эдмунд, а за ним — его брат Эдред. Оба они были добросовест-

ными монархами, о которых известно сравнительно мало; ни один из них не прожил долго. Затем королевство перешло, не задерживаясь долго в одних руках, двум сыновьям Эдмунда Эдвигу и Эдгару. Эдгар был последним великим королем из рода Альфреда. А так как Эдгар начал свой путь с восстания против своего старшего брата, то Эдвиг оказался в крепких тисках. Он поссорился со святым Дунстаном. Нам сообщают, что причиной ссоры послужило то, что Эдвиг покинул пир в день своей коронации ради пустой беседы с двумя женщинами сомнительной репутации. Дунстан был одним из тех, кто упрекнул его в этом, и Эдвигу это сильно не понравилось. Впоследствии его неумелое правление принесло свои плоды. В 957 г. Эдгар был провозглашен королем Мерсии, а в 959 г. беспутный Эдвиг умер. Но Эдвигу, возможно, было всего лишь 13 лет, когда его короновали, — вряд ли намного больше, — и ему, вероятно, не было и двадцати — гораздо меньше двадцати лет, — когда он умер. Трудно воспринимать это всерьез; совершенно очевидно, что Эдгар тоже пошел по этой стезе, но остепенился.

Эдгар умер в 975 г. в возрасте 32 лет. К этому времени его детство было уже давно забыто, и его достижений было уже достаточно, чтобы оставить неизгладимый след в истории королевской власти Англии. Он водил дружбу с видными церковнослужителями, и, несомненно, они заботились о том, чтобы его восхваляли. Но ясно, что его успехи для его возраста были существенными. Также ясно, что он многим был обязан своим высокопоставленным духовным советникам Дунстану Кентерберийскому, Освальду Йоркскому и Этельвольду Винчестерскому. Насколько многим — трудно сказать. Он правил Англией крепкой рукой и был известен как Эдгар Милосердный, но его мир был признаком силы, а не слабости. Он продвинул союз датчан и англичан еще

на одну ступень. Подобно Этельстану, его власть признавали другие короли острова. В 973 г. он чрезвычайно торжественно был миропомазан и коронован; в этом же году в Честере ему подчинились семь валлийских и шотландских королей — хотя действительно ли они провезли его на весельной лодке по реке Ди, как гласит легенда, трудно сказать. Он покровительствовал возрождению монастырей.

И естественно, последний пункт был лучше всего отражен в письменных источниках. Возрождение монашеской жизни, а вместе с ней многих видов знаний, искусства и архитектуры представляет собой одно из самых волнующих событий X в. Альфред и Этельстан не очень преуспели в своих попытках покровительствовать такому движению. При преемниках Этельстана триумvirат святых начал свою работу. При Эдгаре она начала приносить свои плоды. Для нас представляет особый интерес то, что они приписывали свой успех ему. Это показывает, насколько возвышенное чувство люди испытывали к королевской должности, если они делали это. Слова, которыми они пользовались, звучат знакомо и сегодня, ведь мы привыкли слышать, как льстят диктаторам, называя их авторами всего, что есть хорошего, включая научные открытия. Но есть разница. Сомнительно, чтобы Эдгар умел читать по-латыни; и поэтому сомнительно, нужно ли было его придворным так льстить ему в тексте своего трактата об обычаях монахов. Этот трактат «Монашеское согласие» (*Regularis Concordia*), был, вероятно, написан св. Этельвольдом; он четко отражает его взгляды и взгляды Дунстана. Призывая королевскую власть, он пытается ослабить хватку светских феодальных сеньоров на собственности монастырей и замазать трещины разногласий между монастырями. Но совершенно ясно, что его автор действительно верил, подобно многим церковнослужителям в Северной Европе X в., в то,

что король — наместник Христа на Земле, главное доверенное лицо Божественной власти, раздающее небесные благодеяния, — не причастие, так как король не являлся священником, — посредник едва ли менее действенного благодеяния в виде Божественного порядка и доброго правления.

«Прославленный Эдгар, милостью Божией известный король английского и других народов, живущих на острове Британия, с ранних лет начал бояться, любить и обожать Бога всем своим сердцем. Пока он был занят различными делами, подобающими отроку, его тем не менее коснулось Божественное внимание, что ему усердно внушал некий аббат, который объяснил ему королевский аспект католической веры. Чтобы искра веры, которая начинала постепенно разгораться, не погасла от праздности и безделья, он начал предусмотрительно и серьезно обдумывать вопрос, с помощью каких священных и достойных трудов ее можно заставить гореть ярко и раздуть стремление к совершенствованию». Далее в предисловии описывается не без преувеличений плохое состояние монашества при его восшествии на престол, его труды и усилия его супруги, направленные на его возрождение.

«Поэтому когда с величайшей готовностью был принят Устав святого отца Бенедикта, очень многие аббаты и аббатисы вместе с их монашескими общинами стали соперничать друг с другом в следовании стопам святых. Ведь они были объединены одной верой, хотя и не одной монашеской традицией. Чрезвычайно обрадованный таким великим рвением, вышеупомянутый король после глубокого и тщательного изучения вопроса повелел Синодальному совету собраться в Винчестере. Этому собранию он смиренно послал письмо, написанное на великолепном пергаменте в ободряющих и спокойных выражениях. В нем он, тронутый милостью Христа, убеждал всех придерживать-

ся одного образа мыслей в отношении монашеских обычаев, следовать за проверенными святыми отцами, которые возлагают свои надежды на предписания устава, чтобы избежать разногласий и чтобы различные способы соблюдения обычаев одного устава и одной страны не навлекли на их благочестивую беседу дурную славу. Глубоко тронутые мудрым советом этого великолепного короля, епископы, аббаты и аббатисы не замедлили воздуть руки к небесам в искренней благодарности трону, на котором сидит такой хороший и великий учитель».

Для современного читателя такое низкопоклонство перед Эдгаром не выглядит привлекательно. Но кажется вероятным, что этот сильный, способный, упрямый молодой человек был во многих отношениях притягательной личностью. По крайней мере, его религиозность была настоящей, так как Этельвольд и его коллеги не написали бы так, если бы она была совершенно абсурдной. Идеалу религиозного короля было суждено появиться позже в германском королевстве в лице Генриха II и Генриха III; а император Генрих III в 1046 г. дошел до того, что избавился от трех пап, которые пытались занять Святой престол одновременно, и начал реформу в сердце западного христианского мира. Из этой реформы в свое время родилось учение (не новое, а которым широко пренебрегали на протяжении предшествовавших веков) о том, что управлять церковью должны папы и епископы, а не короли, а из действенных теорий папских реформаторов вышли конфликты, которые мы обычно называем спорами об инвеституре. Это предстояло еще в далеком будущем, в 970 г., когда, вероятно, была обнародована *Concordia*. Но уже не было глупых людей, которые замечали, что слишком тесная связь короля с церковью не очень полезна для последней, что, если король может обращаться с епархиями и монастырями как единицами личной

собственности, он может использовать это для неподходящих целей. Дунстан и Этельвольд верили в честность Эдгара, а Эдгару еще не было тридцати. Но пять лет спустя в 975 г. он внезапно умер, а его юные сыновья и группировки, которые их поддерживали, перессорились из-за его королевства.

Партия Эдуарда (которому было около 13 лет) доказывала, что он старше и является лучшим кандидатом в короли. Партия Этельреда (которому, возможно, было не больше 6—7 лет) испытывала большие сомнения в отношении характера Эдуарда. Гораздо позже они также доказывали, что Этельред родился, когда его отец был королем, а мать королевой, т. е. порфирородным. Очень сомнительно, чтобы они в то время действительно утверждали это, хотя это было и не совсем невозможно в Европе, в которой по-прежнему властвовал Оттон Великий, восшествие которого на престол оспаривал его младший брат, выступая с таким заявлением. Но более вероятно, что это предположение относится к начальным годам зрелости Генриха I, а не к детству Этельреда¹.

Каковы бы ни были их мотивы, сторонники Этельреда не хотели допустить к власти Эдуарда. 18 марта 978 г. Эдуард приехал в Корфе (Дорсет), чтобы повидаться с братом. При его приближении к поместью, в котором жил его брат, появились слуги Этельреда и окружили коня короля, будто для того, чтобы приветствовать его. Но они приветствовали его ударами ножей и похоронили его тело поблизости в Вэрхэме по укороченному обряду или вообще без него, а английский народ узнал, что насилие и предательство сделали Этельреда их королем.

Эдуард умер, но его путь не закончился. Годом позже один элдермен из Мерсии откопал его останки и торжественно перевез их в Шафтсбери. Рассказы-

¹ См. с. 25, 26, 217—219.

вают, что они чудесным образом остались нетронутыми тленом. Вокруг его могилы стали шептаться о чудесах. Кости молодого человека стали священными мощами; его брат был вынужден признать его святым и провозгласить день его смерти официальным праздником. Так король Эдуард стал великомучеником. Когда элдермен перевозил тело в Шафтсбери, он, видимо, осуществлял акт примирения; воздав почести убитому королю, он, наверное, надеялся сплотить сторонников Эдуарда под знаменами Этельреда. Если это объяснение (на это намекнул один из современников) верно, можно сомневаться в том, увенчались ли его усилия успехом. Растущий культ Эдуарда, вероятно, был постоянным напоминанием Этельреду о том, каким образом он взошел на престол. Убийство было совершено слугами Этельреда, так что он не мог избежать доли ответственности за него. Так как в то время ему не могло быть больше 9—10 лет, нам кажется трудным отнестись к этому обвинению очень серьезно. Но оно бросило тень на восшествие Этельреда на престол и в какой-то степени на все его правление. Быстрое распространение культа Эдуарда, вполне возможно, является отчасти отражением растущей политической тревоги. Этельреду не удалось завоевать или удержать преданность нескольких ведущих тэнов. Элдермен из Мерсии умер в 983 г.; в 985 г. его сын и преемник Эльфрик был отправлен в изгнание, очевидно за мятеж. В 992 г. другой выдающийся элдермен периода молодости Этельреда Эльфрик Гемпширский стал предателем; в 993 г. Этельред попытался обуздать его, ослепив его сына. И все же десять лет спустя Эльфрик снова предал его. Это показывает, как легко некоторые сторонники Этельреда относились к своей преданности ему, и нельзя удержаться от того, чтобы не заподозрить, что это они намеренно поощряли культ погибшего брата Этельреда, что кости Эдуарда стали вдохновляющей

идеей для измены, предательства и оппозиции, что старший брат в своей могиле не давал покоя младшему на троне. В своде законов Этельреда от 1008 г. особенно отмечено, что «советники постановили, что праздник в честь Эдуарда должен отмечаться по всей Англии 18 марта», будто они силой вырвали этот указ у сопротивляющегося короля.

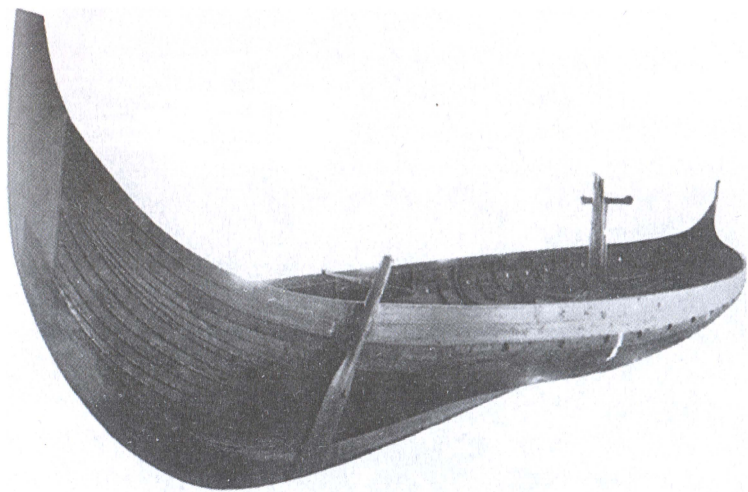
Инакомыслие и полуподавленный бунт всегда были распространенным явлением в англосаксонской Англии. Во времена Этельреда это происходило открыто. Летописец XIII в. отмечает, что он был известен как Этельред Un-raed, из чего произошло современное Unready (неготовый, нерешительный). (В русскоязычной исторической литературе «Непослушный». — *Ред.*) Летописец опоздал¹, но у него был доступ к информации, в настоящее время утраченной, и игра слов так остроумна, что кажется вполне возможным, чтобы Этельреду было дано такое прозвище современным ему остряком. «Этельред» является сложным словом, состоящим из двух древнеанглийских слов aethel и raed, что означает «благородный (прекрасный) совет». Слово unraed означало «не совет», но у него был подтекст и другие значения, в том числе «дурной совет» и «предательский заговор». Этельред был королем, согласно его хартиям, «милостью Божьей» или, более точно, «с Божественного одобрения предопределен милостью Господа Бога нашего». Наверное, это утешало его, но ему никогда не позволяли забыть, что есть и другие слова, которыми можно описать его восшествие на трон. Убийство брата оказало губительное воздействие на его карьеру; на него навсегда легла печать Каина.

Unraed могло подразумевать, что Этельреду был дан дурной совет его приспешниками, или что он не последовал совету, который они ему дали, или у него не

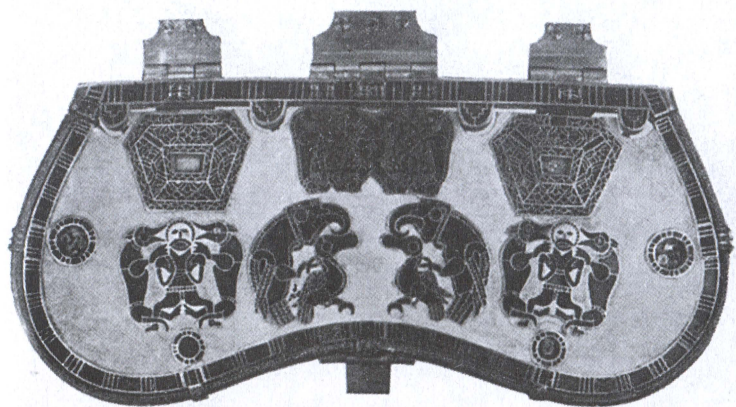
¹ Это прозвище было почти наверняка известно Уолтеру Мэпу, который писал в конце XII в.

было человека, который мог дать ему совет, или что он просто не был благоразумен. Во всех этих утверждениях есть доля правды. Он не мог рассчитывать на повиновение многих своих подданных; всегда находились такие, лояльность которых была сомнительной в случае войны. Это соображение, а также его собственный темперамент сделали его нерешительным и неумелым полководцем. Временами его бросали большинство его сторонников, и витан избрал двух королей для его замены еще до его смерти.

И все-таки у нас нет причин целиком приписывать его неудачи его неумению. Средневековый король должен был уметь внушать страх и восхищение, если хотел добиться успеха. Ему также была нужна удача. Этельред был очень неудачлив: неудачно стал королем описанным выше способом. Неудача для него состояла в том, что датчане были готовы и дальше нападать на его страну в течение двух лет со дня его восшествия на трон. Еще более неудачными для него были сила и искусство датских вождей, нападавших на него. Нечего и говорить, что датчане пользовались его слабостью. Датские армии и флоты были особенно хорошо вооружены и обучены под руководством хороших военачальников в последней четверти X — первой четверти XI в. Даже при этом англичане смогли бы оказать им сопротивление, если бы они были объединены и ведомы талантливым воином. Они не были едины. Некоторые английские вожди не делали секрета из своего презрения к Этельреду. Культ Эдуарда стал способом выразить неуважение королю. Даже если бы Этельред был блестящим полководцем, он не смог бы дать отпор датчанам, не имея большей преданности, чем он мог располагать. Сражение при Мальдоне в 991 г., когда один английский элдермен пал, героически защищая побережье от имени короля Этельреда, показало, что некоторые элдермены были ему верны; но их было недостаточно.

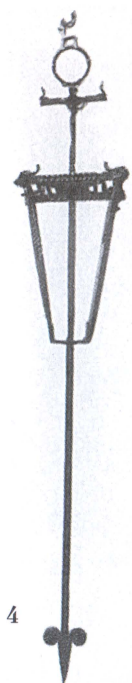

1

2

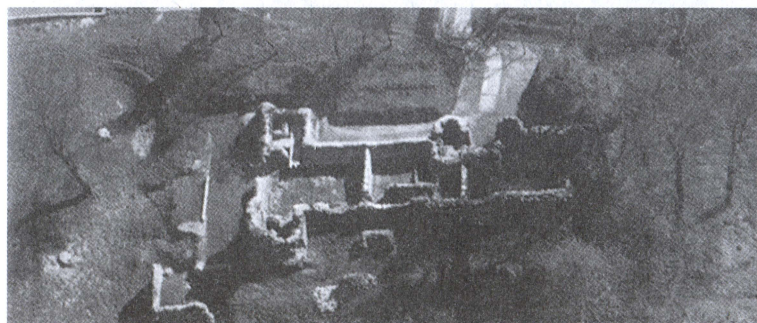
4

5

6

7

7 Hwæt þan him anfygste se lomp a
 and wadum. þæt he pærd eal gearo heal
 nu maðe scop him heort naman se þe
 wordas sepearld wite hæfde. He beoð
 alic beagas dælde sinc æt symle se
 hlifa de. heah thorn seap heaðo wylm
 bad. Ladan liges ne pæs hie lense þas
 þse seas hette aþum spowan ætten pæl

R Terra Regis.
 ex tenet Casita. Lxx. l. annuo / manq. geldauit
 idō nescit quot hīde sint ibi. lra. ē. xxx. car.
 In dñio sunt. viij. car. / viij. serui. lbi. xxx. viij. uilli / bovi
 bord. / x. colaba. hītel. xxi. car. lbi. xel. v. burgenses. / vi
 molini reddēt. iij. lib / xxi. sol / vi. den. / l. ac pā. / pasta
 u. leū lē. / una leū lat. hī uilla reddā firmā unī nocū cū
 Hī cō eccliam ten. Nigel de rege. cū. vi. hīd qe. / l. ouea
 lra. ē. v. car. In dñio ē. ii. / serui. lbi. viij. uilli / u. bo
 xxi. colab. lbi. ii. molini de. xxi. sol. / xxi. burgenses redd
 sol. Silua. ii. qe lē. / una qe. / xxiij. ac lā. / pasta
 cū pō lā. / ii. qe lā. Tot ual. viij. lib.

10—12

19

20

В таких обстоятельствах Этельред стал придерживаться политики, которую изобличает его имя. Датчане прибыли, чтобы грабить; это была основа их образа жизни. Если бы он стал с ними сражаться, он мог проиграть, и часть Англии была бы разорена. Если бы он выиграл, то датчане непременно пришли бы снова, или их вожди обеднели бы или потеряли авторитет. Но Англия была по-прежнему сравнительно богатой страной; запасов серебра было достаточно; денежное обращение было самое высокоорганизованное в Европе. Даже если в Англии и был некоторый беспорядок, основные органы управления страной можно было заставить работать. Монетные дворы могли производить большое количество весьма желанных монет. Если откупиться от датчан, они уплывут, не причиняя дальнейшего ущерба. Да, они вернутся снова, но пока серебра больше, чем надежных войск, разумно было использовать серебро, чтобы защищать Англию. Так что с помощью серебра и оставшихся верными ему тэнов Этельред удерживал страну от полного краха в течение 30 лет. За это он и его советники заслуживают некоторой похвалы. Ему не хватало советников и готовности к борьбе, каковые были у его выдающихся предков, но он удерживал свой трон почти до самого конца своей жизни.

Наконец, в 1009 г. датский король Свен решил покончить с Этельредом и самому стать королем англичан. Сначала он послал своих лучших помощников, которые совершали набеги на эту страну с поразительным упорством на протяжении трех лет. В 1012 г. датчане получили огромный выкуп, но, прежде чем уехать, они вероломно убили Эльфега, архиепископа Кентерберийского. Это, видимо, огорчило одного из их вождей Торкеля Высокого настолько, что он переметнулся на сторону Этельреда. Но дезертирство Торкеля не принесло английскому королю утешения; напротив, это вызвало приезд короля Свена собствен-

ной персоной. В 1013 г. Свен высадился в Англии в «Сэндвиче и вскоре после этого прошел Восточную Англию и вошел в устье реки Хамбер, а затем вверх по Тренту до Гейнсборо. Тогда эрл Ухтред и вся Нортумбрия сразу же сдались ему, и все население Линдси, а потом жители Пяти городов, а вскоре и все датчане к северу от Уотлинг-стрит (дорога в Уэльсе между Кентербери и Сент-Олбанс. — *Пер.*); и из каждого графства ему были выданы заложники. После того как он понял, что все население ему сдалось, он распорядился, чтобы его войску были предоставлены лошади. И тогда он повернул на юг вместе со всей своей армией, передав корабли и заложников своему сыну Кнуду. Когда он пересек Уотлинг-стрит, его люди нанесли величайший ущерб, который способно нанести войско, направившись к Оксфорду, где жители немедленно ему сдались и выдали заложников. Оттуда он направился в Винчестер, где произошло то же самое. После этого они пошли восточнее Лондона, и большая часть его войска утонула в Темзе, потому что датчане не побеспокоились поискать какой-нибудь мост. Когда они пришли в небольшой город, его жители не сдались ему, а держались до конца с величайшим мужеством (героизмом), потому что в нем находился король Этельред, а вместе с ним и Торкель. Тогда Свен повернул к Уоллингфорду и, переправившись через Темзу, пошел дальше на запад к Бату и вместе со своими рекрутами расположился там лагерем. Туда прибыли элдермен Этельмэр и тэны с запада, и все они покорились Свену и выдали ему заложников. Зайдя так далеко, он повернул на север к своим кораблям, и весь народ принимал его как своего короля. После этого жители Лондона подчинились ему и выдали заложников, потому что они боялись, что он уничтожит их всех. Тогда Свен потребовал всю дань сполна и припасы для своего войска на зиму... и все же, несмотря на это, они совер-

шали набеги с целью грабежа так часто, как им этого хотелось. В это время для народа все пошло наперекосяк и на севере, и на юге».

Со временем Этельред прекратил борьбу и присоединился к своей королеве Эмме, которая уже бежала в Нормандию, где ее брат был герцогом. Но Свен недолго радовался победе. 3 февраля 1014 г. кровожадный старый викинг внезапно умер, и в его владениях воцарился беспорядок.

Глава 9

КНУД И ЭДУАРД ИСПОВЕДНИК

На английский трон теперь были три претендента: второй сын Свена Кнуд, которому еще не было двадцати, сын Этельреда Эдмунд Железнобокий, которому, вероятно, было лет двадцать пять, и сам Этельред, которому, несмотря на его долгое царствование и многочисленные неудачи, еще не было пятидесяти. Сначала Кнуд, имея противником лишь одного Этельреда, казался самым вероятным кандидатом, но он отказался от своих шансов, уехав в Данию. Видимо, он был слишком молод и неопытен, чтобы справиться с ситуацией. Но он уехал, чтобы вернуться, и вернулся в 1015 г. с еще большим войском. Тем временем Этельред возвратился на трон, но не ко всеобщему удовольствию. Его старший из оставшихся в живых сыновей Эдмунд Железнобокий был полон решимости самым наилучшим образом воспользоваться отсутствием Кнуда. Подробности ссоры отца с сыном несколько туманны, но последствия были таковы, что, когда Кнуд возвратился, королевская власть в Англии была поделена. Эдмунд действовал с величайшей решимостью, а смерть его отца в апреле 1016 г. для него все упростила. Но, подобно своему отцу, он никогда безраздельно не владел преданностью английских элдерменов; некоторые из них выбрали Эдмунда, а большинство — Кнуда в апреле 1016 г. Эти два короля стали выступать друг против друга, и на какое-то время стало казаться, что сила

Эдмунда растет. Но в октябре Кнуд выиграл битву у Ашингдона, а в ноябре Эдмунд внезапно умер.

С 1016 г. до своей смерти в 1035 г., когда ему было около сорока лет, Кнуд был бесспорным хозяином в Англии. На протяжении почти всего этого времени он был при этом королем Дании, а в течение некоторого времени — королем Норвегии и владыкой части Швеции. Он был самой крупной фигурой Северной Европы, вошедшей в легенды еще при своей жизни. После императора он был самым грозным монархом в Западной Европе. Отчасти это было благодаря его наследству, но также и его личным качествам, так как он необычным образом объединял в себе качества, необходимые средневековому королю для того, чтобы добиваться успеха.

Кнуд не был человеком, с которым можно шутить. Прежде чем покинуть Англию в 1014 г., он разделался с заложниками, которых собрал его отец, искалечив их. Современный ему древнескандинавский поэт, исполняя песнь с припевом «Кнуд выдающийся владыка под небесами», мимоходом заметил, что «Кнуд убил или прогнал всех сыновей Этельреда, всех до одного». В первые месяцы своего правления Кнуд, как говорят, слушался советов «элдермена-предателя Эдрика», который посоветовал ему убить брата и детей Эдмунда Железнобокого. Брат Эдмунда Эдвиг был в подходящий момент убит, а двое его малолетних детей отправлены в изгнание — это согласно одной версии, — вслед за ними был послан приказ убить их там. Но это, возможно, не соответствует действительности, и это, безусловно, не было выполнено. Сыновья Эдмунда уехали в Венгрию, а его два сына от второго брака с Эммой Нормандской — в Нормандию. Кнуд был волен обратить свое внимание на более мелкую рыбешку, и в течение рождественских праздников элдермен-изменник сам был убит во дворце по королевскому приказу, а вместе с ним,

«хоть и невинные», пали еще трое видных английских вельмож. Незадолго до этого Кнуд официально женился на вдове Этельреда Эмме Нормандской. Но он был викингом, а среди викингов моногамия еще не устоялась окончательно. Так что он не прогнал свою «временную жену», как осторожно называли Эльфгифу Нортгемптонскую, а отправил ее в Данию, где она правила с ним как королева. Так что на Севере Европы Кнуда помнили как великолепного викинга: «Великодушный владыка, раздающий щедрые дары, в Норидже ты заставил доспехи покраснеть от крови. Ты скорее потеряешь жизнь, нежели тебя подведет твоя храбрость. И ты спешил, тупя мечи в бою. Они не могли защитить свои крепости, когда ты на них нападал. На луке громко взвизгивала тетива. Ты завоевал не меньше славы, всадник на летящем коне, на берегу Темзы. Челюсть волка прекрасно знала это. Король, бесстрашный в атаке, ты разбил шведов в местечке под названием Холи-Ривер [мы уже переместились в 1026 г.], и там волчица получила пищу волка. В ужасном сражении ты устоял простив двух владык, и воронам там было чем поживиться. Ты быстр, когда имеешь дело с родом человеческим». Да уж, он был быстрым; ему не удалось добиться цели в Холи-Ривер, и ярл-викинг, чье двурушничество строило его планы, был вскоре убит. Со своими врагами у Кнуда был разговор короткий, в результате чего он никогда не страдал в Англии от неверности и разногласий с подданными, которые омрачали более мягкое правление Этельреда.

Кнуда боялись. Но его также и уважали и им восхищались как справедливым королем, который правил беспристрастно, как человеком, который стремился подчеркнуть свое положение преемника династии Альфреда, и особенно короля Эдгара Миролюбивого, а также как благочестивым верующим, который проявлял заботу о церкви. Сейчас нам очень

трудно примирить этих двух Кнудов. И все же, если мы попытаемся в воображении проникнуть в мысли кровожадного викинга, который также был помазаником Божьим, мы отчетливо увидим многое из того, что характерно средневековым королям. Мы не можем сказать, что Кнуду не было свойственно лицемерие. Но он был христианином всего лишь во втором поколении. Его отца вообще едва ли можно было назвать христианином, даже если взять его имя. Кнуд воспитывался в мире, которому были непривычны христианские нормы. Да средневековая церковь и не могла требовать большего, чем формальное проявление набожности, от большинства монархов. Нравственные устои светских королевских дворов были невысоки. Средневековые короли были балованными детьми, такими они всегда и оставались. Но в случае с Кнудом поражает то, что указы, которые издавались от его имени, содержат больше чем формальное заявление о благочестивых намерениях. Несомненно, они были написаны для него, но есть веские основания предполагать, что он одобрял формулировки, в которые они были облечены. «Король Кнуд дружески приветствует, — гласило письмо, написанное в 1019 или 1020 г., — своих архиепископов и епархиальных епископов, эрла Торкеля, всех его эрлов и весь его народ... Уведомляю вас о том, что я буду благодарным владыкой и верным блюстителем Божьих прав и справедливого мирского закона. Я руководствуюсь письмами и посланиями, которые архиепископ Ливинг привез мне из Рима от папы римского, чтобы я везде возносил хвалу Богу, пресекал зло и обеспечивал безопасность властью, которую Богу было угодно дать мне. <...> Теперь я благодарю Всемогущего Господа за помощь и удачу в том, что мне удалось избежать серьезных опасностей, которые надвигались на нас, и нам теперь не нужно их бояться... Теперь я желаю, чтобы мы все смиренно побла-

годарили Всемогущего за милость, которую он проявил по отношению к нам». Далее он устанавливает определенные правила для поддержания правильного порядка в церкви и государстве. И хотя английские законы были еще очень грубы и спонтанны, мы можем быть уверенными, что Кнуд и его чиновники в какой-то степени проводили в жизнь закон и порядок так, как этого не было со дня смерти Эдгара. Для церкви он был преданным и щедрым покровителем, и при его правлении английские органы управления неуклонно развивались. В 1027 г. он отправился в паломничество в Рим, идя по стопам Кедваллы, Ине и Альфреда. Он смог присутствовать на коронации императора Конрада II папой. Ему нравилось, что они принимают его, как великого монарха. С императором он мог обсуждать вопрос о границах Германии и Дании, с императором и другими правителями — права английских торговцев и паломников на пути в Рим, с папой он мог договариваться о привилегиях для английского духовенства. Но мы не должны сомневаться в том, что его главной целью было «молиться о прощении моих грехов и безопасности королевств и народов, которые подчинены моей власти», посещать святых апостолов Петра и Павла и другие священные места в Риме. «Я совершал это еще и потому, что узнал от мудрых людей, что святой апостол Петр получил от Всевышнего великую силу лишать свободы и освобождать и был хранителем ключей от Царства Небесного, и я посчитал полезным усердно искать его особого покровительства перед Богом». Это подтверждает то, что мы в ином случае должны были сильно подозревать: молодой король прилежно слушал то, что его духовные наставники говорили ему, а особенно Вульфстан, архиепископ Йоркский, чье перо написало многие законы Кнуда и чья мысль руководила представлениями Кнуда о королевской власти в Англии. Мы

можем увидеть, как широкое осмысление его роли появляется в мыслях и делах Кнуда. Но монархия еще зависела от страха, равно как и от верности и хорошего управления, а викинг в Кнуде так и не исчез.

Да и беспорядки в Англии не были полностью подавлены; в действительности они нашли при правлении Кнуда новые возможности. Кнуд правил Англией с помощью небольшой группы знатных эрлов, как английских, так и датских. В конце его жизни большая часть территории Англии находилась под управлением Сиварда Нортумбрийского (в настоящее время он известен своей ролью, которую играет в «Макбете»), Леофрика Мерсийского и Годвина Уэссекского; а в его семье порядки устанавливали две королевы. Эти властители находились под жестким контролем при жизни Кнуда, но его королевства и семья пали жертвой раздоров и конфликтов, как только он умер (1035).

От Эммы у него остался сын Хардекнуд, который был уже правителем Дании, но он был вовлечен в серьезный вооруженный конфликт с королем Норвегии Магнусом и в течение какого-то времени не мог заниматься делами Англии после смерти отца. Эмма и эрл Годвин тем не менее желали ему успеха, но Эльфгифу и эрл Леофрик при поддержке большинства английских тэнов устроили так, что сын Эльфгифу Гарольд (который формально считался незаконнорожденным, так как был сыном «временной королевы») стал сначала регентом, а потом королем. Были и другие кандидаты среди живущих членов рода Этельреда; и вскоре из Нормандии прибыл Альфред, старший сын Этельреда от Эммы, но был предательски убит. Ответственность за его убийство была возложена на Годвина — факт, который вряд ли будет забыт младшим братом Альфреда Эдуардом Исповедником. Тем временем в 1040 г. Гарольд I умер, и Хардекнуд стал его преемником на троне, что не вызвало никаких вопросов. Как мы уже знаем, Хардекнуд имел договорен-

ность с королем Норвегии Магнусом о том, что один из них станет преемником на троне королевства другого, если тот умрет, не оставив наследника. Магнус и его преемник Харальд Хардероде доказывали, что это условие применимо также и к Англии, и заявили о своих правах на все наследство Кнуда. Но это было неприемлемо для Хардекнуда. В 1041 г. он пригласил единственного оставшегося в живых сына Этельреда Эдуарда прибыть к его двору и, вероятно, назначил его своим наследником. Он принимал изощренные меры предосторожности ввиду того факта, что ему, видимо, еще не было 24 лет. Но эти меры предосторожности были необходимы, так как в июне 1042 г. он, будучи навеселе, почувствовал себя плохо на свадебном пиру и тут же умер.

В Эдуарде Исповеднике (1042—1066) мы видим другую сторону власти английского короля, совершенно отличную от той, что показал нам Кнуд. Кнуд правил с помощью страха и сделал свою власть законной, убрав со своего пути соперников — уроженцев Англии, женившись на королеве своего предшественника, играя роль короля и подчеркивая преемственность своего правления. Таким способом он добился верности как датчан, так и англичан и был в некотором смысле первым королем объединенной Англии. Эдуард обладал всеми признаками законного происхождения от рождения. Он был сыном Этельреда, внуком Эдгара, прапраправнуком Альфреда. Его мать была королевой и Этельреда, и Кнуда. В то же время у него было мало соперников. Род Кнуда пресекался; род Этельреда состоял из него и двух юных племянников, живших далеко в Венгрии. Что касается Англии, то он был бесспорным королем, и это давало ему почти полную гарантию того, что его не низложат его собственные подданные. В то же время существовала угроза узурпации власти королем Норвегии, которая спланировала англичан и датчан в их преданности Эдуарду.

Королевская власть в Англии в годы правления Эдуарда Исповедника не понесла никакого урона скорее благодаря прочности этого общественного института и историческим обстоятельствам, нежели самому Эдуарду. Он не был средневековым королем ни по характеру, ни по воспитанию. Он рос как правитель в изгнании без надежд на трон, поэтому ему привили интерес к охоте и праздности, и эти привычки остались с ним до конца его дней. На склоне лет у него появилось новое увлечение: он все большую часть своей скудной энергии стал посвящать строительству Вестминстерского аббатства и религиозной деятельности. Набожность, казалось, все больше овладевала им. Вероятно, неправильно видеть в нем потенциального монаха. Ему нравилось, чтобы вокруг него были образованные люди; больше всего он любил общество лотарингских, французских и нормандских священнослужителей. Они напоминали ему о космополитическом мире, в котором он вырос, но нет ничего, доказывающего, что он сам был образованным или мыслящим человеком. Его набожность на склоне лет и набожность его биографа, а также необычная трансформация его карьеры после смерти сделали его навеки Эдуардом Исповедником в английских легендах. Этому способствовала история его целомудрия. Он женился на дочери эрла Годвина Эдит. Вполне вероятно, что он не был к ней сильно привязан в молодые годы; точно то, что они были бездетны. Похоже, слухи о том, что он так и не вступил с женой в брачные отношения, на закате жизни Эдуарда стали частью легенды о набожности короля (как бы странно это ни казалось) и тонким комплиментом королеве, которая страдала от невозможности иметь детей. Эта история впервые появляется в биографии, написанной приблизительно в то время, когда Эдуард умер, что должно было возвысить Эдит точно так же, как и Эдуарда. Эта биография представляет собой исключительно хо-

роший пример того, как один-единственный источник может окрасить традиционное мнение о человеке. Тюдоровская легенда о Ричарде III выросла из биографии, написанной сэром Томасом Мором, которая была блестящим историческим романом, не намеренно фальсифицированным, но, безусловно, тенденциозным. В первой части «Жизни» Эдуарда, написанной еще при его жизни, его религиозность уже подчеркивается, но вместе с ней и его мирские интересы; показаны некоторые его человеческие недостатки, когда он совершает поступки, наносящие вред роду Годвина, реальным героям этой книги. Во второй части, написанной вскоре после смерти Эдуарда, автор описывает «чудеса» короля, и, очевидно, в его голову уже запала мысль о том, что Эдуарда следует почитать как святого. Из этого развился культ, который в конце концов принес плоды: в 1161 г. состоялась канонизация Эдуарда. Набожность, подчеркиваемая автором, без сомнения, была подлинной, но это был лишь один штрих к портрету разносторонней личности, и, если мы принимаем на веру то, что написано при жизни Эдуарда, мы должны мысленно заменить Эдуарда Исповедника на Эдуарда-охотника.

Время от времени Эдуард демонстрировал серьезное желание и управлять, и царствовать. В течение нескольких лет ему приходилось подчиняться опеке эрла Годвина, который сделал его королем. Но он не мог забыть, что на Годвине лежит ответственность за убийство его брата, и он знал, что в конечном итоге его собственное положение более надежно, чем положение Годвина, и что Годвина можно заставить повиноваться, если другие важные эрлы объединятся против него. Эдуард чувствовал себя в безопасности в основном потому, что ему не было альтернативы, если не считать короля Норвегии. Женив Эдуарда на своей дочери, Годвин явно рассчитывал на то, что его потомки будут править Англией. Время шло, и ста-

новилося ясно, что этот план не увенчается успехом. Эдуард и Эдит поженились в 1045 г. К 1051 г. уже, несомненно, стали распространяться слухи относительно того, кто станет преемником Эдуарда на троне, если королева останется бездетной. Годвин, наверное, уже думал о своих собственных притязаниях или своих сыновей. Кнуд узаконил свою власть, женившись на королеве. Разве не может один из сыновей Годвина стать преемником Эдуарда как его шурин?

Но успех любого плана подобного рода зависел от короля, а у Эдуарда была другая точка зрения. Он хотел, чтобы его преемником стал его двоюродный брат из Нормандии, а больше всего — избавиться от опеки Годвина. В 1051 г. он нанес удар. Годвин был отправлен в изгнание, Вильгельм провозглашен наследником, архиепископом Кентерберийским стал нормандец, королева была удалена от двора. Но этот успех был слишком быстрым и стремительным. В 1052 г. Годвин возвратился, и Эдуард был вынужден принять его и оказать покровительство. Архиепископ Кентерберийский отправился в ссылку, нормандские придворные были отпущены на родину. Годвин недолго наслаждался своим триумфом. Он умер в 1053 г., и, похоже, после его смерти Эдуард и Гарольд, самый выдающийся из сыновей Годвина, договорились о более умеренной линии поведения. Королева Эдит вернулась ко двору в 1052 г., и в последние годы жизни Эдуарда их отношения, видимо, были хорошими. Гарольд никогда не обладал в полной мере властью Годвина, но он и его братья были, безусловно, самыми могущественными людьми в Англии после короля. В 1055 г. умер Сивард Нортумбрийский, и его преемником стал брат Гарольда Тостиг. Один летописец называет Гарольда «вторым после короля», и в поздние годы жизни Эдуарда он возглавлял армию и провел главные военные походы в Уэльсе. Он знал, как ублажить ко-

роля: для его развлечения он организовывал охоты и всегда подчинялся его королевской власти. Он также уважал власть Леофрика в Мерсии.

В середине 1050-х гг. Эдуард призвал к себе своего племянника-тезку из Венгрии, без сомнения с целью сделать его своим наследником. Но племянник умер, не повидавшись с дядей, при довольно загадочных обстоятельствах. А его собственный сын, Эдгар Этеллинг, очевидно, считался слишком юным, чтобы защитить Англию от Харальда Хардероде Норвежского, самого известного воина в мире викингов. В тот момент Эдуард, по-видимому, не принял никакого решения, но Вильгельм Нормандский не забыл, что он когда-то был назначен наследником.

Глава 10

ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ЗАВОЕВАНИЕ

Нормандские герцоги были викингами по происхождению и в конце X — начале XI в. по-прежнему оставались ими во многих своих привычках. В браке они были гораздо более распушенными, чем Кнуд, и становились моногамными только тогда, когда им случалось полностью подпасть под влияние одной из своих любовниц. Герцог Роберт I (1027—35) был, очевидно, моногамным. Но он жил в такое время, когда в Нормандию начали проникать нормальные брачные обычаи. Феодальный брак был результатом договоренности, политической сделкой, которая приносила правителю или королю детей, а также земли, деньги и повышала его престиж. Это всё делало невозможным для герцога Роберта признать женщину, с которой он жил, своей женой, но он оставался верен ей до конца своих дней. Нечего удивляться, что романтические легенды кружили вокруг этой удивительной связи. Есть старинная история о том, как Роберт наблюдал за Герлевой во время танца и сразу же влюбился в нее. В XII в. говорили, что он впервые увидел ее, когда она стирала в ручье, который протекал мимо сыромятни ее отца у подножия Фалезского замка. Местная легенда указывает на окно (которое, следует признать, было проделано несколько позже), из которого Роберт ее заметил. Но можно сомневаться в том, что Герлева сама стирала свое белье. Ее отец, Вильгельм Кожевник, был явно состоятельным жителем; впоследствии он стал управ-

ляющим герцога. Вскоре после рождения Вильгельма Герлева вышла замуж за нормандского барона Герлена де Контевиля, от которого родила двоих сыновей, Роберта и Одо. Роберт стал графом Мортенским и был самым могущественным из англо-нормандских баронов в последние годы жизни Завоевателя. А Одо, епископ Байо, объединил в себе роли нормандского прелата и английского эрла. Одо стал выдающимся человеком. Он щедро одарял свою епархию, но пренебрегал ею, за исключением того времени, когда оказался изгнанным из Англии, попав в немилость своего царственного брата или племянника. Перед своей смертью он стремился к единственной цели — стать папой. Едва ли можно придумать более неподходящего преемника пророка-реформатора Григория VII. Вообще, в последние годы жизни особенно, Завоеватель любил окружать себя епископами и аббатами, озабоченными реформами. Одо был воином-епископом, пережитком старинных времен. Возможно даже, что автор «Песни о Роланде» имел его в виду, когда рисовал портрет воина-архиепископа Турпена. Но мы безмерно благодарны епископу Одо за одно то, что он покровительствовал созданию гобелена из Байо.

Вильгельм Завоеватель был единственным сыном, возможно, единственным ребенком в неофициальном браке, но, так как этот брак никогда так и не стал официальным, формально он был незаконнорожденным. Когда он был еще маленьким, его отец отправился в паломничество в Иерусалим (1035) и не вернулся. Одно из самых воинственных и непокорных герцогств досталось восьмилетнему мальчику. Воспитание Вильгельма было в высшей степени жестким. Ко всем многочисленным препятствиям, встававшим на его пути, добавлялось его незаконное рождение. Оно также оказывало влияние на его собственную семейную жизнь. Впоследствии он женился на Матильде, дочери графа Фландрского, потомка короля Альфреда. Церковь за-

претила этот брак, но Вильгельм настаивал и в конце концов получил на него разрешение. Вильгельм был верным мужем Матильде. На самом деле он был единственным человеком в своем роду, у которого была одна жена, признанная церковью, и которой он был верен. Сомнительно, чтобы это был брак по любви. Но своим успехом он, возможно, был обязан отчасти примеру отца Вильгельма, а также желанию избежать появления незаконнорожденных детей: трудности ранних лет жизни Вильгельма и прозвище Незаконнорожденный, которое всегда было с ним, вполне могли привести его к решению быть верным мужем. История брака в Средние века подобна лабиринту, в котором много извивающихся тропинок и неожиданных поворотов. Церковь могла лишь навязывать свое учение о добродетели великим мира сего, если находила союзников в их среде. Если мы посмотрим на Вильгельма и Одо, то у нас исчезнут сомнения в том, что их мать была замечательной женщиной, и, вполне возможно, именно Герлева научила Вильгельма быть хорошим мужем.

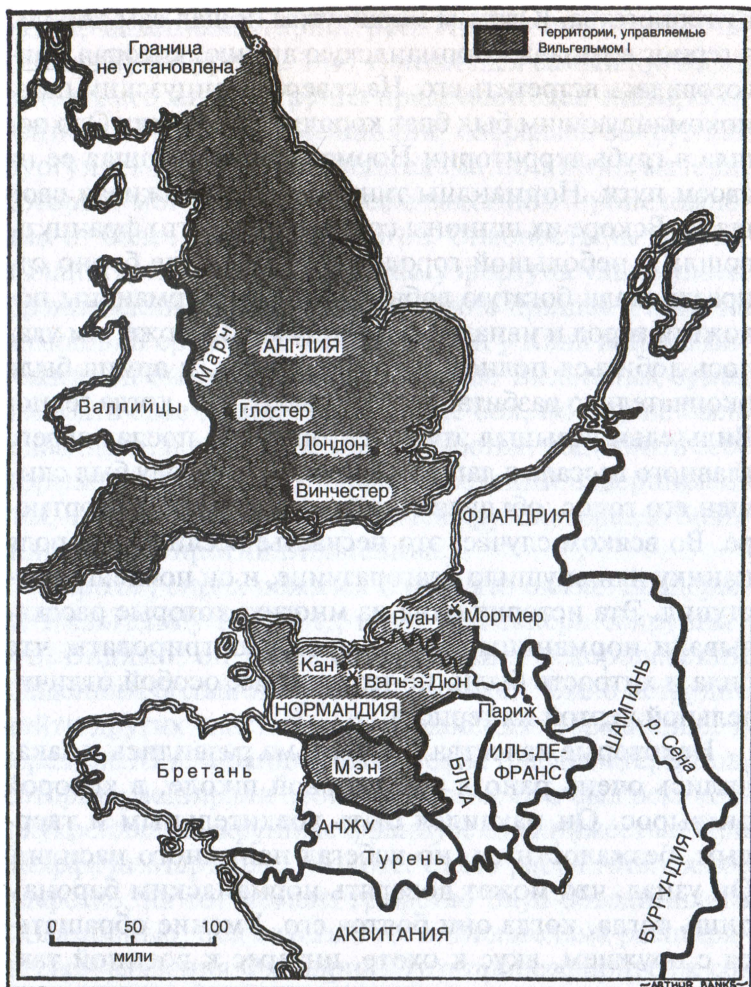
Первые годы Вильгельма в роли герцога прошли в атмосфере беспощадного насилия и интриг. «Чаша и кинжал, — написал Фриман, — вскоре лишили юного принца поддержки его самых мудрых и верных советников». Сначала его защищали граф Алан Бретонский, граф Жильбер Брионский и сенешаль Осберн. Говорят, что Алан был отравлен, а Жильбер и Осберн — убиты. Осберна убил представитель жестокого рода Беллем-Монтгомери, из которого позднее появились эрлы Шрусбери и Пембрука и который угас благодаря Генриху I, расправившемуся с ними во время последнего из их многочисленных мятежей. Вильгельм Монтгомери пытался убить самого герцога Вильгельма и убил-таки Осберна. Один из слуг Осберна вскоре отомстил за своего хозяина. В начале 1040-х гг. наступило затишье. Герцогство временно находилось в хороших

руках, маленький герцог рос. Но это было лишь затишье перед бурей. В 1047 г. поднялся самый крупный мятеж в его жизни. Группа представителей знати, особенно из Западной Нормандии, собралась вокруг Гая Бургундского, кузена Вильгельма по линии матери, который мог заявить о своем законном происхождении от более древних герцогов. Опасность была чрезвычайно велика, но Вильгельму фортуна улыбнулась: французский король Генрих I лично пришел к нему на помощь. В сражении у Валь-э-Дюн у Кана войско мятежников было рассеяно. Впервые Вильгельм сумел показать свое мастерство на поле боя, но ему не было и двадцати, и он еще не мог полностью подчинить себе нормандскую знать. Черода восстаний завершилась тем, что в 1053 г. сформировался другой, гораздо больший альянс против Вильгельма.

Король Генрих пожалел о том, что оказал поддержку Вильгельму в 1047 г., и захотел теперь сокрушить его. Видимо, он надеялся прибавить к королевским владениям большой кусок Нормандии. Было нетрудно найти других властителей, желающих Нормандию. В середине XI в. Франция была полна графов и герцогов, которые расширяли свои княжества. Это был век, когда укреплялись крупные французские княжества. При Жоффруа Мартелле, Молоте, стало расти Анжуйское графство, на тот момент графство Блуа объединилось с Шампанью, под властью тестя Вильгельма расширяла свои владения Фландрия. Этот процесс привел к соперничеству. В итоге Нормандии было суждено обойти соперников, поглотив Англию, но в 1053—1054 гг. ее соседям казалось, что ее можно удобно разделить на части. В 1054 г. французский король ввел в Нормандию армию, состоявшую из армий Блуа и Шампани, при моральной поддержке Анжу. Обе столицы, королевства и герцогства, Париж и Руан располагались на Сене, и королевская армия разделилась на две части и выступили одна — на север от реки, а другая — на юг, к серд-

цу герцогства. Южным маршрутом пошел сам король, а герцог возглавил нормандскую армию, которая готовилась встретить его. На севере французским главнокомандующим был брат короля Одо. Армия Одо вошла в глубь территории Нормандии, опустошая ее на своем пути. Нормандцы тянули время, выжидая свой шанс. Вскоре их шпионы сообщили им, что французы вошли в небольшой городок Мортмер, где бурно отпраздновали богатую добычу. На заре нормандцы подожгли город и напали на французов. Похоже, им удалось добиться полной неожиданности, и армия была окончательно разбита. Рассказывают, что, когда герцог Вильгельм услышал эту весть, он тайно послал своего главного вассала в лагерь короля, и отовсюду был слышен его голос, объявляющий о катастрофе в Мортмере. Во всяком случае, это несчастье вселило в короля панику или внушило благоразумие, и он поспешно отступил. Эта история одна из многих, которые рассказывали нормандцы, чтобы проиллюстрировать, что сила и хитрость были, по их мнению, особой отличительной чертой их герцога.

Некоторые качества Вильгельма развились и закалились очень рано в той суровой школе, в которой он вырос. Он научился быть убедительным и твердым, безжалостным, но избегал ненужного насилия. Он узнал, что может доверять нормандским баронам лишь тогда, когда они боятся его. Умение обращаться с оружием, вкус к охоте, интерес к военной тактике — все это пришло к нему в молодом возрасте. Но некоторые из его самых поразительных качеств и интересов вызревали медленно. Безусловно, он был человеком с воображением. Но его мысли не приходили к нему благодаря быстрой интуиции, они приходили медленно благодаря раздумьям над полученным опытом и приносили плоды, потому что Вильгельм, несмотря на свое благоразумие, был щедро одарен неустрашимостью духа.

НОРМАНДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Его политические соглашения выросли как из его опыта в Англии, так и в Нормандии, развились из зарождающегося государственного устройства Нормандии, а также из более сложных традиций Англии. Можно заметить, как менялись его взгляды на взаимоотношения с церковью. Вильгельм был набожным

верующим по своим убеждениям, и его помнят как энергичного реформатора, деятельность которого завоевала одобрение самого папы Григория VII. Ясно, что он всегда надеялся, что его епископы и аббаты будут ему деятельными помощниками и советниками, а не только священнослужителями. Но в начале 1050-х гг. произошла заметная перемена в том, какого человека он выбрал на высший церковный пост. В 1037 г. его дядя Може стал архиепископом Руана, когда Вильгельму не было и десяти лет, так что едва ли его можно за это винить, но за епископов-воинов Жоффруа из Кутанса и Одо из Байо, назначенных в 1049—1050 гг., он должен нести ответственность. И другие нормандские епископы этого периода, по-видимому, все были светскими знатными людьми.

XI в. был веком перемен и движений, особенно в церкви. В 1049 г. папа римский Лев IX, первый папа великого движения за папскую реформу, прибыл в область к северу от Альп и провозгласил принципы реформы на совете в Реймсе. Должность епископа должна была стать в первую очередь духовной, предназначенной не для светского вельможи, теперь ее нельзя было купить. Люди духовного звания должны были быть достойными своей профессии, что означало (по закону средневековой церкви) принятие обета безбрачия, а папство должно было стать действенным инструментом в проведении в жизнь ее законов. Среди других епископов-мирян Жоффруа из Кунанса отказался от своей епархии, но ему было позволено получить ее назад после епитимьи. Весть об этом, возможно, возымела какое-то действие на Вильгельма. Но более вероятно, что именно его растущая дружба с группой истовых церковнослужителей изменила его взгляды. В 1054—1055 гг. его не подходящий для духовной должности дядя был удален из Руана и заменен на монаха-реформатора с убеждениями космополита по имени Маврилий. Последова-

ли и другие назначения, схожие с этим. И даже если какое-то количество церковников Вильгельма до конца его жизни были выдающимися светскими людьми, самым близким ему, начиная с 1050-х гг., был итальянский ученый Лафранк из Павии, монах и «отец монахов», великолепный ученый и бесстрашный поборник духовных норм в церкви. Лафранк полностью одобрял принципы поведения лиц духовного звания и церковную реформу, проповедуемую Львом IX, хотя он и не соглашался с требованием признать верховенство папской власти, которое выдвигали папские реформаторы, а особенно Григорий VII (1073—1085). Так что не было никакой непоследовательности в том, что, когда Лафранк стал архиепископом Кентерберийским (1070—1089), он взял на себя роль, которую исполнял св. Дунстан при дворе Эдгара. Он направлял короля, давал ему советы, возглавлял реформаторов англо-нормандской церкви, но управление страной по-прежнему было в руках Вильгельма, и Лафранк не оспаривал право Вильгельма выбирать епископов и аббатов до тех пор, пока тот выбирал подходящих людей. Когда они встретились впервые, Лафранк был настоятелем неспокойного, недавно основанного аббатства Бека. В 1063 г. Вильгельм поставил его во главе аббатства Св. Этьена в Кане, которое основал он сам. В 1070 г. он сделал его архиепископом Кентерберийским. Их дружба продолжалась и после смерти; именно Лафранк претворил в жизнь предсмертное желание Вильгельма и совершил обряд помазания и коронования Вильгельма Рыжего. Их союз раскрывает характеры обоих мужчин. Они были сильными, здравомыслящими, властными, любили деловитость и хороший порядок; они верили в себя и были рождены, чтобы править. К тому же Лафранк был итальянцем-ученым, монахом, высокообразованным человеком с непростыми взглядами. Вильгельм был безграмотным сол-

датом, воякой, привыкшим охотиться, жечь и грабить. В этих двух характерах встретились два разных мира и заключили необычный, но прочный альянс.

На начальном этапе эта дружба претерпела сильное потрясение: Лафранк объявил брак Вильгельма греховным. Герцог изнал его из Нормандии и разорил некоторые поместья Бека. Но когда он собирался покинуть герцогство, Лафранк случайно встретился с герцогом, они поговорили, и состоялось примирение. В обмен он выступил в защиту Вильгельма перед папой, и в конечном итоге папа ратифицировал его брак.

Этот брак был запрещен папой еще в 1049 г., и тем не менее он состоялся в 1053 г. В 1059 г. брак был в конце концов одобрен при условии, что муж и жена займутся основанием двух аббатств, мужского и женского, аббатства Св. Этьена и аббатства Троицы в Кане. Эти два аббатства по-прежнему стоят, великолепные памятники своим основателям, в разных концах города. Они даже избежали уничтожения во время Второй мировой войны, которая разрушила весь город как раз между ними. Но мы не знаем точно, почему папа не разрешал брак или потребовал такую немалую цену. Нам также неизвестно, почему Вильгельм был таким настойчивым и верным женихом, столкнувшись с такими трудностями. Средневековая церковь запрещала жениться троюродным (а иногда шестюродным) братьям и сестрам, и это вызывало много конфликтов, которые иногда разрешались путем освобождения от обязательства жениться, а иногда путем открытого неповиновения власти. Нетрудно было нарушить закон по незнанию или призвать закон положить конец нежелательному браку. В начале XI в. королевский дом Франции попал по этой причине в весьма затруднительную ситуацию. Утверждали, что по этой причине король Франции Генрих I женился на русской княжне, чтобы избежать опас-

ности близкородственного брака. Насколько нам известно, Вильгельм и Матильда не были кровными родственниками, но запрет распространялся на определенные виды родства по браку. Запутанный клубок их родства исключить легче всего. Ясно одно: дело было не столько в формальном неодобрении, сколько в вопиющем неповиновении Вильгельма, которое разгневало папу и Лафранка. И именно оно сделало путь к примирению таким трудным, а епитимью — тяжелой.

Бракосочетание отпраздновали в 1053 г. Совершенно невероятно, чтобы Вильгельмом или его тестем при этом руководили какие-то романтические мотивы, хотя вполне возможно, что между супругами быстро возникла настоящая привязанность, которая укрепила Вильгельма в его настойчивости в последующие годы. Вся эта история иллюстрирует твердость Вильгельма: приняв однажды решение, он его не менял. Он был исключительно упрямым. Но в его браке был также и расчет, как и во всем, что он делал. Ему нужен был верный и надежный союзник. И хотя граф Болдуин Фландрский, похоже, не оказал ему большой военной помощи в 1050-х, этот союз сильно укрепил положение обеих сторон и стал решающим условием успеха Вильгельма в 1066 г. Также возможно, что он был тесно связан с честолюбивыми замыслами Вильгельма в отношении Англии, так как Матильда, в отличие от самого Вильгельма, вела свой род от короля Альфреда.

Когда Вильгельм впервые подумал о том, чтобы завоевать себе корону Англии? Как ему пришло в голову, что это возможно практически? Это главные вопросы его карьеры. Если Матильда ему была нужна как принцесса из английского королевского рода, то тогда он задумал это еще до 1049 г. Возможно, есть правда в тех историях, которые рассказывают о том, как Эдуард Исповедник, будучи в изгнании, пообещал

шал молодому герцогу сделать его преемником на своем троне. Но маловероятно, чтобы сам Эдуард отнесся к этому серьезно: насколько нам известно, до 1042 г. он не очень-то надеялся получить английский трон, а Вильгельму было тогда самое большее 15 лет. Однако в 1051 г. Эдуард, очевидно, воспринял эту мысль очень серьезно. Он поставил нормандца на главную должность архиепископа и сам назвал Вильгельма своим преемником. И Вильгельм нанес своему двоюродному брату официальный визит. Политические события в Англии быстро изменили этот план; влиянию нормандцев был положен конец; была восстановлена династия Годвина. Эдуард подумал о своих английских родственниках. Но, безусловно, ясно, что Вильгельм никогда не забывал о том, что у него есть право, как он считал, на английский престол. У него было немало трудностей: Франция и Анжу продолжали нападать на него; папа римский объявил незаконным его брак; Эдуард, во всей видимости, переменил свое решение. Со временем некоторые трудности разрешились. В 1057 г. Генрих I во время своего последнего вторжения потерпел окончательный разгром у Варавилы. В 1060 г. и Генрих I, и Жоффруа Анжуйский умерли; регентом стал Болдуин Фландрский. В 1063 г. Вильгельм завершил завоевание Мэна. Ситуация во Франции была теперь весьма благоприятной. В 1064 г., по необъяснимому повороту судьбы, к нему в руки попал его главный соперник, претендующий на английский трон. Гарольд отплыл из гавани Чичестера, ветер пригнал его к побережью Понтье. Граф Понтье захватил его и передал Вильгельму, который отнесся к нему как к почетному гостю. Эта история чрезвычайно ярко изображена на гобелене из Байо, а ее кульминацией является знаменитая сцена, на которой Гарольд приносит клятву верности Вильгельму на мошах в кафедральном соборе Байо. Эта история полна противоречий не в

меньшей степени потому, что гобелен не объясняет причину путешествия Гарольда на корабле или суть клятвы, которую он дал. Другие источники говорят, что его послал Эдуард с посольством к Вильгельму, или (что более убедительно) он отправился спасать двух родственников, которых Вильгельм удерживал в заложниках. Если это так, то Гарольд действовал очень опрометчиво, или же Вильгельм использовал его в своих интересах. Есть другая история о том, что Гарольд отплыл, чтобы приятно провести время, которая кажется еще более неправдоподобной. Можно почти не сомневаться, что Вильгельм потребовал от него клятву в том, что Гарольд поможет ему получить английскую корону. И кажется очень вероятным, что, вымогая эту клятву, Вильгельм бессовестно пользовался тем, что Гарольд находился в его власти.

Возможно — но это неточно, — Эдуард сам прежнему хотел, чтобы его преемником стал Вильгельм. Ясно, что у Вильгельма не было других сторонников среди английской верхушки. В конце 1065 г. брат Гарольда Тостиг потерял свои владения в Нортумбрии и стал изгнанником. И хотя это было ударом для рода Годвина, это, видимо, укрепило шансы Гарольда на получение трона. В Англии царила опасная неразбериха; Харальд из Норвегии и Вильгельм из Нормандии угрожали ей извне; король Эдуард был при смерти. Едва ли удивительно, что эрлы и тэны пришли к мысли, что его преемником должен стать «второй после короля» Гарольд, и отвергли все сомнения, которые могли быть у Гарольда, и личные чувства короля. В январе 1066 г. Гарольд взошел на трон — искусный воин и помазанный король взял Англию в крепкие руки. Шансы Вильгельма казались слабыми, явно меньшими шансов Гарольда и Харальда. Даже его преданный священник и биограф Гильом из Пуатье не скрывает тот факт, что многие нормандцы считали «это предприятие слишком трудным, не по силам

Нормандии». Но Вильгельм отшел в сторону все трудности. На гобелене из Байо изображены приготовления к военной кампании: люди рубят деревья, строят корабли, собирают оружие. В равной степени важными были приготовления, которые он нам не показывает: дипломатия, которая предоставила возможность Вильгельму покинуть свое герцогство и дала ему к тому же очень существенное подкрепление и наемников из многих уголков Северной Франции, особенно из Бретани и Фландрии. Его колоссальная энергия принесла удивительные плоды: были собраны огромная армия и флот для ее перевозки; его французские соседи хранили молчание; Германия и Дания бездействовали; папу римского убедили прислать свое знамя для благословения этого предприятия. Вильгельм шел, чтобы свергнуть нарушившего клятву узурпатора, освободить Кентерберийскую епархию от захватчика Стиганда, осужденного не одним папой за то, что тот занял место архиепископа, тогда как его предшественник-нормандец, смещенный с этого поста в 1052 г., был еще жив. Главные советники Вильгельма продолжали спорить с ним, указывая на богатство и военные и морские ресурсы Гарольда. С таким же успехом они могли бы спорить с Маттерхорном (горная вершина в Швейцарии. — *Пер.*).

Самым необычным союзником Вильгельма была погода. Неблагоприятный ветер удерживал его в Нормандии весь конец лета 1066 г., как будто срывая его планы. Тем временем финансы Гарольда постепенно расходовались на ведение наблюдений за Ла-Маншем для предупреждения внезапного нападения. В сентябре он был вынужден распустить свое войско. В том же месяце Харальд Хардероде внезапно напал на побережье Йоркшира, высадил на него большую армию и разгромил северных эрлов и народное ополчение. Гарольд Английский вынужден был уйти с южного побережья. 25 сентября Гарольд со своей армией раз-

бил норвежцев и убил Харальда Хардероде и Тостига в сражении у Стэмфордского моста. 27 сентября ветер переменился, и Вильгельму удалось высадить свою армию или, по крайней мере, значительную ее часть в Англии. Подобно Агамемнону, мстящему за оскорбление Елене, Вильгельм, по словам Гильома из Пуатье, пришел потребовать себе свою корону. Подобно Ксерксу, он построил мост из кораблей, который соединил Нормандию и Англию. Или, если мы предпочитаем видение этих событий Фриманом, могучий нормандец пришел, чтобы уничтожить самых знатных людей Англии, «героев и мучеников свободы нашей родины». Когда он спрыгнул с корабля в Пенвенси, он поскользнулся и оперся рукой о землю. «Вы захватили землю Англии, герцог, — сказал стоявший рядом с ним рыцарь, — и вскоре станете королем».

Вильгельм стал королем раньше, чем кто-либо мог предполагать. 14 октября нормандская армия, выйдя из Гастингса, наткнулась на англичан на краю огромного леса, известного как Уилд (некогда лесистый район Южной Англии, в который входят части графств Кент, Суссекс, Суррей, Гемпшир. — *Пер.*). Гарольд выступил на юг с огромной скоростью, но встретил Вильгельма всего лишь с небольшой армией. Редко случалось так, чтобы в XI или XII вв. король погибал на поле боя. И все же Харальд Норвежский пал у Стэмфордского моста, а Гарольд Английский — у Гастингса. Трудно понять, почему Гарольд так скоро выразил готовность сражаться, не собрав всех своих сил; так же неясно, почему он позволил себя убить. Судьба продолжала улыбаться Вильгельму. И даже при этом сражение было очень тяжелым, и война далеко не завершилась с его окончанием. Англичане заняли небольшой холм, на котором лес прикрывал их тыл, и слезли с коней (наверное, так было принято делать), чтобы встретить нападение лучников и кавалерии

Вильгельма. Целый день нормандцы предпринимали одну атаку за другой. Несколько часов фронт англичан стоял непоколебимо. Потом нормандцы, отступавшие после атаки, смешались, и некоторые англичане нарушили строй, чтобы напасть на них. Нормандцы вновь собрались и опрокинули преследователей, затем предприняли атаку и дважды симулировали беспорядочное отступление, оба раза выманивая англичан для преследования. К этому моменту фронт англичан был уже серьезно ослаблен, а вскоре после этого в другом массированном наступлении был убит сам Гарольд. Когда солнце село, англичане бежали, и, хотя нормандцы понесли большие потери, преследуя англичан вниз по крутому склону в сгущающихся сумерках, этот внезапный поворот фортуны не мог помочь разбитым англичанам.

Англичане все еще не были склонны сдаваться. Они думали о том, чтобы сделать королем Эдгара Этелинга. Вильгельм тем временем медленно шел к Лондону, легко преодолевая Суссекс, Суррей и Хартфордшир по траектории, образующей огромную восьмерку. По пути следования он опустошал окрестности, чтобы ни у кого не оставить сомнений в том, что означает противодействовать ему. Через несколько недель английская верхушка сдалась, и в Рождество 1066 г. он был помазан на царство и коронован в Вестминстерском аббатстве.

Рискованный проект был завершен — и это была поразительная авантюра! Можно подумать, что в детстве Вильгельм научился быть осторожным, а также твердым и безжалостным. Но, как и в случае со своей женитьбой, отчаянное упрямство, смешанное, наверное, с богатым воображением и проницательностью, победило все остальное. Это достаточно удивительно; но еще более удивительной является способность к адаптации, которая помогла ему превратиться в короля Англии. Мы не можем остано-

виться, чтобы изучить этот процесс. Он завоевал Англию и отдал земли тэнов, которые погибли в битве при Гастингсе или восстали против него, и прежде всего личную собственность рода Годвина, своим нормандским соратникам. В 1069—1070 гг. в центральной части страны и на севере произошло мощное восстание. Вильгельм подавил его знакомыми методами, с большой решительностью принес в эти края разорение. В его руки попала еще большая территория. К концу его правления все, за исключением горстки саксонских тэнов, были заменены на нормандских господ. Только крупные церкви сохранили в своем владении земли, которые у них были в 1066 г. Несомненно, имела место и грубая несправедливость при такой обширной реорганизации. Но она была проведена, и в самом конце своего правления он по «Книге Судного дня» критически оценил то, что было достигнуто, что еще оставалось сделать, как Англия населена, чего стоят ее поместья. Такой большой и полный обзор был беспрецедентным в те времена. Он вышел в двух толстых томах, которые и по сей день хранятся в Государственном архиве Великобритании. Первый том, который охватывает большую часть Англии, написан одной рукой. Вероятно, это рука англичанина, состарившегося на службе у Эдуарда и Вильгельма. Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, чья это рука, но, наверное, мы можем увидеть в ней руку главного генератора идей этого предприятия, человека, который разработал подробную схему этого детально разработанного и впечатляющего плана. Он работал не один; у него было много коллег и в конечном счете помощь нормандских баронов. Энергия, решительность и уверенность в себе, которые видны в этом плане, были собственными качествами Вильгельма. Он задумал его в Глостере в конце 1085 г. под Рождество. Мы можем представить себе стареющего короля, каким его изобразил Уильям

Мальмсберийский: высокого, очень дородного, с прекрасной осанкой, головой, лысеющей со лба, и суровым, почти жестоким, выражением лица — он исполняет роль председателя и руководит обсуждением проекта. Эта книга — памятник ему, такой же красноречивый, как основанное им мужское аббатство. И все же сомнительно, чтобы он хоть раз ее видел. Основная работа, вполне возможно, была закончена до того, как он отплыл в Нормандию летом 1086 г., но едва ли книга была дописана до конца. Король и писец рассчитывали встретиться вновь. Но 9 сентября 1087 г. король умер в возрасте шестидесяти лет. В последние годы его отношения с французскими соседями ухудшились. Французские королевские военачальники грабили Нормандию из Мант. Завоеватель налетел на Мант и поджег его, но, когда пламя поднялось, его конь споткнулся, и седок сильно ударился о железную луку седла, получив рану, от которой так и не оправился.

О большинстве средневековых королей мы имеем противоречивые сведения: их враги поносили их, а друзья льстили им. Противоречивые мнения, которые окружали и до сих пор окружают деятельную личность более молодого современника Вильгельма, императора Генриха IV, представляют собой драматический пример этого. Но в равной степени и у друзей, и у врагов вырисовывается во многом один и тот же портрет Вильгельма: крупный, внушительный, обладающий силой и суровостью огромного альпийского утеса и почти такой же бесчувственный. Мы можем на самом деле докопаться до многих его человеческих черт: его страстного желания стать королем Англии, его преданности жене, его теплых отношений с Ланфранком, любви к охоте, увлеченности строительством больших аббатств и замков из камня. «Но он был слишком безжалостен, — написал английский летописец, — чтобы испытывать любовь, хотя все могли

его ненавидеть». Безжалостным он был — это несомненно: он побеждал огнем и мечом, а правил с помощью страха. Он был справедливым и прозорливым, и наказания, которые он назначал, не были жестокими по меркам того времени, за исключением тех людей, которые мешали его охоте. Но он был упрямым и суровым, и, хотя он был более предсказуем, честен и великодушен, чем Генрих IV в Германии, Генрих все же пленяет нас своим обаянием, тогда как Вильгельм внушает нам лишь страх. Безусловно, это ощущение нечеловеческой отстраненности появляется отчасти вследствие несчастливого стечения обстоятельств, а отчасти из-за того лица, которое Вильгельм считал необходимым являть миру. Сильный правитель часто заставляет себя выглядеть более бесстрашным, более похожим на гранит, чем он есть на самом деле. Безусловно, можно кое-что увидеть за завесой посмертной записи, сделанной одним монахом основанного им мужского аббатства. Он рассказывает о последних минутах жизни Вильгельма, его тревогах о будущем, потоке слез, пролитых им во время молитвы об отпущении грехов, об огромных усилиях, потребовавшихся, чтобы смягчить его сердце по отношению к его старшему сыну Роберту, который восстал против него, о том, как он делал опись своих сокровищ и распорядился передать их церквам, бедным, своим сыновьям (в частности, его корона, меч и позолоченный скипетр, украшенный драгоценными камнями, были завещаны его второму сыну Вильгельму). В заключение автор окидывает взглядом карьеру этого великого человека, отмечает его мудрость, непоколебимость на пути к цели, бесстрашие. Затем он дает известное описание Вильгельма, которое, однако, повторяет почти во всех деталях описание Эйнхардом Карла Великого, так что мы не можем быть уверенными, насколько оно действительно соответствует Вильгельму. А монах продолжает описы-

вать, как Вильгельм был похоронен в основанном им в Кане мужском аббатстве и как его сын Вильгельм воздвиг на его могиле надгробие, покрытое золотом и серебром.

Очень часто об истинном лице человека можно судить по его семье. Верность Завоевателя своей жене, верность и любовь к нему его второго сына говорят в его пользу. Но следует сказать, что в целом его дети представляют собой его наименее привлекательную сторону. Мало было в Англии королей, настолько не располагающих к себе, как Вильгельм Рыжий и Генрих I.

Глава 11

СЫНОВЬЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

9 сентября 1087 г. умер Завоеватель, оставив трех сыновей спорить о наследстве. Предполагалось, что самый старший сын, Роберт, станет герцогом Нормандским. Средний сын, Вильгельм, был уже наготове на берегу Ла-Манша, чтобы переплыть пролив и захватить корону своего отца. Самый младший, Генрих, имел серебро, но не имел земель, тем не менее ум и удача в конце концов сделали его самым могущественным из трех братьев.

Младший Вильгельм — он был ростом меньше своего отца, но таким же дородным и краснолицым с пронизывающим взглядом и заикающейся речью — привез в Англию письмо от своего отца к Лафранку, в котором говорилось, что Завоеватель избрал Вильгельма для английского трона. Через три недели он был коронован в Вестминстерском аббатстве архиепископом Лафранком, примасом всей Британии, самым доверенным советником его отца. Быстрота его восшествия на престол и поддержка Лафранка не сделали его путь совершенно беспрепятственным. Дважды ему пришлось иметь дело с крупными восстаниями, а отношения с его старшим братом, который не мог полностью примириться с потерей большей части владений своего отца, никогда не были простыми. Но у Вильгельма Рыжего были сила и безжалостность успешного монарха, и с течением лет он все более крепко держал в руках трон, а его вкус к авантюрам в

Европе усилился. В 1096 г. герцог Роберт отправился в Первый крестовый поход и заложил все, что оставалось от его герцогства, королю Вильгельму. Честолюбивые замыслы Вильгельма росли. В 1100 г. он похвастался, что проведет Рождество в Пуатье. Но 2 августа во время охоты в Нью-Форесте в него попала стрела, и он умер на месте.

«Несколько крестьян везли его тело на повозке, запряженной лошадьми, в кафедральный собор в Винчестере, и кровь капала с него всю дорогу, — пишет Уильям Мальмсберийский. — Там в соборе, под башней, он был похоронен в присутствии многих великих мужей, оплакиваемый немногими. На следующий год башня рухнула. Я воздержусь от пересказа мнений, которые существовали по поводу этого происшествия, чтобы не показалось, что я верю в пустяки, — так как она все равно рухнула бы, даже если бы он не был там похоронен, потому что она была плохо построена».

Вильгельм Рыжий, по широко распространенному мнению, был не тем человеком, которого хотел бы приютить в себе уважающий себя собор. Он не пользовался любовью церкви и редко — популярностью у современных историков. Недавно профессор Барлоу отнесся к нему с большей добротой и пониманием, но обычно его подвергали критике с жестокостью сродни его собственной. «Отталкивающее воплощение эгоизма в своей самой омерзительной форме, враг Бога и человека» — таким он предстает в «Истории конституции» Стаббса (1873). Для доктора А.Л. Пула (1951) он был «с точки зрения морали... вероятно, самым худшим королем, который занимал трон Англии».

Так, Вильгельм Рыжий, является одним из трех или четырех безнравственных королей, существовавших в истории средневековой Англии. И любопытно, что еще никто не взял на себя труд обелить его. Появлялись различные общества, чтобы защитить драгоценную память о Ричарде III. Серьезные сомнения име-

лись в отношении традиционного взгляда на короля Иоанна. Но Вильгельм Рыжий хоть и имел друзей, не завладел воображением широких масс — он по-прежнему погребен под булыжниками. Через мгновение мы увидим, что характер Вильгельма не был целиком черен, и лучшие его стороны отмечали некоторые историки, и на них намекали отдельные его современники. Но сравнение с Ричардом III стоит недолгих раздумий. Широкое внимание привлекли к Ричарду III, во-первых, сенсационная тайна, окутавшая смерть его племянников, а затем открытие, которое некоторые профессиональные историки несколько неосторожно приняли на веру, — тюдоровскую легенду о последнем представителе Йоркской династии. Волнение от детективной истории усиливает приятное времяпрепровождение «стрельбы» по знатокам. Это хорошее развлечение; и постепенно знатоки оказались вынуждены признать (то, что многие из них, во всяком случае, говорили на протяжении лет), что он не был таким уж плохим, каким его рисуют. Они также дали ясно понять, что многие тайны, окутывающие Ричарда, по-прежнему являются тайнами. Это не значит, что он мог быть святым. Никто не сомневается (насколько мне известно), что он объявил детей своего брата внебрачными и захватил их трон. Для его ярых защитников это просто иллюстрирует его искреннюю преданность поискам правды. Для большинства из нас это кажется таким же гнусным, как и любые обвинения, которые нельзя доказать.

Внимание к Вильгельму Рыжему было привлечено в последние годы довольно необычным способом. Никто не утверждает, что он христианский святой, зато утверждают, что он вообще не был христианином. А доктор Маргарет Мюррей доказывает, что он был приверженцем подпольной религии ведьм, а его смерть была ритуальным убийством короля сподвижниками по дьявольской вере. «Уолтер, верши свою

справедливость, согласно тому, что ты слышал». — «Да, мой господин», — ответил Уолтер Тирел, взял из рук короля стрелу и выстрелил ею в него. Если направление пересмотра хода событий и не такое, как в случае с Ричардом III, некоторые его составные части тем не менее поразительно похожи. Людей с пытливым умом привлекает в Ричарде тайна принцев в Тауэре, в Вильгельме Рыжем — тайна его смерти. Попытка обелить Ричарда означает противоречить большому количеству фактов о его правлении. Попытка привязать Вильгельма к подпольной секте заставляет нас объяснять, почему эта секта ни разу не упоминается летописцами. Другими словами, она вынуждает нас переписать все, что было написано о Вильгельме его современниками. Здесь две тайны — тайна его веры и тайна его смерти. Обе они стоят того, чтобы их расследовать.

«Дух Божий находит прибежище в человеческом существе, обычно короле, который благодаря этому становится тем, кто дарует изобилие всему своему королевству. Когда такой богоподобный человек начинает проявлять признаки старения, он умерщвляется, чтобы дух Божий также не состарился и не ослаб, подобно его человеческой оболочке... В некоторых местах время смерти указывали такие признаки приближающейся старости, как седые волосы или потеря зубов. В других — количество лет было установленным: семь или девять... То, что жертвоприношения многократно совершались на протяжении истории нашей страны и Франции, зависит от фактов, которые были бы приняты, если бы они касались восточной или африканской религии». Сравнительное изучение религий имело свои заблуждения, но я, со своей стороны, не верю, что те, кто исследует ее в настоящее время, примут такое доказательство, как это.

Описание доктором Мюррей характера Вильгельма Рыжего — «послушный долгу сын... верный друг...

безрассудно храбрый... расточительно щедрый...» — во многом правдиво. И она права, когда говорит, что его жестокость была чертой того времени, а его характер сам по себе не объясняет враждебность летописцев. Она также права в том, что приписывает эту враждебность его антиклерикализму, притеснению церкви и богохульствам. Но ее объяснения истоков его отношения к церкви и его смерти мне кажутся плодом фантазии.

Новая историческая теория часто берет свое начало в какой-нибудь загадке. Ученый, читая имеющийся отчет о каком-то событии или ходе событий, находит в этой истории какие-нибудь элементы, которые волнуют его. Старания разрешить свои затруднения приводят его к пересмотру этой истории. Если мы хотим понять, где корни изначальной версии, нам следует искать те моменты, которые натолкнули на новую цепь рассуждений. Самое основательное исследование жизни Вильгельма II содержится в книге «Правление Вильгельма Рыжего», написанной в 1882 г. Е.А. Фриманом. «Не имея никаких антропологических знаний, — пишет доктор Мюррей, — Фриман полностью находится под влиянием церковной точки зрения и признает себя совершенно неспособным понять характер Вильгельма Рыжего или объяснить многие события его правления». Да, атмосфера тайны окутывает некоторые события его правления, а в его королевском портрете присутствует некая неуверенность. Отчасти это результат техники его письма: он любил драму, смешанную с долей таинственности; и в то же время он никогда не замалчивал никаких фактов, даже пустяковых, так что острые края современных ему повествований иногда притуплялись сообщениями из более поздних и даже легендарных источников. Он решил никогда не колебаться в поисках правды; он также был полон решимости не изменять нравственным нормам своей церкви и своего времени. Стаббс был

еще профессором в Оксфорде, когда Фриман писал свою книгу, а его собственному взгляду на личность Вильгельма Рыжего было менее десяти лет. Они были близкими друзьями, и Фриман, как очень восприимчивый человек, сильно зависел от одобрения Стаббса. Можно заподозрить, что Фриман чувствовал себя обязанным быть достойным порицания своего друга. И все же он сознавал, как указывал сам Стаббс, что в личности Вильгельма была хорошая сторона. Только в одном отношении Фриман выходит за рамки фактов. Вильгельм Рыжий никогда не был женат и, очевидно, не имел детей, и тем не менее его личная жизнь, как говорят, потрясла даже его младшего брата. Это привело к обвинению Вильгельма II в гомосексуализме. В поддержку этого обвинения нет конкретных доказательств: условия того времени и его жизни делают это абсолютно возможным. Но лишь при особых условиях это объясняло бы отсутствие детей, и историки, разделившие взгляды Фримана, который написал, «что нет ни упоминания, ни намека на любовниц», ошибаются. Да, большинство описаний личной жизни Вильгельма II расплывчато. Но все они обвиняют его в вольном поведении. Если не отмечено существование детей, вероятное объяснение этому — либо король не мог иметь детей, либо ни один ребенок не выжил.

Этот последний штрих делает Вильгельма Рыжего, изображенного Фриманом, далеким, нематериальным и непонятным человеком, глубоко развращенным и все же не лишенным хороших черт. Он с важным видом выступает на полотне времен юности Фримана: мрачный, буйный, непостижимый. По аналогии с несчастным случаем, который привел к смерти Вильгельма, Фриман совершенно правильно усмотрел противоречивость в источниках, так что мы не можем точно восстановить, что случилось. Собрав все слухи, которые носились вокруг этого события, Фриман сильно сгустил атмосферу тайны, а сделав это, не-

вольно пригласил других историков к дальнейшим размышлениям, а доктор Мюррей заявила, что принятая версия не имеет смысла.

Два самых полных рассказа называют один и тот же человеческий фактор. Версия Уильяма Мальмсберийского (1125) звучит следующим образом. После обеда 2 августа 1100 г. король в компании нескольких человек поехал верхом в Нью-Форест, чтобы поохотиться. Группа всадников разделилась в поисках оленя, и король остался один с Уолтером Тирелом. Ближе к вечеру мимо них пробежал олень, и король выпустил в него стрелу, но не убил животное. Оно скрылось в западном направлении, а король приставил ладонь козырьком к глазам, чтобы проследить, как оно исчезает в заходящем солнце. Потом мимо проскакал еще один олень, и в мгновение ока Уолтер выпустил еще одну стрелу. Эта стрела попала в короля, который умер мгновенно, не сказав ни слова.

Ордерик Виталий (1135) рассказывает похожую историю. Упомянув знамения, он быстро ведет короля к смерти. «Он встал, сел на коня и устремился в лес. Граф Генрих (его брат), Вильгельм де Бретей и другие великие мужи были с ним. Они углубились в лес, и охотники рассыпались по своим местам. Король и Уолтер де Пуа (т. е. Тирел) расположились с несколькими охотниками в лесу и стали с нетерпением поджидать добычу, держа оружие наготове. Внезапно зверь пробежал между ними. Король отскочил назад со своего места, а Уолтер выпустил стрелу. Стрела задела шерсть на спине оленя, устремилась дальше и ранила короля. Он упал на землю и умер — *proh dolor!* — мгновенно».

В общих чертах оба летописца рассказывают одну и ту же историю, и ясно, что в нее все верили, хотя есть и другие версии. Но настоятель аббатства Св. Дени Сугерий в написанной им «Жизни» короля Франции Людовика VI (1144) утверждает, что он своими ушами

слышал, как Уолтер Тирел отрицал, что в тот день находился в той же части леса, что и король, да и вообще он не видел его во время охоты. Это отрицание также упоминается в качестве торжественного заявления, которое сделал Тирел на смертном одре, в «Житии св. Ансельма» Иоанна Солсберийского (середина — конец XII в.). Иоанн добавляет, что, по мнению многих, Вильгельм сам выпустил стрелу. В конце XII в. Герард Камбрейский рассказывает похожую историю о случайном выстреле, но называет имя другого стрелка. Ни один ранний источник не приписывает его кончину именно человеческому злему умыслу. Эдмер пишет, что возник спор относительно того, как Вильгельм умер на самом деле — попала ли в него стрела, или же он споткнулся и упал на нее. В «Англосаксонской хронике» (не позднее 1121 г., а возможно, и гораздо раньше) говорится, что он «был убит стрелой во время охоты одним из своих людей... Его ненавидели почти все его приближенные, и он был отвратителен Богу. Этому свидетельствует его конец, так как он умер нераскаявшимся грешником, не искупившим своих злых деяний». Это можно посчитать убийством, но ясно, что его конец, по мнению автора, свидетельствует о свершении суда Божьего; человеческий фактор не имел значения.

Если Уильям Мальмсберийский был прав, говоря, что король и Уолтер были одни в той части леса, то только Уолтер мог рассказать эту историю. Тем не менее Уолтер решительно и неоднократно отрицал это. Это противоречие сбивает с толку. Цареубийство всегда было серьезным делом, но в этом случае можно было бы ожидать, что, если общепринятая история соответствует действительности, Тирел был бы счастлив стать (по мнению многих) орудием Божиим для устранения грешника. Если это был несчастный случай, мы должны были бы склоняться к тому, что Тирел не был таким орудием. Но что, если это все

было подстроено? Мы не должны слишком поспешно делать такой вывод. Ни один современник не обвиняет Тирела в убийстве. Официальной версией, которой все поверили, был несчастный случай.

Несчастные случаи на охоте часто случались в любой стране, так что это вполне могло быть несчастным случаем. Но мы должны принять во внимание две другие возможности — колдовство и убийство. Сначала давайте взглянем на замечательную версию этой истории доктора Мюррей. «Ясно, что его смерти ждали, и рассказ о его последних минутах указывает на то, что он знал: его час пробил. Он не мог заснуть в ночь накануне охоты; он приказал принести в спальню свечи, вызвал туда управляющих двором и начал разговаривать с ними...» Все связанное с этим событием звучит как сага. Самый ранний источник сообщает, что св. Ансельму во Франции о нем стало известно немедленно (благодаря посланцу-ангелу). Уильям Мальмсберийский описывает сон, который приснился королю в ту ночь, и затем как сон монаха был рассказан ему: «Он монах, — сказал Вильгельм, — и как монах он мечтает о деньгах; дай ему сто шиллингов». Так разрасталась легенда о необычных знамениях.

Для современного читателя все это звучит весьма подозрительно; ему хочется дать какое-то рациональное объяснение. Хитрость объяснения доктора Мюррей состоит в том, что оно и в самом деле истолковывает предупреждения и предзнаменования, даже сны короля. Все знали, что он умрет! К сожалению, ее объяснение содержит ряд допущений, которым нет доказательств и которые являются дико невероятными.

Прежде всего, давайте посмотрим, что именно нуждается в объяснениях. О таких случаях рассказывают как о чудесах, знамениях по милости Господней и Божьем промысле. Св. Ансельм знал об этом, потому что был тем человеком, которому ангелы при-

носили вести. Вильгельму снились сны, потому что Бог не оставляет жертв своего суда без предостережения. Смерть Вильгельма произвела колоссальное впечатление не из-за каких-то подозрений в преступлении или человеческом жертвоприношении, а потому что в нем увидели Божий суд над грешником. Она произвела тем большее впечатление, потому что на человеческом уровне все считали ее несчастным случаем. Великий человек был убит в расцвете лет, находясь на вершине власти.

В объяснении нуждается не аура таинственности, а простой факт смерти короля. Слухи, окружавшие смерть Вильгельма Рыжего, были обычным явлением в то время. Такие же байки возникали и вокруг других заметных событий точно таким же образом. Предсказания подобного рода часто встречаются в литературе этого века. Легенды вокруг кончины Томаса Бекета даже еще более удивительны, потому что мы знаем, как быстро они возникли и какое широкое признание имели. Эта параллель не укрылась от доктора Мюррей. Бекет тоже был Божьей жертвой. Но столько всего нуждается в объяснении в отношении Бекета, что будет утомительно проследивать все искажения.

Слухи, витавшие вокруг смерти Вильгельма Рыжего, подчеркивают тот факт, что люди считали его кончину судом Божиим, и это является частью объяснения того неблагоприятного отношения, которое он сразу же заслужил у летописцев. До 1100 г. церковь в основном враждебно относилась к нему, и не без причины.

В этой враждебности церковных летописцев есть одно исключение. Монахи аббатства Бэтл (основанного его отцом на месте сражения при Гастингсе) помнили его как благотворителя, и весьма вероятно, что он увеличил солидные пожертвования, которые у его отца зависели от непредвиденных обстоятельств. Мо-

настырский летописец был склонен основывать свое мнение о короле на его отношении к его собственному хозяйству и доходам, и это, безусловно, отражено в отношении Эдмера, историка и биографа св. Ансельма, архиепископа Кентерберийского, и в версии, представленной в «Англосаксонской хронике», которая также исходит из Кентербери. Большую часть своего царствования под тем или иным предлогом Вильгельм Рыжий пользовался доходами епархии и монахов Кентербери, а самих монахов содержал на небольшую сумму денег. Это была его отличительная черта. Подобно многим феодальным властителям, он считал церкви главным образом объектами собственности. Ансельм просил его позволить аббатам избираться на вакантные должности в аббатствах, которые он «обирал». «Вам-то что? Разве аббатства не мои?» — был резкий ответ короля.

Вильгельм Рыжий был обязан своей короной поддержке архиепископа Лафранка, и нам сообщают, что он вел себя хорошо и выполнял свое обещание править справедливо, пока Лафранк был жив. В 1089 г. Лафранк умер, и Вильгельм начал пользоваться своими доходами. Лафранк часть лучших лет своей жизни был монахом и настоятелем монастыря Бека, и после его смерти не было никого в англо-нормандской церкви, кто обладал бы более высоким авторитетом, чем его друг и ученик Ансельм, бекский аббат. Ансельм был одной из тех редких личностей, которые пользовались восхищением и любовью даже у своих врагов. В 1092—1093 гг. его обманом заставили приехать в Англию, хотя он и знал, что его имя было у всех на устах как имя следующего архиепископа. Очень своевременно король заболел и решил, что умирает. Он немедленно предложил Ансельму архиепископство и настойчиво упрашивал принять его. Он вбил себе в голову, что его болезнь была расплатой за то, что он никого не назначал на место архи-

епископа, и пройти она может только в том случае, если он заполнит эту вакансию св. Ансельмом. Ансельм не хотел этой должности, он также не был суеверным. Он сказал королю, что тот поправится в любом случае. «Да знаете ли вы, что вы собираетесь сделать? — будто бы сказал он епископам, которые побуждали его принять предложение короля. — Вы задумали впрячь дикого быка и немощную старую овцу в один плуг под одним ярмом. И что из этого выйдет? Неукротимая дикость быка потащит плуг через тернии и заросли и так искалечит овцу, что она станет совершенно бесполезной...»

Король выздоровел, но сдержал слово, данное Ансельму, и настоял на том, чтобы сделать его архиепископом. Однако это не принесло ничего хорошего ни одному из них. Король, видимо, считал, что его обманом вынудили сделать это назначение, и не ладил со святым отцом. Ансельм обнаружил, что невозможно поддерживать мирные отношения с Вильгельмом, не идя на недопустимые компромиссы по принципиальным вопросам. В конце концов Ансельм попросил разрешения поехать к папе римскому за мантией архиепископа, символом его сана. В то время в Европе два человека претендовали на то, чтобы быть папой римским, из-за полемики, которая не прекращалась между папой Григорием VII и императором Генрихом IV в предыдущее десятилетие. Официально в Англии не был признан ни один папа римский — ситуация, явно устраивавшая Вильгельма II. У какого папы, спросил он, собирается Ансельм требовать свою архиепископскую мантию? На это Ансельм, который был в Беке, когда начался этот раскол, и уже сделал свой выбор вместе с остальными церковнослужителями Нормандии, ответил: «У Урбана». Король возразил, что он еще не принял решения, а по обычаю, заведенному у его отца и у него самого, никто в его королевстве не может считать человека па-

пой римским без его разрешения, и всякий, кто хочет забрать у него это исключительное право, пытается отнять у него его корону.

В конечном счете Ансельм победил, и Урбан был признан папой римским. Но разногласия между Ансельмом и королем росли, и, когда Ансельм понял, что Вильгельм намерен подвергать его гонениям во что бы то ни стало, он уехал из страны и провел оставшиеся годы правления короля, пользуясь гостеприимством то папского двора, то архиепископа Лиона. Вильгельму Рыжему грозило отлучение от церкви, но оно было отсрочено по просьбе Ансельма. Затем Урбан умер. Когда Вильгельм спросил, каков его преемник, ему ответили, что в чем-то он похож на Ансельма. С проклятием король выпалил: «Его папство на этот раз не возьмет надо мной верх. Я добился для себя свободы и буду делать что захочу». «Но он недолго наслаждался ею; не прошло и года, как смерть нашла его...»

Этого достаточно, чтобы объяснить отношение летописцев, и особенно тех, кто восхищался св. Ансельмом или служил ему. Они ненавидели короля, но им нравилось рассказывать о нем разные истории. Его вспыльчивый характер, находчивость и характерная божба «Клянусь ликом Божиим!», «Клянусь образом Лукки!» (изображение лика Христа) способствовали тому, что его поступки и высказывания переходили из уст в уста. Перед нами портрет Вильгельма Рыжего, «героя», появляющегося даже в истории у Эдмера, первое издание которой было написано не более чем через пятнадцать лет после смерти Вильгельма. Некоторые истории могут быть неканоническими, но изображаемая ими картина, вероятно, достаточно правдива. Вильгельм был богохульником, алчным и скупым человеком, он ни в грош не ставил церковь, за исключением того момента, когда думал, что умирает. Ему доставляло большое удовольствие возмущать ду-

ховных лиц из числа своих сторонников, хотя, наверное, оно было не больше, чем их удовольствие перечислять его грехи — в общем, обаятельный негодяй.

Это не тот случай, когда надо обелить кого-то. В своем отношении к церкви Вильгельм Рыжий был вспыльчив и неразборчив в средствах. Его нельзя оправдать никакими христианскими нормами. Возникает вопрос, а был ли он вообще христианином. Для доктора Мюррей он был дьяволопоклонником, как мы уже видели. Но ее реальные доказательства чрезвычайно бессвязны и косвенного рода. Весьма вероятно, что в XI в. существовали приверженцы культа дьявола: есть факты разнообразного колдовства, и поклонники Люцифера, ритуалы которых были подробно описаны в конце XII в., вполне могли существовать веком раньше. Но они жили в Германии, а у нас нет подробных доказательств черной магии или поклонения дьяволу в тех странах, в которых побывал Вильгельм Рыжий. Чтобы заполнить этот пробел, доктор Мюррей привлекает факты XVI и XVII вв. Именно из более поздних источников она извлекает доказательства учения и обрядности, на основе которых она восстанавливает события.

Ее теорию на самом деле можно отвергнуть как фантазию, но проблема вероисповедания Вильгельма Рыжего остается. Совершенно невероятно, чтобы он был рациональным агностиком. Под воздействием болезни он немедленно попытался умиловить Всевышнего. Так часто, как он осмеливался, он относился к Богу неуважительно, как к своему старшему брату. В каждом веке у веры свои богохульники, а Вильгельм был исключительным примером этого явления, вероятно, более широко распространенного, чем мы себе представляем, — человеком, который принял основные догматы церкви, но с отвращением; которому доставляло удовольствие наносить резкие удары по ее наиболее фанатичным, педантичным или

зловещим взглядам; которому нравилось богохульствовать в открытую при придворных, равно как и в относительном уединении лагеря и на охоте. В конце своего правления Вильгельм провел некоторое время в столице Нормандии Руане. Эдмер рассказывает историю о том, как евреи Руана подкупили короля, чтобы он приказал некоторым представителям их нации, которые не так давно были обращены в христианство, вернуться к своему исконному иудаизму. Он излагает трогательную историю о том, как один еврейский мальчик был обращен в христианство явившимся ему первомучеником св. Стефаном. Его отец пошел к королю и предложил ему 60 марок (40 фунтов стерлингов в современном выражении) за то, чтобы он заставил юношу вернуться к своей старой вере. Король с радостью взялся за это дело и позвал к себе молодого человека. «Твой отец жалуется, что ты стал христианином без его разрешения. Если это так, то я приказываю тебе подчиниться его воле без всяких увиливаний и немедленно вернуться к иудаизму». Юноша ответил: «О король, я думаю, что ты шутишь». Вильгельм рассердился: «Стал бы я шутить с тобой, дрянной мальчишка? Иди домой и быстро делай, как я сказал, или — клянусь образом Лукки — я прикажу выколоть тебе глаза!» Молодой человек стоял на своем; он упрекнул короля за его отношение и был вышвырнут со двора. За свои усилия король получил вознаграждение в размере половины обещанной платы.

Внешние атрибуты этой истории отчасти комичны, отчасти отвратительны. Она призвана проиллюстрировать цинизм и богохульство короля и, очень вероятно, выполняет эту задачу. Но она также, по видимому, указывает на кое-что еще: церковь не всегда была справедливой или честной по отношению к евреям. Вильгельм не был передовым свободным мыслителем, а еще меньше исследователем религии. Но за внешностью циника и богохульника

скрывались проницательный ум, находчивость, даже своего рода кодекс — для узкого круга его рыцарей он был щедрым и великодушным, — а также склонность к суевериям (как это проявилось во время его болезни).

В глазах многих его современников смерть Вильгельма Рыжего была судом Божиим. Это объясняет зловещую атмосферу, чудеса и отчасти тайну, которая ее окружает. Для этого нам не нужно эзотерическое разъяснение. Но на более приземленном уровне тайна остается: как же он умер?

Невозможно совсем избежать подозрений в том, что смерть Вильгельма была результатом заговора, в котором был замешан его младший брат и преемник. Генрих участвовал в той охоте. Как только он услышал о смерти своего брата, он не стал ждать, когда его тело перевезут для похорон, а повернул коня и галопом поскакал в Винчестер, чтобы завладеть королевской казной. После спора с Вильгельмом де Бретеем, видным нормандским бароном, который подчеркнул, что старший брат Генриха еще жив, Генриху было позволено забрать сокровища и перевезти их в Лондон. Тем, кто возражал, что законным наследником является Роберт, он, видимо, лицемерно отвечал, что он «порфирородный», рожденный после того, как его отец стал королем, так что его титул лучше.

Это, наверное, на тот момент сослужило свою службу, и он сам вроде поверил в это. Но, по существу, Генрих стал королем благодаря решительным и энергичным действиям. Вильгельм II умер 2 августа, а 5-го Генрих был уже миропомазан и коронован на царство в Вестминстерском аббатстве епископом Лондонским (архиепископ Ансельм был все еще в изгнании). Так он стал королем де-факто; он стал помазанником Божиим, и его нелегко было бы сместить. В ноябре он укрепил свое положение, женившись на принцессе Эдит или Матильде, дочери св. Маргариты

Шотландской, племяннице Эдгара Этелинга, потомка Альфреда и Кердика.

Скорость, с которой Генрих захватил трон, поразительна. Она провоцирует вопрос: могло ли все это совершиться — в частности, мог ли он быть коронован в Вестминстере через три дня после смерти своего брата в Гемпшире? Неужели не было никаких приготовлений? Не сформировалось ядро сторонников? На эти вопросы едва ли есть ответы, но Генриху, безусловно, нужно было спешить. Вильгельм Рыжий умер как раз вовремя. В сентябре их старший брат Роберт возвратился из Крестового похода и, что еще хуже, привез с собой жену, и можно было ожидать, что у него появится законный наследник. Когда Роберт отправился в Первый крестовый поход, он договорился с Вильгельмом о том, что каждый из них является наследником другого. О Генрихе не упоминалось. Если бы Роберт возвратился из Первого крестового похода до смерти Вильгельма, он вполне мог стать его преемником на английском троне. Как выяснилось, он совершил почти удачное вторжение и на несколько лет добился сильной поддержки в английском королевстве. Генрих в свои молодые годы, возможно, надеялся, что его братья умрут, не оставив законных наследников. Но женитьба Роберта, видимо, отдалила эту перспективу. Август 1100 г. вполне мог показаться Генриху его последним реальным шансом завладеть английским тронном, и было исключительно удачно, что король скончался неподалеку от Винчестера. Это дало Генриху возможность захватить королевские сокровища и поспешить прямо в Вестминстер в сопровождении тех баронов и епископов, которые были готовы его поддержать. Не странное ли совпадение, что Вильгельм умер в этот месяц и в этой части Англии?

Жена Тирела Алиса была из рода Клеров; его теща Рогезия — из рода Жиффаров. Главные представители большого рода Клеров, его шурины и крупные

землевладельцы пользовались покровительством Генриха. Один из них в тот год стал настоятелем Элийского аббатства, а свояченица вышла замуж за Эвдодворецкого, одного из вернейших друзей Генриха. Один из братьев Рогезии, похоже, мгновенно стал эрлом Бакингемским, другой брат — епископом Винчестера, самой богатой епархии в Англии. Сам Тирел сразу же бежал: даже если он и не был виновен, он явно попал под подозрение у преданных Вильгельму рыцарей. В конечном итоге он не пострадал, а его семья явно извлекла пользу из смены короля. Тирел едва ли имел прямую выгоду. Трудно представить, что он сам был в центре заговора. Но он вполне может предполагать, что Тирел был орудием в руках своих высокопоставленных родственников. На некоторые эти семейные подробности указал Дж.Х. Раунд. Они добавляются к косвенным доказательствам существования заговора, но остаются, по его словам, косвенными. Генрих назначил многих епископами и аббатами в 1100 г. и после него. Вильгельм завел обычай держать должности епископов и аббатов вакантными и пользоваться доходами епархий и аббатств. Генрих, естественно, был хорошим покровителем тем баронам, которые помогли ему: в 1100 г. ему были нужны сторонники. Не следует также придавать слишком большое значение родству по линии жены как политическому фактору. Сословие английских аристократов состояло из крепкого ядра не более двухсот «главных землевладельцев». Церковь запрещала любому человеку жениться на троюродных (а иногда и шестюродных) сестрах. И хотя это правило часто нарушалось, оно означало, что браки среди баронов были широко распространены, так как нередкостью были случаи, когда один мужчина имел двух жен, а женщина — трех мужей. Так что немало баронов неизбежно были связаны между собой кровными узами или через брак с любым бароном, заподозрен-

ным в том, что он выпустил ту роковую стрелу. Поэтому было неудивительно, что бароны, связанные такими узами, находились под покровительством короля. А Клеры и Жиффары пользовались его покровительством, и пользовались давно.

Шесть лет спустя, после многих треволнений, Генрих встретился со своим старшим братом в ожесточенном сражении у Теншебрэ в Нормандии, разгромил его, захватил его герцогство, а его самого взял в плен, где и держал до конца его жизни. Решающее сражение было редким событием в то время, но даже Теншебрэ едва ли могло бы стать решающим, если бы Генрих вел себя в соответствии с обычной системой правил того времени. Высокопоставленных знатных людей редко держали в плену всю жизнь, а старших братьев — почти никогда.

Нечто очень похожее произошло на севере Испании во времена, когда Генрих был ребенком. Мы не знаем, насколько хорошо был информирован нормандский герцог о делах в христианской Испании, но есть причины полагать, что эта история была прекрасно известна Генриху. И любопытно, что ее никогда не вспоминали при обсуждении действий Генриха. Большая часть Испании была по-прежнему в руках мусульман, хотя движение Реконкисты уже шло полным ходом. Главным христианским государством было королевство, или «империя», Леон, которое в разные времена объединяло большую часть Северной Испании. В 1065 г. Фердинанд I умер и, согласно обычаю, его королевство было поделено между его тремя сыновьями: Санчо взял Кастилию, Альфонс — Леон, а Гарсия — Галисию. Вскоре три брата перессорились. В 1071 г. Санчо и Альфонс свергли Гарсию и поделили между собой Галисию. В 1072 г. Альфонс был низложен и отправлен в ссылку в Толедо. Однако колесо фортуны не переставало крутиться, и 7 октября 1072 г. (когда Генриху было года четыре) Санчо был убит.

С помощью своей сестры Урраки Альфонс теперь получил возможность вернуться и стать единственным правителем империи. Гарсию временно переправили в мусульманскую Севилью. Но взойти на престол Альфонсу VI было непросто. Его заподозрили в соучастии в убийстве Санчо и заставили дать торжественную клятву перед всеми знатными людьми во главе со знаменитым Родриго Диасом, Сидом. За это, возможно, Альфонс никогда не простил Сида. После этого их отношения уже никогда не были хорошими, и король-император отказался использовать великолепный полководческий дар своего знаменитого подданного. Но трон Альфонса стоял довольно прочно. Чтобы обезопасить себя, в 1073 г. Альфонс вызвал Гарсию на встречу, а затем отправил его в пожизненное заключение в замок Луны в Леоне, где тот и умер через семнадцать лет. Альфонсу не грозило соперничество со стороны своих братьев, и он мог властвовать безраздельно. Но у него не было сыновей, и поэтому он передал свое королевство дочери, которую тоже звали Уррака (1109—1126). Ее правление было непростым, но оно показало, что женщина может стать наследницей трона.

Аналогия с карьерой Генриха I просто поразительна: три брата, один из них внезапно умирает, другого убивают, отправив в пожизненное заключение; огромное наследство объединено в одних руках; правление заканчивается тем, что наследницей становится дочь. У нас есть основания полагать, что начальная часть этой истории была известна отцу Генриха. В 1072 г. два брата-испанца соперничали за руку одной из дочерей Завоевателя. Браку помешала смерть девушки. В 1087 г., в конце жизни Завоевателя, когда Генрих, вероятно, сопровождал его, посланцы от мятежных представителей знати Галисии предложили Вильгельму эту провинцию. Из этого предложения ничего не вышло, но Вильгельм и Генрих, без сомнения, размышляли над рассказом, который лежал в его основе.

Если Генрих был причастен к заговору с целью устранения Вильгельма Рыжего, то история Альфонса должна была предупредить его о необходимости соблюдать осторожность. Альфонс мог поклясться в своей невинности. Но когда Санчо умер, Альфонс стал бесспорным наследником Леона. Когда умер Вильгельм, положение Генриха как младшего брата было гораздо более неопределенным. Он не мог позволить себе рисковать. Малейшее подозрение могло бы разрушить его дело раз и навсегда. Испанская история была суровым предупреждением об опасности быть заподозренным в братоубийстве. В 1076 г. Санчо Наваррский был убит по наущению своего брата Рамона. Но Рамон не стал преемником — он был отвергнут из-за своего преступления, и Наварра перешла к королю Арагона. В 1082 г. Рамон Барселонский был убит. Его брат взял в свои руки управление, хотя у Рамона оставался сын, который мог бы стать его преемником. Но он был признан соучастником в убийстве Рамона, заклеямен братоубийцей и в конце концов в 1096 г. бежал из Барселоны под предлогом Первого крестового похода.

Эти случаи могли отвлечь Генриха от братоубийства. Безусловно, они сделали бы его чрезвычайно осторожным, чтобы не быть раскрытым. Они показывают, что братоубийство (виновен в нем Генрих или нет) не было чем-то неизвестным в среде знати, из которой вышли Вильгельм и Генрих.

В целом Генрих I получил хорошие отклики от contemporaneous ему летописцев. Отчасти это можно приписать страху или надежде на покровительство, отчасти такту, так как, например, «История» Уильяма Мальмсберийского была посвящена (помимо других людей) самому прославленному незаконнорожденному сыну Генриха Роберту, эрлу Глостерскому. Но эти мотивы неприменимы к писателям, вроде аббата Сугерия, который писал в Париже, когда Генрих был

уже благополучно мертв, тепло отзываясь о короле, который никогда не был другом его покровителю королю Людовику. Также не возникает впечатления того, что летописцы испытывали страх или стремились заслужить одобрение: некоторые из них откровенно пишут о кое-каких его слабостях, и все восхваляют его достоинства. Бог наградил его, пишет Генрих из Хантингдона, тремя дарами: мудростью, победой и богатствами, но компенсировал их тремя пороками: алчностью, жестокостью и похотью. Его ненасытные поиски денег отмечали некоторые современники, а официальные записи его казначейства (казначейский свиток за 1130 г. — первый дошедший до наших дней отчет) обнажают эту голую правду. В этом он следовал примеру своего отца и брата; скупость не была редким пороком среди средневековых королей и правителей. Удивителен был успех Генриха в собирании и сохранении сокровищ.

От его набожной и популярной в народе первой супруги-королевы Матильды у Генриха было трое детей: первый умер в младенчестве, вторая — Матильда — королева Англии в 1141 г., третий — Вильгельм — погиб в кораблекрушении в 1120 г. Помимо этих он признал около двадцати незаконнорожденных детей; некоторые из них, как эрл Роберт Глостерский, родились до его брака, многие — когда он был королем — от разных матерей. Неверность супруге была далеко не редким явлением в тех кругах, в которых вращался Генрих. Он отличался только своим положением и, наверное, великодушием, с которым он признал такое большое количество своих детей. К некоторым из них он, видимо, был глубоко привязан. Но он никогда не позволял никому из них вообразить, будто он мог бы унаследовать Англию и Нормандию. В 1118 г. королева Матильда умерла. В 1120 г. единственный наследник мужского пола последовал за ней. Через три месяца Генрих

женился вновь, но законных детей у него больше не было.

До сих пор были обвинения в жадности и похоти. Как насчет жестокости? Как король Генрих был силен и безжалостен; он не питал отвращения к жестоким наказаниям. Говорят, Завоеватель запретил смертную казнь, предпочитая ослепление, причинение увечий и другие, менее радикальные виды наказаний. У Генриха в ходу были все эти средства. Воров могли повесить. В 1124 г. сорок четыре вора были повешены в один день, и в том же году были изувечены фальшивомонетчики. А в 1124—1125 гг. всех фальшивомонетчиков в Англии обезображивали, не проводя расследование вины или невинности. В более поздние годы у Генриха, однако, появилась склонность — то ли от жадности, то ли из человеколюбия — заменять более жестокие наказания штрафами. Тому времени не была характерна шепетильность, а посредником Генриха в делах с фальшивомонетчиками был епископ. Его выбор наказаний показывает, наверное, всего лишь то, что он был особенно деятельным и неразборчивым при назначении наказаний, о чем немногие глубоко горевали. Но обвинение в жестокости не основывается исключительно на этом. В молодости Генрих участвовал в подавлении восстания в Руане, помогая своему брату Роберту против брата Вильгельма. Завершающим аккордом стал поступок Генриха, когда он лично сбросил богатого жителя Руана, возглавлявшего восстание, со стены замка или, по версии другого летописца, выбросил его в окно. В другом случае две его внучки (от незаконнорожденной дочери Юлианы) были с его разрешения или по его приказу ослеплены. Здесь он действовал буквально по принципу «око за око» — они были заложницами, и с ними обращались так, как их собственный отец поступил с заложниками, на которых их обменяли. Внуков у Генриха, вероятно, было так же много, как и английских баронов в

Англии. Но ясно, что Генрих был способен на настоящую жестокость.

Для современного человека, изучающего эту тему, Генрих, наверное, кажется самым непривлекательным членом его семьи. К беспощадности своего отца он добавил элемент жестокости, достаточный для того, чтобы его боялись современники, хотя они и не испытывали к нему ненависти. Вильгельм Рыжий был открытым и щедрым. Генрих научился придерживаться своего плана действий и умел изображать благочестие. Иногда он был великодушным: он купил многих своих сторонников, даровав им титулы баронов и поместья, а в некоторых случаях — особенно в случае со своим сыном эрлом Робертом и племянником эрлом Стефаном — в его щедрости можно усмотреть элемент настоящей любви. По-видимому, он не отказывался от ответственности за своих детей. Он умел завоевывать доверие людей и почти не знал, что такое мятежи. Но он также умел внушить им страх и всегда мог совершить внезапные безжалостные и эффективные действия, и ему никогда не изменяла сила духа при применении крайних мер. «Его облик был характерен для членов его семьи: коренастый и крепкий, среднего роста, со склонностью к полноте; но его черные волосы ниспадали со лба, как у Траяна, а мягкое выражение глаз контрастировало с жестоким взглядом Вильгельма Рыжего — вот его отличительные черты» — так писал Фриман вслед за Уильямом Мальмсберийским и Ордериком. Но его «мягкое выражение глаз» не обманет нас; мы по-прежнему трепещем передо львом правосудия спустя более 800 лет после его смерти.

Жестокость Генриха помогает нам ответить на вопрос, был ли он способен строить планы смерти брата. Мы не должны недооценивать серьезность этого обвинения: это было убийство брата и, более того, убийство своего сюзерена. Можно легко поверить в

его причастность к братоубийству; не так легко, наверное, — к предательству, учитывая его масштаб. Вероятно, следует принимать во внимание возможность того, что он действительно верил в то, что имеет право на трон. Нам трудно поверить, что есть серьезные указания на то, что Генрих считал, будто он, а не Вильгельм или Роберт должен стать королем. Мы узнаем, что он основывал свои претензии к Роберту на том, что сын, рожденный тогда, когда его отец был королем, имеет преимущество перед сыном, рожденным в то время, когда отец был обычным смертным. Это утверждение «работало» и против Вильгельма. Подобно многим королям, чей титул был сомнителен, Генрих был очень озабочен тем, кто станет его преемником. И когда все надежды на появление наследника мужского пола не оправдались, он попытался связать своих баронов самыми крепкими узами со своей дочерью Матильдой. Нам кажется странным, что король, который не был явным наследником своего предшественника и старший брат которого был на самом деле еще жив (Роберт умер в 1134 г.), так настойчив в вопросе наследственного права. Последние годы его жизни были бы гораздо легче и успешнее, если бы он согласился сделать своим наследником одного из своих племянников или даже незаконнорожденного сына; он вроде бы неплохо к ним относился. Это он сделать отказался, и его отказ легче понять, если мы серьезно отнесемся к тому, что он сам претендовал на трон как старший, «порфирородный» сын.

Генрих не женился, пока не стал королем. Верно, что в то время его рука не очень высоко ценилась на брачном рынке, но его быстрая женитьба на наследнице древнего английского рода после его восшествия на престол кажется хорошо продуманной. По крайней мере, все его законные дети были «порфирородными», и это, возможно, укрепило его желание

увидеть Матильду своей наследницей. Можно развить это предположение и сказать: если бы на его совести было убийство брата, побуждение установить правление «порфирородного» наследника было бы гораздо сильнее, ведь оно делало бы убийство Вильгельма Рыжего не предательством, а устранением нечестивого узурпатора.

Мы опять находимся в области «если». Можно собрать косвенные свидетельства против Генриха, но прямых доказательств, видимо, нет. Вердикт должен быть — не доказано. И все же упоминание «порфирородности» дает нам в конце неожиданный поворот. В 978 г. был убит старший брат, и наследником стал младший, правление которого было омрачено подозрением в его соучастии в этом убийстве. Вряд ли этот прецедент сильно радовал Генриха. Но нашлись такие, кто доказывал, что младший брат должен был в любом случае стать королем. И при жизни самого Генриха в «Житии св. Дунстана» Эдмер утверждал, что сторонники Этельреда, младшего сына, доказывали, что у него было больше прав на трон, так как его отец был королем, то есть «порфирородным», когда тот родился. Эдмер отнесся к этому доводу с недостаточным уважением, но мы можем быть уверенными, что Генрих, если он знал о нем, — наоборот. Подобно испанскому прецеденту, случай Этельреда, наверное, предупредил его об опасности братоубийства и необходимости соблюдения тайны, если он оказался вовлеченным в него. Этельред также мог предложить ему причину поверить в то, что Генрих, а не Вильгельм является настоящим королем. В этом направлении можно воссоздать схему рассуждений, которая могла привести Генриха к соучастию в убийстве, но нет доказательств того, что он был соучастником. Самое большее, что мы можем сказать: если смерть Вильгельма Рыжего в августе 1100 г. была несчастным случаем, то Генрих I был большим везунчиком.

Глава 12

СТЕФАН

Генрих I умер 1 декабря 1135 г. К Рождеству на его месте воцарился Стефан. «Любителя мира», унаследовавшего силу и коварство Завоевателя и лишь немногие подкупающие черты его характера, сменил энергичный и отважный лидер баронов, самый привлекательный из нормандских королей. Во многих отношениях он был полной противоположностью Генриху. Возможно, именно этот факт заставил дядю полюбить своего племянника Стефана. Нет сомнений в том, что Стефан был любимым племянником Генриха; вполне вероятно, что тот испытывал к нему более теплое чувство, чем к кому-либо из своих многочисленных детей. Судьбой Стефану было предназначено провести жизнь в окружении мужчин и женщин, более сильных и ярких, чем он сам: его дяди Генриха I, его брата, Генриха Блуаского, епископа Винчестерского, его жены, Матильды Булонской и его соперницы-императрицы. В этой галерее Стефан по ошибке оказался в роли короля.

О его обаянии и хорошем характере свидетельствовали даже его враги. «Когда он был эрлом, — писал Уильям Мальмсберийский, — он отличался добрым нравом, шутил, мог сесть за стол в компании даже самых простых людей и завоевал такую любовь, которую едва можно себе вообразить». Но он также намекнул на то, что за этим фасадом Стефана крылся коварный и ненадежный человек. Он рассказыва-

ет историю о том, как он устроил засаду на эрла Глостерского и, когда затея не увенчалась успехом, попытался отделаться смехом, «сделав веселое выражение лица и добровольное признание». Когда он подозревал предательство или сталкивался с мятежом, Стефан мог действовать с большой отвагой и решительностью, но в нескольких случаях он приказывал арестовать своих врагов, когда они были при его дворе и должны были находиться под его защитой. Таким образом он арестовал епископа Солсберийского в 1139 г. и эрла Честерского в 1146 г. В обоих случаях его собственный сподвижник, автор произведения *Gesta Stephani* («Деяния Стефана»), приписывает эти обстоятельства хитрости последователей Стефана и намекает, что ситуация не была ему подконтрольна. Это традиционные отговорки, но в этом случае им, похоже, есть какое-то извинение. Стефан мог поступать необдуманно и поспешно; но настоящей его слабостью как короля было то, что он не умел ни сдерживать своих друзей, ни подчинять врагов. События часто выходили у него из-под контроля. «И тем не менее он не падал духом, когда какой-нибудь человек поднимал бунт, — пишет Уильям Мальмсберийский, — а внезапно появлялся то там, то здесь и всегда улаживал дела с большими потерями для себя, нежели для своих противников, так как, потратив массу усилий напрасно, он добивался от них на какое-то время видимости мира, раздавая им награды или замки». Стефан был отважным и умелым воином; обычно он был верным и щедрым, если не всегда заслуживающим доверия. Он обладал рыцарскими качествами и душевностью, чего не было у Завоевателя и его сыновей.

Он был более чем традиционно набожным человеком. В конце Фернесского полуострова в Ланкашире к северу от песков находится город Барроу, памятник седьмому герцогу Девонширскому и его огромным

усилиям заплатить долги своего отца. Приютившись в небольшой долине, скрытой от города, находятся великолепные развалины большого Фернесского аббатства, памятника молодому Стефану и тому чувству, которое он разделял со многими своими соратниками, — горячие молитвы монахов необходимы для того, чтобы спасти его от последствий его прегрешений. Стефан не был таким истовым жертвователем на нужды религии, как король Давид Шотландский (1124—1153), который основал или начал строительство более дюжины монастырей различных монашеских орденов. Стефан основал два. План его второго проекта, Фавершемского аббатства в Кенте, он составил сам вместе со своей женой в конце жизни. Это было подражание Редингскому аббатству, которое было основано, следуя образцам клюнийского ордена, Генрихом I как аббатство бенедиктинцев и королевская усыпальница. Фавершем должен был выполнять обе эти функции, что в полной мере отражает условность религии Стефана. Фернесское аббатство более красиво: оно было основано в 1124 г. (на другом месте) и перенесено на нынешнее место в 1127 г. Это был филиал нормандского ордена Савиньи, который уже распространял в Нормандии и Англии новые идеи монашеского уединения и аскетизма, которые мы обычно ассоциируем с монахами-цистерцианцами. Цистерцианцы вступили во владение монастырями ордена Савиньи в конце 1140 г. И таким образом Фернесс — не без протестов — стал одним из главных в Англии монастырей цистерцианцев. Он представляет собой одни из самых внушительных развалин, расположенных на северо-западе страны. В начале своего существования он был главным центром религиозной жизни той части Англии и имел многочисленные связи с Ирландией и островом Мэн. Его фермы и овцы играли главную роль в экономической жизни Фернесского полуострова и его окрестностей. Стефан был первым королем,

поддержавшим эту новую моду в религиозной жизни страны.

В 1120-х гг. он мог позволить себе быть щедрым. Изначально у него действительно не было владений в Англии. Его отец был графом Блуаским, а мать дочерью Завоевателя. Но он был младшим сыном и, подобно многим младшим сыновьям в феодальном мире — самому Генриху I в молодые годы, — не имел земель в собственности. Но в молодые годы он был принят в доме своего дяди-короля и получил от него немалую собственность. Титул Айский принес ему расположенную в различных местах собственность с центром на юго-востоке; титул Ланкастерский дал ему обширные владения на северо-западе, включая полуостров Фернес. Графство Мортен и земли, которые когда-то были владениями семьи Беллем-Монтгомери, сделали его самым богатым землевладельцем в Нормандии. В 1125 г. Генрих женил его на Матильде, дочери и наследнице графства Булонского. Матильда была внучкой св. Маргариты Шотландской, так что была потомком древнеанглийских королей. Она принесла ему немалое Булонское графство и титул Булонский, что представляло собой существенное состояние, бывшее собственностью ее отца. Таким образом, Стефан по крови был потомком Завоевателя, благодаря браку породнился с родом Кердика и Альфреда и стал одним из двух самых богатых баронов Англии и Нормандии. В 1127 г. он и эрл Роберт Глостерский, незаконнорожденный сын Генриха I, поспорили, кто из них должен первым от сословия баронов (после Давида Шотландского) присягать на верность императрице Матильде. Ясно, что эти двое были соперниками в борьбе за любовь Генриха. Грубое физическое испытание присудило победу Стефану, так как он, вероятно, был лучше обеспечен доходами. Он, безусловно, завоевал свое место при дворе раньше, чем Роберт.

Наверное, из любви к Стефану Генрих I в 1126 г. перевел младшего брата Стефана из знаменитого бургундского аббатства Ключни и сделал его аббатом в Гластонбери. В 1129 г. он повысил его до епископа Винчестерского, и с той поры до самой своей смерти в 1171 г. Генрих Блуаский держал в своих руках самые богатые английские епархии и одно из самых богатых английских аббатств. Он был одновременно и монахом, и мандарином. Он был крупным финансистом; деньги текли к нему в руки и так же быстро расходовались на восстановление финансов двух своих приходов и самого Ключни, а также на строительство для себя и своих церквей богато украшенных зданий. В Гластонбери хранили память о том, что от его глаза не могла укрыться хорошая пахотная земля, и о том, что он любил смотреть на колышущиеся под ветром колосья. В Винчестере есть записи о сказочных дарах, полученных от него: Евангелия и кресты с драгоценными камнями, церковные облачения, занавеси, ковры, «шерстяные ткани, на которых вышиты чудеса св. Марии», а самое главное — огромный крест, украшенный 200 драгоценными камнями, включая большой сапфир особой ценности, содержащий две частицы истинного креста и останки Гроба Господня, реликвии с места Его рождения, вознесения, с Голгофы, останки яслей, колыбели, волос Девы Марии, Ее гроба, гроба Авраама, Исаака, Иакова, св. апостолов Варфоломея и Матфея, св. Стефана, Сергия и Вакха, Георгия, Пантелеймона, савана Господня, а также камня, служившего Иакову подушкой. Генрих Блуаский был человеком широких взглядов и амбиций, величественным, хвастливым и тем не менее преданным. Возможно, он внушил своему брату мысль стать королем. Он, безусловно, рассчитывал находиться рядом с ним и править английской Церковью. Стефан в молодости сильно зависел от него в плане помощи со стороны Церкви, но отказался быть при нем на вторых

ролях. Он не сделал его архиепископом Кентерберийским; вместо этого Генрих стал папским легатом и правил Английской церковью в качестве представителя папы римского с 1139 по 1143 г. Когда эта власть перешла в другие руки, он попытался добиться того, чтобы Винчестер стал епархией архиепископа, но безуспешно. Неосуществившиеся честолюбивые замыслы в сочетании с искренним недоверием к тому, как его брат обращался с церковью, на некоторое время охладили лояльность Генриха. Но по прошествии лет он смягчился, и в дальнейшем блистательный принц-епископ стал уважаемым государственным деятелем, не менее богатым, но более склонным скрывать свое щегольство под монашеской рясой, которую он никогда не переставал носить.

Из близких Стефану людей его брат представляет собой самую волнующую личность. Более верной и постоянной, дающей правильные советы, но все же более удаленной от нашего поля зрения была супруга Стефана королева Матильда Булонская. В то время, когда судьба повернулась к Стефану спиной, когда в 1141 г. он оказался в тюрьме, она взяла бразды правления страной в свои руки. Две Матильды стояли друг перед другом; ирония судьбы состояла в том, что императрица, которую готовили к тому, чтобы править Англией, оказалась по своим умениям и личным качествам ниже королевы, которая в глазах всех была не более чем супруга короля. Правление королевы было кратким, но ее непоколебимая верность Стефану была одним из решающих факторов в возвращении ему короны и тем самым подготовке пути к более спокойным временам в последующие годы его жизни.

Сама императрица была жертвой династической системы, в которой она родилась. Ничей жизненный путь не показывает работу этой системы более ясно. Она родилась в 1102 г., обручилась в возрасте 8 лет и

вышла замуж в двенадцать за императора Генриха V. В 1114 г. ее отправили в Германию. Она оставалась императрицей, пока в 1125 г. не умер ее муж. К тому времени она уже привыкла к своей новой стране и заимела там немало собственности. Англия и ее семья были почти полностью забыты, и она не имела никакого желания возвращаться. Но она имела несчастье быть подходящей вдовой, и, хотя она пыталась противостоять авторитету своего отца, в этом мире правили мужчины, а Генриху она была нужна для его планов. Привыкшая с ранних лет к самому высокому трону в Европе, она оказалась теперь вовлеченной в политику простого королевства; и что еще хуже, сочеталась неравным браком с графом, значительно младше себя. Матильда, видимо, была одарена некоторым обаянием и изрядным умом; в конце своей жизни она могла давать немало хороших советов своему сыну королю Генриху II, которым ему лучше было бы следовать. Но она была слишком молода, когда оказалась лицом к лицу с системой, которая дала ей богатство, не принимая во внимание ее счастье или комфорт. Она научилась пользоваться тем, что она императрица, и выходила, надменная и тщеславная, научившись контролировать вспыльчивый нрав, присущий членам ее семьи, и не привыкнув к необходимости располагать к себе своих сторонников и подданных. Ее второй брак был жалкой сделкой. В 1128 г. она вышла замуж за Жоффруа Анжуйского, но вскоре покинула его. Однако несколько лет спустя они помирились на достаточно долгий срок, чтобы у них появились трое детей. Но они никогда не были по-настоящему счастливы вместе. В 1139 г. они договорились разделить на части владения Стефана: императрица должна была вторгнуться в Англию, а Жоффруа — аннексировать Нормандию. Разделение сил, возможно, было или не было стратегически правильным; оно, безусловно, соответство-

вало их внутрисемейному раздору. Что характерно: Жоффруа сопутствовал успех, а Матильде нет. Она подошла к успеху очень близко благодаря умелому руководству своего единокровного брата Роберта Глостерского, но, когда настал час ее триумфа, ее характер, испорченный богатством и невзгодами, оказался самым сильным оружием Стефана.

В начале 1136 г. английская знать сплотилась вокруг Стефана, и казалось, будто он станет владыкой королевства. Бароны, которые испытывали колебания, даже Роберт Глостерский, в конце концов, прибыли к его двору. В 1137 г. он чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы приплыть в Нормандию и навяжать свое правление в остальных владениях Генриха I. Но волнения уже нарастали. Церковь установила, что Стефан не способен держать данные им обещания насчет того, чтобы править справедливо. Некоторые бароны не смогли забыть, что они присягали на верность императрице, другие сочли удобным вспомнить свою клятву, когда увидели, что Стефану не хватает умения добиваться результата, присущего его дяде и деду. Стефан был отважным и талантливым военачальником, но он не обладал настойчивостью, необходимой для того, чтобы подчинить себе замки баронов, и максимальной жестокостью, чтобы заставить их себя бояться. В сентябре 1139 г. императрица прибыла в Англию, и группа баронов, возглавляемая Робертом Глостерским, оказала ей радушный прием. С 1139 по 1148 г. она оставалась в Англии. На протяжении всего этого времени она имела надежную опору на западе страны, особенно в Бристоле, где обосновался ее единокровный брат.

Прибытие Матильды было своевременным. Стефан уже показал, что не обладает способностью Генриха I справляться с мятежами. Он пытался применять быстрые маневры, но никогда не доводил какой-либо план до конца. В 1139 г. он пленил епи-

скопа Солсберийского, ведущую фигуру в администрации Генриха I, и его родственников и разрушил их замки. Он заподозрил их в предательстве. Без сомнения, он считал, что их позор станет известен баронам, которых они притесняли. Но единственным заметным результатом стало то, что он нажил себе неприятности с церковью и был отлучен от церкви советом, во главе которого стоял его собственный брат. Пока он таким образом настраивал против себя руководителей церкви, в число которых входили также самые честные его сподвижники, его слабость подсказывала самым беспринципным из них, как надо действовать. Прибытие императрицы дало им шанс. Некий барон среднего достатка, не знавший никаких запретов, по имени Жоффруа де Мандевиль, натравливая одну сторону на другую, постепенно накопил огромные земельные наделы и получил титул графа. Более высокое положение занимал лишь эрл Честерский, который добился почти королевской независимости, играя в схожую игру.

В 1141 г. оказалось, что Матильду поддерживает эрл Глостерский и анжуйцы¹ эрл Честерский и основные перебежчики, а также епископ Винчестерский. 2 февраля Стефан потерпел поражение и был взят в плен в сражении у Линкольна. В течение нескольких месяцев казалось, что дело Матильды одержит победу. Генрих Винчестерский объявил совету в Винчестере, что «Бог осуществил свой суд над моим братом, позволив ему подпасть под власть сильных», что именно духовенству принадлежит исключительное право выбирать (этим он явно хотел сказать, что духовенство имеет первый голос при выборах) и рукополагать короля и что они решили, призвав к себе на помощь Бога, выбрать Матильду владычицей Англии и Нормандии. На следующий день прибыли лондонцы, чтобы принять

¹ Странники императрицы, а позднее Генриха II получили название анжуйцев, так как она была графиней Анжуйской.

участие в выборах; но они просто попросили освободить короля Стефана. Было уже ясно, что большое количество людей не хотят видеть суд Божий в пленении Стефана в сражении у Линкольна. Императрице следовало действовать дальше тактично. Ее понятие о такте в тот момент, когда перед ней открывались такие возможности, состояло в том, чтобы двигаться дальше в Лондон, показать свое надменное лицо лондонцам и лидерам баронов и обложить город налогом. Не удовлетворившись этим, она поссорилась с Генрихом Винчестерским, который быстро пересмотрел свои представления о суде Божьем. Императрица была изгнана из Лондона. Епископ возвратился в Винчестер. Королева Стефана собрала армию. Императрица приняла решение возвратить епископа силой, поспешила в Винчестер и осадила епископа в его дворце, замке Вулфси. Вскоре прибыла королева с гораздо большей армией, окружила императрицу и лишила ее средств связи. В этой замечательной двойной осаде сильнее всего пострадал город. Войска епископа бросали из замка горящие головешки, которые подожгли город; сгорели близлежащий женский монастырь и аббатство Хайд, расположенное за пределами города. Перед угрозой пожара и голода Роберт Глостерский принял решение прорываться и отвезти сестру в безопасное место на запад. Это было осуществлено путем ряда вылазок, в основном успешных, хотя во время сражения и был сожжен еще один монастырь, аббатство Вервелл в Северном Гемпшире. Сама императрица спаслась бегством, но Роберт Глостерский был захвачен в плен. Эта потеря имела решающее значение; партия анжуйцев не могла без него существовать. Его обменяли на короля Стефана, а с королем, находящимся на свободе, шансы Матильды на победу улетучились.

Однако сила Матильды была еще достаточно велика, чтобы не дать Стефану одержать окончательную победу. На протяжении сороковых годов во многих

уголках страны возникали единичные очаги войны, хотя со временем они становились все слабее. События 1141 г. оставили Матильде во владение западную часть страны, и она была больше, чем раньше. Ее аванпостом был Оксфорд, крепость, прикрывавшая подходы к Бристолю и Глостеру, ее штаб-квартира. Когда осень сменилась зимой 1142 г., король разработал план захвата Оксфорда вместе с находившейся в нем Матильдой. И он почти удался. Но как раз перед Рождеством Матильда выскользнула ночью из замка в сопровождении всего лишь трех рыцарей и прошла шесть миль пешком. Затем она верхом на лошади по снегу и льду добралась до Уоллингфорда, одевшись в белые одежды, чтобы не быть заметной. Вскоре она добралась до безопасного запада. Там она и оставалась, а ее могущество медленно таяло в течение пяти лет. Королю больше так и не представился случай пленить свою соперницу. В 1147 г. эрл Глостерский умер, а в начале 1148 г. императрица уехала в Нормандию, которая тем временем была завоевана ее мужем. С ее отъездом анархия, которая охватила Англию со времени ее прибытия сюда в 1139 г., наконец прекратилась. Но обладание Стефаном английским тронном по-прежнему ставилось под сомнение.

В 1135 г. старшему сыну Матильды Генриху было два года; когда она покинула Англию, это был храбрый молодой воин лет четырнадцати—пятнадцати. Частично он воспитывался в Англии и получил более основательное образование, чем получали большинство мирян в то время. Но он, видимо, бросил учиться целыми днями лет в двенадцать, когда посетил своего отца в Анжу и Нормандии. В 1147 г. он сделал свою первую попытку заполучить английский трон, в 1149 г. — другую. Это были быстрые и волнующие приключения с незначительными перспективами на успех. Но когда он вернулся на континент в 1149 г., его отец передал ему герцогство Нормандию. Начал-

ся процесс, который должен был превратить Генриха из наследника проигранного дела в одного из величайших представителей династии в Европе. В 1152 г. женитьба французского короля на герцогине Аквитанской была аннулирована на основании кровного родства, и та немедленно вышла замуж за Генриха. В 1153 г. он снова вторгся в Англию с гораздо большими силами, чем в 1149 г. Стефан с ним дрался упорно. Но церковь уже подготовила путь к решению проблемы. Наследником Стефана был его старший сын Юстас, и Стефан пытался обеспечить Юстасу право наследования, короновав его еще при своей жизни. Архиепископ Теобальд, который в тот момент занимал сильное положение, возглавляя английскую церковь, всегда был формально верен Стефану после 1141 г. Но его больше волновало единство королевства и мир в нем, чем личный успех Стефана. Без сомнения, делом его рук было то, что церковь воспротивилась коронации Юстаса, и в 1152 г. папа римский официально запретил ее. Стефан был принят ею как фактический король, но будущим нельзя было заручиться по этой причине. Естественно, отношения между Стефаном и Теобальдом ухудшились, но еще и речи не было о том, что архиепископ стал предателем. В 1153 г., несколько месяцев спустя после высадки в Англии герцога Генриха, Юстас внезапно умер. Это послужило сигналом к активным действиям церкви. Теобальд Кентерберийский и Генрих Винчестерский возглавили движение за то, чтобы свести вместе Стефана и Генриха. Они склонили на свою сторону тех лидеров, которые желали мира; а Генрих как герцог Нормандский стал шантажировать тех, которые, подобно эрлу Честерскому, имели большие владения в Нормандии. В ноябре была достигнута договоренность о том, что Стефан будет королем до самой своей смерти, его младший сын должен унаследовать его баронские вотчины, а Генрих — его

королевство. 25 октября 1154 г. король Стефан умер; 19 декабря Генрих II был коронован и начал издавать хартии под титулом «король Английский, герцог Нормандский и Аквитанский и граф Анжуйский». Благодаря завоеваниям, удаче и браку наследство четырех великих династий по жребии выпало одному человеку. На место Стефана пришел один из самых сильных, безжалостных и одаренных богатым воображением средневековых королей.

Правление Стефана было интерлюдией между двумя Генрихами, при которых Англия жила сравнительно мирно и была готова подчиняться. Почему она так быстро впала в анархию после 1135 г.? Летописец, который описывал кошмар девятнадцати зим правления Стефана, преувеличивал. Анархия длилась всего лишь с 1139 по 1145 г. В 1139 г. и последующие годы анархия была настоящей: горели города и поля, бесконтрольно строились замки, церкви превращались в крепости, междоусобицы на местах велись под прикрытием гражданской войны. Но анархия не распространилась на всю страну и после 1141 г. постепенно утихла, так что к 1145 г. война была скорее случайным, нежели обычным делом. Отсутствие порядка, однако, проявлялось до конца от случая к случаю; Стефан никогда крепко не держал управление страной в своих руках. Период анархии многое говорит о королевской власти в Средние века. Он показывает, насколько могущественны были силы беспорядка, которые другие нормандские короли держали в узде, а также то, как многим королевская власть была обязана личной преданности. Это были крепкие узы между королем и баронами — а также между королем и народом в целом, — которые обычно обеспечивали в Англии мир. Эти узы зависели от феодальной клятвы, от уважения, которое сторонники короля питали к нему, и прежде всего от их преклонения перед его силой и страха перед его гневом. К этому всему до-

бавлялась сверхъестественная аура монархии — «божественность, которая окружает короля, обтесывает его по вашему желанию», по словам Марка Твена. Но без личной преданности и страха эти узы легко рвутся, а божественная природа короля быстро забывается. Подданные никогда до конца не были преданы Стефану. Архиепископ Теобальд был одним из очень немногих выдающихся лидеров, которые так и не дали клятву верности императрице, пока ее отец был жив. И не совсем случайно то, что он был почти единственным человеком, верность которого была непоколебима, за исключением краткого периода в 1141 г., да и тогда с разрешения Стефана. Спорное право на престол могло при случае ввергнуть королевство в хаос. Это может быть достаточно очевидным, но это объясняет, почему были приняты такие серьезные меры предосторожности, чтобы предотвратить хаос. Меры предосторожности были такими продуманными, что такое событие было гораздо более редким в английской истории, чем мы могли ожидать от крушения закона и обычая, которое сопровождало престолонаследие. И все же даже таким образом неудача Стефана объясняется не полностью. Он получил корону в 1135 г., так же как Вильгельм Рыжий получил ее в 1087 г. или Генрих I в 1100 г., когда очевидный наследник был жив и деятелен. Ситуация была немногим — если вообще — хуже в 1135 г., чем раньше. В чем была разница?

Если отвечать коротко, то Стефан обладал качествами герцога Роберта, неудачливого старшего брата, а не Вильгельма и Генриха. Звездным часом Роберта был Первый крестовый поход. Он не был выдающимся полководцем, но он был храбрым рыцарем и надежным военачальником, которому доверяли его солдаты. Он был слишком высокого происхождения. Стефан прекрасно подходил для того, чтобы быть графом Мортенским, графом Булонским, обладателем

титула графа Ланкастерского, основателем Фернесского аббатства, лидером английских баронов. Воспитанный под крылом Генриха I, он видел, как люди инстинктивно подчинялись его дяде. Он также узнал, какой гнетущей может быть его власть. Но инстинктивное послушание король получал не автоматически: он должен был сначала показать себя. И Генрих показал себя, правя тяжелой рукой. Стефану не хватало жестокости и настойчивости. «У короля была привычка, — написал один из летописцев конца XII в. Гервазий Кентерберийский, — энергично приступать ко многим начинаниям, но до достойного похвалы конца доводить лишь немногие».

ЭПИЛОГ

Пока видимой мощи английской монархии угрожало затмение при короле Стефане, поддержанию идеального образа английского короля способствовало развитие двух ярких легенд. В 1138 г. Гальфрид Монмутский издал свою «Историю королей Британии», главным героем которой является король Артур, а Осберт де Клер, настоятель Вестминстерского аббатства, закончил «Жизнь» Эдуарда Исповедника. Эдуард Осберта, естественно, имел некоторое отношение к Эдуарду как исторической личности, хотя у него праведные черты короля заметно усилены, а рассказ о совершенных им чудесах стал гораздо длиннее со времени окончания первого варианта «Жизни» в 1066 г. или около того. У монахов Вестминстерского аббатства были его мощи, но им еще не удалось добиться его канонизации. Усилия Осберта были безуспешными; папа римский отверг прошение монахов. И только в 1161 г. с помощью Генриха II монахам Вестминстера в конце концов удалось сделать так, что имя Эдуарда появилось в церковном календаре, и превратить королевские кости в святые мощи. Эта кампания была религиозным аналогом развивающемуся мнению, будто король Эдуард представлял традиции Старой Англии, что хороший закон должен быть связан с «законом короля Эдуарда», а хорошие

короли — с его семьей. Генрих I взял в жены его двоюродную праправнучку, Стефан — его двоюродную прапраправнучку, Генрих II был его двоюродным прапрапраправнуком. После 1161 г. его мощи присутствовали в Вестминстерском аббатстве на коронациях его преемников; а в XIII в. король Генрих III свои лучшие силы отдал перестройке усыпальницы и церкви Эдуарда и его именем назвал своего старшего сына.

Эдуард I вряд ли забыл бы, что был назван в честь Эдуарда Исповедника. Но сам он, похоже, больше интересовался своим другим знаменитым предшественником Артуром. И нет сомнений в том, что в Эдуарде III было больше от Артура, нежели от Эдуарда. Артур, вероятно, существовал и возглавлял возрождение Британии и отвоевание большей части Англии приблизительно в 500 г. Но на протяжении веков легенда о нем развивалась медленно, и только в XII в. он стал наравне с Карлом Великим и Александром Македонским самым легендарным монархом европейской литературы. Его слава росла, как и популярность многих легенд, расцветших в XII в. на кельтских землях. Начало истории туманно, но Артур стал пользоваться уважением во многом благодаря смелым вымыслам Гальфрида Монмутского. Гальфрид был бретонцем, выросшим в Уэльсе, и хорошо знал кельтскую традицию. Он также пользовался покровительством англо-нормандских баронов и епископов и в конце своей жизни дорос до епископа Св. Асафа, епархии, которая оказалась, однако, такой же придуманной, как и его «История королей Британии», которая большей частью является художественным произведением. Ее главная цель — распространять легенды и рассказы, которыми наслаждался Гальфрид так, будто они были реальной историей. Но по ходу дела ему удалось польстить кельтам, сильно преувеличив их прошлое, и нор-

мандцам — показав Артура как, в сущности, англо-нормандского короля. В середине книги есть несколько очень странных пророчеств, вложенных в уста волшебника Мерлина. Неясно, предсказывают ли они чудесное возрождение кельтов или построение великой Британской империи грядущими нормандскими королями. Двусмысленность явно преднамеренная; Гальфриду доставляло удовольствие мистифицировать своих читателей и водить серьезных историков за нос. Нет сомнений в том, что английские короли в конечном итоге были победителями. Главным центром героического эпоса начала XII в. был королевский двор Карла Великого. Короли и Франции, и Германии могли претендовать на то, что они наследники Карла Великого, и греться в лучах его славы. Во второй половине XII в. Артур превзошел в придворных романах Карла Великого, и английские короли оказались на своем месте.

Артур из «Истории» Гальфрида и легенд о рыцарях Круглого Стола был феодальным владыкой, который советовался со своими баронами и подвергался осуждению, если игнорировал их советы. Несмотря на это, его слово было почти законом; часто отмечалось, что английская монархия в XII в. имела тенденцию к деспотизму. Эта тенденция была пресечена, и направление изменилось на прямо противоположное в XIII в. Это не значит, что бароны, которые оказывали сопротивление Иоанну и Генриху III, создали ограниченную конституционную монархию, известную нам сегодня. Они имели представление о том, как ограничить королевскую власть. Более сложные понятия развились в XIV в. Но между XIV и XVII вв. было далеко не ясно, что абсолютизм королевской власти не заявит о себе вновь. У англичан не было деспотов со времен Якова II, и их особая разновидность конституционной монархии есть нечто отличное от всего, что знали в Средние века. Тем не менее

она больше всего обязана традициям, установившимся между 1688 и 1901 гг., в результате разногласий в общественном мнении, да и всех событий четырех веков, которые разделили Великую хартию вольностей и Гражданскую войну.

Мы не можем завершить изучение английских королей, которые правили до рождения Иоанна, не задавшись вопросом, что связывает их монархию и нашу современную. Большая часть ответа на этот вопрос скрыта в том, что было рассказано в этой книге. В представлении о том, что монарх является символом многих сторон жизни народа, во многих внешних атрибутах монархии, а особенно в главной церемонии миропомазания и коронации поразительно проявляются элементы преемственности. Самое явное отличие состоит в том, что в начале Средних веков было необходимо, чтобы король и имел власть, и управлял. В наши дни важно, чтобы он (или она) этого не делал(а). В Средние века общественные институты и обычаи устанавливали некоторые границы королевского абсолютизма; в XII в. королевская власть устанавливает границы республиканской тенденции английских общественных институтов и выполняет совершенно новую функцию по отношению к Британскому Содружеству. В этих отношениях монархия в начале Средних веков и в наши дни выполняет почти противоположные задачи. Но современная конституционная монархия или «коронованная» республика предполагает долгое развитие как представительных, так и монархических институтов. В отличие от сэра Роберта Коттона мы не можем увидеть в витане зародыш парламента. Если мы зададим вопрос, из каких корней выросли в XIII и XIV вв. представительные институты власти, когда они возникли в Англии, как и почти в каждой стране Западной Европы, ответ должен лежать в плоскости представлений и искусства управления государством конца

XII—XIII в. Но если мы продолжим спрашивать, почему парламенты процветали в Англии более длительное время, чем в других местах, часть ответа будет состоять в том, что в Англии они выросли из институтов местного, уже глубоко укоренившегося управления. Уже во времена саксов королевские представители встречались с местными общинами в судах графств и других местах. В зачаточном состоянии уже существовала идея «самоуправления в распоряжении короля», которая является особой чертой управления Англией в XIII—XIV вв. В условиях Средневековья можно было управлять эффективно лишь в том случае, если далеко расположенные местные общины были согласны на добровольную совместную работу; таким образом, элемент самоуправления был необходим для сильного правления. Самоуправление в распоряжении короля помогало английским королям править более эффективно, нежели королям в большинстве других европейских стран наших дней. Но оно также означало, что английским королям было сложнее полностью игнорировать мнения своих влиятельных подданных.

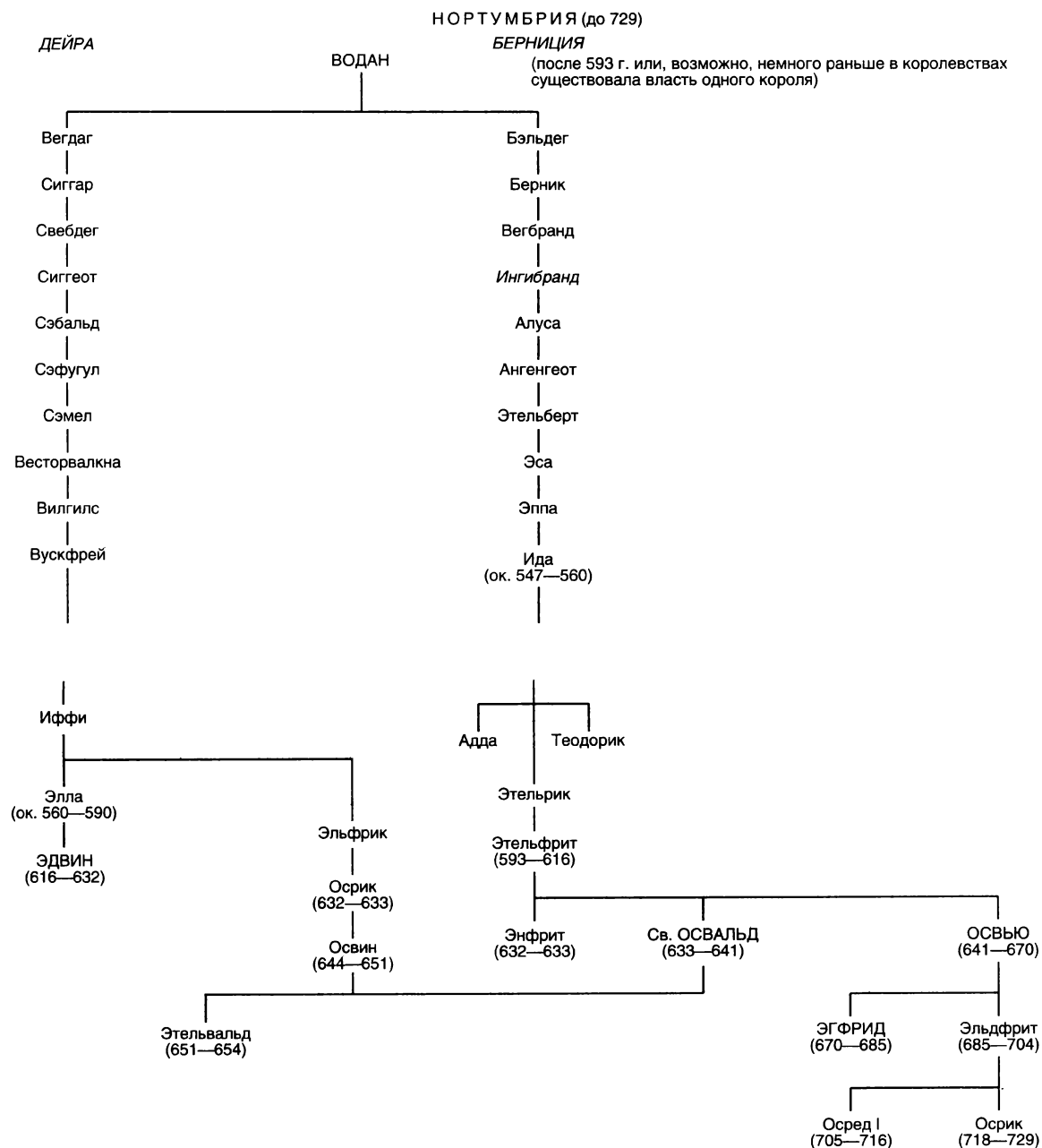
Последствия этого были далеко в будущем, в 1154 г.; самый большой интерес в нашем рассказе должно вызывать то, как изменяющиеся представления и обстоятельства формировали мощный институт власти — представления примитивные и замысловатые, существовавшие в умах людей с самым разнообразным мировоззрением и образованием, а также то, как этот институт развивался и изменялся в руках королей, которые зачастую обладали чрезвычайно ярко выраженной индивидуальностью. С течением времени такая индивидуальность лучше отражалась документально, и вот мы с некоторой долей точности можем отметить то влияние, которое оказали Альфред, Этельстан, Кнуд и трое первых нормандских королей на королевскую власть в Англии, а также ее

влияние на них. Но даже при этом нас постоянно мучают проблемы, которые мы не можем решить. Древние короли появляются перед нами, как ряд незаконченных портретов. Иногда кажется, что они оживают и выходят из рам. Но этот момент проходит, призраки растворяются в стене, а мы остаемся вглядываться в старые, обветшалые, незаконченные холсты в поисках новых доказательств того, как художник хотел закончить эти портреты.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

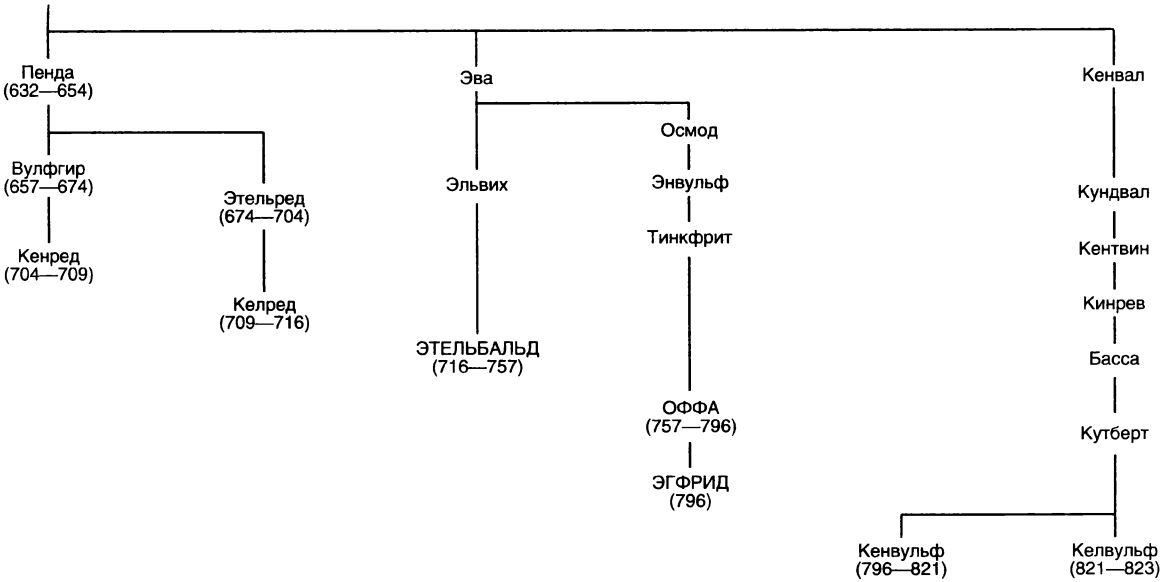
Предлагаемые ниже генеалогические таблицы представляют собой упрощенные версии родословных королей Нортумбрии, Мерсии, Уэссекса и Англии. Полные списки королей представлены в «Справочнике британской хронологии» под редакцией Ф.М. Повика и И.Б. Фрайда (2-е изд., Лондон, 1961) и в книге У.Г. Сирла «Англосаксонские епископы, короли и дворяне» (Кембридж, 1899). Древние имена в этих родословных вполне могут быть по крайней мере отчасти придуманными; информация становится более достоверной по прошествии веков. Часто в древние времена группа членов одной семьи правила одновременно; это скрыто в предлагаемых таблицах: невозможно перечислить всех известных соправителей, не сделав таблицы совершенно невразумительными. Многие младшие братья и их семьи не включены в таблицы.

Имена, написанные прописными буквами, упоминаются в тексте этой книги. Имена с рядом стоящими датами действительно принадлежали королям; имена без дат принадлежали тем, кто, возможно, имел ранг короля — у многих он был, у кого-то, безусловно, нет.

(В начале VIII в. это королевство перешло в руки других семей, но просуществовало приблизительно до 878 г., когда его завоевали викинги, которые основали королевство с центром в Йорке, которое сохранялось до середины X в.)

МЕРСИЯ

Далее идет череда королей неизвестного происхождения, последний из которых по имени Бургред был смещен элдерменом Этельредом перед 883 г.

УЭССЕКС

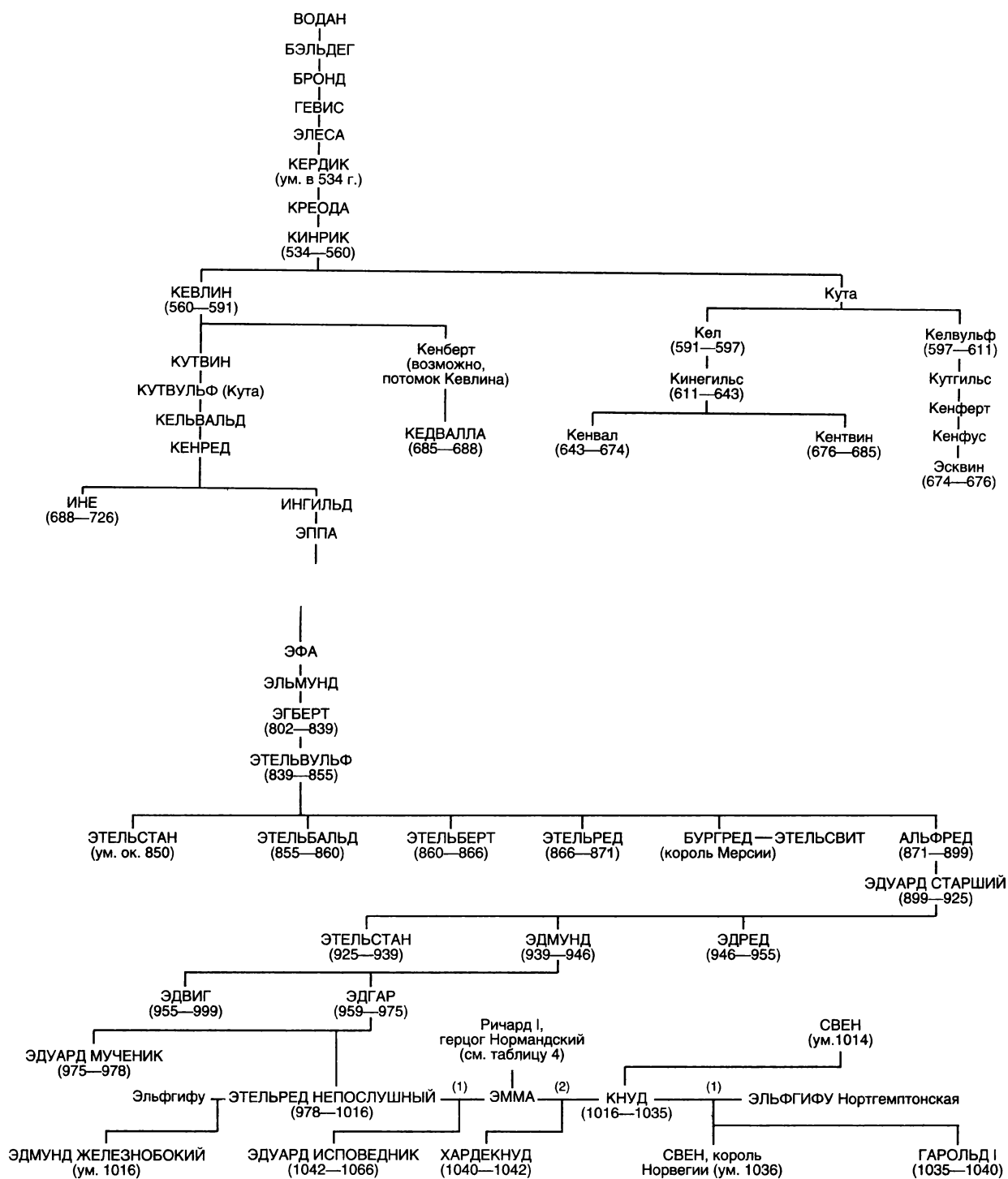
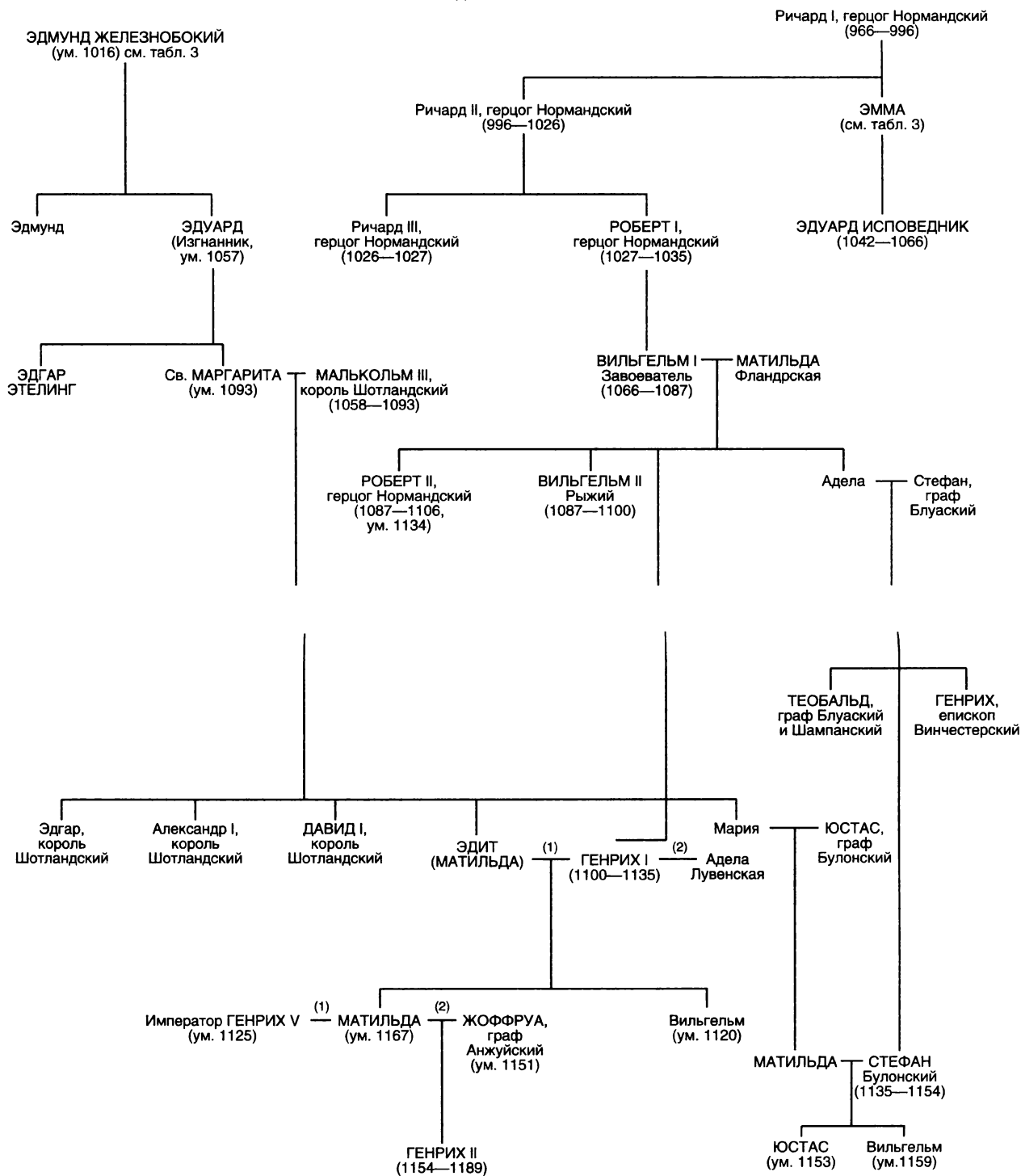

Таблица 4

НОРМАНДСКИЕ КОРОЛИ

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Корабль викингов, реконструкция. Из музея Осло. Его точная копия пересекла Атлантический океан в 1893 г.

2. Декоративная крышка кошелька. Из захоронения корабля в Саттон-Ху, Британский музей. Сама крышка разрушилась; вероятно, она была сделана из слоновой или иной кости; крепления, остов и пластинки сохранились. Шестиугольные пластинки являются самыми искусными образцами искусства перегородчатой эмали, характерными для ювелирных изделий из Саттон-Ху. В центре находятся две хищные птицы, хватающие уток; по обеим сторонам изображен человек, стоящий между двумя животными; возможно, это Даниил в логове Льва.

3. Вал Оффы на холме Лланвэр, Шропшир. Видно, что вал тянется на юго-восток через холм. При спуске он делает поворот и идет вдоль линии деревьев: при повороте землемеры выровняли его по холму Гумсанахам, стоящему напротив (он вне поля зрения); на протяжении полутора миль он не отклоняется от этой линии более чем на 50 ярдов.

4—6. «Штандарт», шлем и точильный камень. Из захоронения корабля в Саттон-Ху, Британский музей. Шлем железный с позолоченными, бронзовыми и серебряными пластинами. Одна пластина действительно идентична небольшому фрагменту шлема, найденному в королевском захоронении в Гама-Уппсала (Швеция), и поэтому считается, что шлем из Швеции. Предполагают, что два других предмета являются королевским штандартом и церемониальным точильным камнем, видом скипетра, символом короля как кузнеца-Вейланда, мастера по ковке мечей. Но это предположение может быть ошибочным, и

штандарту давались различные толкования — подставка для закрепления факелов из сосновой лучины для освещения высокого стола в зале; а также стойка для скальпов.

7. Саксонский кафедральный собор: Северный Элмхем, Норфолк.

8. Отрывок из «Беовульфа». Британский музей, коллекция Коттона. Рукопись была повреждена во время пожара в 1731 г. Со временем обуглившиеся края отвалились, но, прежде чем это случилось, были сделаны копии, по которым мы можем восстановить недостающие слова.

9. Книга Судного дня: отрывок с первой страницы об Уилтшире, увеличен.

10. Король с державой и скипетром: монета Эдуарда Исповедника. Из Музея Ашмола. Эта монета и печать демонстрируют явно «имперское» влияние — монеты Византийской империи, так как это подражание монете кузена и наследника Юстиниана Юстина II. Печать Германской империи, так как лицевая ее сторона является очень близкой копией императорской печати XI в.

11. Эдуард Исповедник: фальшивая печать. Из Британского музея. Матрица, с которой были сделаны лицевая и обратная стороны, была искусно изготовлена в Вестминстерском аббатстве в середине XII в. Печати этого мастера прикладывались к поддельным хартиям ряда религиозных орденов. Эта печать представляет собой близкую копию настоящей печати Исповедника, самую древнюю известную копию большой печати; подлинные образцы сохранились недостаточно хорошо, чтобы их можно было воспроизвести.

12. Вильгельм II: подлинная печать, обратная сторона. Из Британского музея. Слепок с Даремской хартии.

13. Король Этельстан дарит книгу св. Кутберту. Из колледжа Тела Христова, Кембридж.

14. Укрепленный город саксов: Уоллингфорд, Беркшир. С фотографии доктора Дж.К.С.Ст. Джозефа.

Наверху линия укреплений прерывается нормандским замком, остатки которого видны в правом верхнем углу, они закрывают мост. Уоллингфорд был ключевой крепостью в войне между Стефаном и будущим Генрихом II в 1153 г. Стефан осадил город и противостоял Генриху, который пытался снять осаду с другой стороны реки; но, прежде чем они начали сражение, было заключено перемирие.

15. Король Кнуд и королева Эмма (Эльфгифу) вручают подарок для нового кафедрального собора, Винчестер. Из Британского музея. Ангелы держат покрывало королевы и корону короля и указывают пальцем на Христа, источник королевской власти. Прекрасный рисунок позднего «дозавоевательного» периода (1020—1030).

16. После возвращения из Нормандии Гарольд приходит к Эдуарду Исповеднику. С гобелена из Байо.

17. Золотые кольца королевы Мерсии Этельсвит (855—888) и короля Уэссекса Этельвульфа (839—858). Из Британского музея. Это сестра и отец Альфреда. На кольцах есть надпись «королева Этельсвит» и «король Этельвульф»; на кольце королевы помещено изображение агнца Божьего.

18. Ювелирное украшение Альфреда. Из Музея Ашмола. Это восхитительное ювелирное украшение длиной два с половиной дюйма сделано из золота с эмалевым портретом под кристаллом. Оно было найдено неподалеку от Ателни в XVII в., и нет причин сомневаться в том, что оно было сделано для короля Альфреда. Было высказано предположение, что король держит скипетры в обеих руках.

19. Англосаксонские монеты. Из Музея Ашмола. Этельред Непослушный, Кнуд в шлеме, Эдуард Исповедник (ок. 1053—1056), Эдуард Исповедник (1065—1066), Гарольд II (1066).

20. Смерть Эдуарда Исповедника. С гобелена из Байо. Сцена смерти Эдуарда расположена в центре длинной картины: слева от нее изображено, как его несут в Вестминстерское аббатство для захоронения, справа — Гарольд получает корону, а выше — коронация Гарольда (см. 10а). Почему события изображены в таком порядке, что получается, будто короля хоронят прежде, чем он умер? Видимо, отчасти это должно указывать на скорость, с которой Гарольд вззошел на престол, а отчасти для того, чтобы не отделять смерть Эдуарда от вручения короны Гарольду. Человек, который протягивает корону Гарольду, указывает на двойную сцену, сцену предсмертной речи короля и его смерти.

21. Коронация Гарольда. С гобелена из Байо.

В этой сцене вместились три этапа коронационной церемонии. Справа стоящий архиепископ призывает народ выразить одобрение (или, возможно, принести вассальную присягу); слева Гарольду вручают меч; в центре изображен он сам сидящий на троне и в короне. Не показано, как архиепископ

коронуется Гарольда. Возможно, это сделал архиепископ Йоркский, потому что Стиганд был в опале. Но если так, то гобелен можно обвинить в хитрой пропаганде, так как любой человек решил бы, что архиепископ, который осуществлял *collaudatio* (или призывал к вассальной присяге), совершил и остальную часть церемонии.

22. Смерть Гарольда. С гобелена из Байо.

Эта картина — загадка. В древнем предании говорится, что Гарольд был убит стрелой, попавшей ему в глаз, поэтому считали, что его изображает третья фигура слева, самая большая в группе людей. Но эта сцена завершается драматическим убийством другого человека. Который из них Гарольд? Или его изображают обе эти фигуры — точно так же, как дважды изображен Вильгельм в сцене выхода нормандской армии из Гастингса? (Следует отметить, что конец гобелена подвергся большой реставрации в XIX в.)

23. Укрепленный лагерь нормандцев в Гастингсе. С гобелена из Байо. Военачальник надзирает за строительством укрепления, холма с деревянной башней на его вершине.

24. «Белая башня», цитадель лондонского Тауэра.

25. Четыре нормандских короля, рис. Матвея Парижского, ок. 1250 г. Из Британского музея.

Эти изображения, сделанные знаменитым монахом из монастыря Св. Альбана, историком и художником Матвеем Парижским, не являются портретами в современном смысле этого слова. Они являются источником многочисленных современных портретов королей, начиная с гравюр XVII в. и кончая игральными картами XX в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава 1.</i> Методика исследования	9
<i>Глава 2.</i> Как становились королями	21
<i>Глава 3.</i> Чем занимался король.....	58
<i>Глава 4.</i> Происхождение.....	87
<i>Глава 5.</i> Маленькие королевства.....	100
<i>Глава 6.</i> Интерлюдия: 670—871 гг.....	120
<i>Глава 7.</i> Альфред.....	126
<i>Глава 8.</i> Десятый век	142
<i>Глава 9.</i> Кнуд и Эдуард Исповедник	164
<i>Глава 10.</i> Завоеватель и завоевание	175
<i>Глава 11.</i> Сыновья Завоевателя.....	194
<i>Глава 12.</i> Стефан.....	220
Эпилог.....	235
Генеалогические таблицы	241
Подписи к иллюстрациям.....	250

Брук Кристофер
САКСОНСКИЕ И НОРМАНДСКИЕ КОРОЛИ
450—1154

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 25.11.2010.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,79.
Уч.-изд. л. 11,79 + вклейка = 12,62.
Тираж 3 000 экз. Заказ № О-1751.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО "АТОН". Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@peterlink.ru

Кристофер Брук САКСОНСКИЕ И НОРМАНДСКИЕ КОРОЛИ

История Средних веков полна загадок и тайн, а ее изучение сродни детективному расследованию. Но те, кто умеет воссоздавать из разрозненных фактов целостную картину, кто хочет увидеть человеческий характер в действии и среде далекой от его собственной, изучая своих предков, будет щедро вознагражден — он получит неизъяснимое удовольствие. Именно такое исследование предпринял Кристофер Брук, историк, профессор Лондонского университета, посвятивший свою книгу истории королевской власти в Англии.

Наблюдая за сменой королей на престоле, автор сообщает не только даты их правления и сражений, он дает представление о том, какими они были: их вкусы, интересы и достижения. Почему король Этельстан был таким знатоком «реликвий», был ли Вильгельм II атеистом, участвовал ли Генрих I в убийстве Вильгельма II? Отвечая на эти вопросы, Брук изучает природу монархической власти, стараясь освободиться от современных предрассудков и мнений тех историков, которые видели в королевской власти лишь источник тирании.

ISBN 978-5-227-02590-6

9 785227 025906

ЦЕНТРОЛИГРАФ®